
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание
Основано в 2009 г.
№1 (25)
2016

Главный редактор – канд. пед. наук **В.Н. Абросимов**
Зав. редакцией – **Т.А. Магсумов**
Ответственный секретарь редакции – **Я.А. Максимов**
Технический редактор, администратор сайта – **Ю.В. Бяков**
Компьютерная верстка – **Р.В. Орлов**

MODERN RESEARCH OF SOCIAL PROBLEMS

Printed Scientific Periodical Edition
Founded in 2009
№1 (25)
2016

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**, PhD
Deputy Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**
Executive Secretary – **Ya.A. Maksimov**
Support Contact – **Yu.V. Vyakov**
Imposer – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2016
Научно-Инновационный Центр

Кrasnoyarsk, 2016
Science and Innovation Center Publishing House

Современные исследования социальных проблем, №1(25), 2016, 286 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://sisp.nkras.ru/p-ru/>

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Research of Social Problems, №1(25), 2016, 286 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

Modern Research of Social Problems is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI).

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://sisp.nkras.ru/p-ru/>

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088, «SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2016

Члены редакционной коллегии

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», член Президиума АН РТ

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, Россия

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в. ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик Филиала Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в г. Железногорске

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВПО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии и истории ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Корнилова Ирина Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания ФГБОУ ВПО «Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов»

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурологии и туризма Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, начальник научного отдела ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

Покрищук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Саянко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарного знания ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса»

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургское ГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена»

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия»

Editorial Board Members

Valeev Nail Mansurovich – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Philology, professor; Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan; member of the Writers' Union of Russia and the presidium of the Union of Russian ethnographers; Vice-President of the Republic of Tatarstan; Academician-secretary of the Department of Humanities of the Republic of Tatarstan

Galieva Farida Gabdulkhaevna – Senior Researcher, Institute of Ethnological Studies Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor of Moscow State Pedagogical University, Branch in Ufa

Gasanov Magomed Magomedovich – Vice-Rector for Academic Affairs (Dagestan State University), Doctor of History, Professor

Gotvtseva Anastasiya Gennadevna – Doctor of Philology, Associate Professor, assistant professor of literary criticism of the Faculty of Journalism of the Institute of the media «Russian State University for the Humanities»

Dotsenko Dmitry Vasilevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Zheleznogorsk Branch

Zubova Yana Valerevna – Doctor of Social Sciences, Department of Management, Ukhta State Technical University, Branch in the city of Usinsk

Zulyar Yuriy Anatolevich – Head of the Department of Political Science and the Faculty of History of Russian history, Irkutsk State University, Doctor of History

Kornilova Irina Valerevna – Doctor of History, Assistant Professor, Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Educational Technologies and Resources

Litvin Aleksandr Alterovich – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Museology, culture and tourism, Kazan (Volga) Federal University

Matsievskiy German Olegovich – Head of the Scientific Department of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Doctor of History, Associate Professor

Mostitskaya Natalya Dmitrievna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State University of Culture and Arts

Pokrishchuk Dmitriy Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Lecturer, Department of humanitarian and socio-economic disciplines Russian State Humanitarian University

Popovkin Andrey Vladimirovich – researcher in the Department of Ethnography, ethnology and anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IIAE FEB RAS), associate professor of the philosophy of the Far Eastern State Technical University, Candidate of Philosophy

Popovkina Galina Sergeevna – Senior Fellow of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of RAS (Vladivostok), Candidate of History

Pulkin Maksim Viktorovich – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural, Petrozavodsk State University

Saenko Natalya Ryafikovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State Pedagogical University

Serov Nikolay Viktorovich – Doctor of Cultural Studies, Professor of Philosophy and Cultural Studies St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

Sudovikov Mikhail Sergeevich – Doctor of History, Assistant Professor, Head of the department of national history, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Vyatka State University of Humanities»

Shirokalova Galina Sergeevna – Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-7-19

УДК 908[286.12+39]

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕННОНИТОВ ПО ДАННЫМ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ, АНДРОНИМОВ И ТОПОНИМОВ

Евсеев Н.О.

Целью работы является изучение этнического происхождения меннонитов, проживавших в поволжских колониях. Основным методом проведения исследования служит сравнительно-исторический анализ литературного немецкого и разговорного языка меннонитов, а также андронимов и топонимов в Самарской губернии и местах исхода по данным X ревизии 1857 г. и опубликованной отечественной и зарубежной литературы. На их основе выявлено, что меннониты являлись частью этноконфессиональной общности, сформировавшейся в Пруссии в XVIII веке. Андронимы подтверждают их фризское, фламандское и нижненемецкое происхождение. Топонимы указывают на связь с местами исхода и природными особенностями территории. Данные этнолингвистики убедительно доказывают, что до начала XX века в повседневной жизни они использовали немец-

ко-платский вариант верхне-нижненемецкого языка (Plautdietsch). Сохранение этнического единства и традиций достигалось в частности путем запрета браков с местным населением. Результаты исследования могут применяться в научных и педагогических целях.

Ключевые слова: *Поволжье; меннониты; немцы-колонисты; немецко-платский язык.*

ETHNIC ORIGIN OF MENNONITES ACCORDING TO DATA OF ETHNOLINGUISTICS, FAMILY AND PLACE NAMES

Evseev N.O.

The purpose of work is studying of ethnic origin of the Mennonites, which would live in the colonies in the Volga region. The main method of the research carries out into the comparative-historical analysis of literary German and spoken language of Mennonites, and family names and place names of their settlements in Samara Governorate according to Xth Revision list 1857 and to the data published in Russian and foreign researches. Based on this sources it is revealed that they were part of the ethnoconfessional community, having created in Prussia in the XVIIIth century. The family names show their Frisian, Flemish and Low German origin. Place names indicate communication with out-come places and natural features of the territory. At the beginning of the XX century, they used to speak Plautdietsch (Mennonite Low-German) in everyday life. The preservation of ethnic unity and traditions was reached by a ban on marriages with local population. The results of research could be applied in the scientific and pedagogical purposes.

Keywords: *Volga region; Mennonites; German colonists; Plautdietsch (Mennonite Low German).*

В 1854–1872 гг. под влиянием политических, экономических и религиозных причин меннониты совершают переселение из Восточной Пруссии в Новоузенский уезд Самарской губернии, где они основали 10 колоний [11, с. 7]. В отличие от предыдущей немецкой миграции в Поволжье новоприбывшие отличались по своему этническому происхождению. Именно его изучение определяет цель данной статьи. Вопрос об этнической истории меннонитов является одним из самых актуальных, однако впервые делается попытка рассмотреть его через призму этнолингвистики, анализ андронимов и топонимов.

В XX веке среди исследователей меннонитства была популярна версия о немецком происхождении меннонитов. Впервые это предположение озвучил выходец из меннонитских колоний юга России историк Б.Г. Унру. В качестве доказательств он приводит тот факт, что основателями нового учения стали швейцарские и немецкие беженцы, изначально говорившие на немецком языке [17, с. 42–44]. Кроме того, Унру считал, что в XVI веке не наблюдалось «существенных различий между языком фризов и нижнемецким наречием» [17, с. 123–124].

Антагонистическим стало утверждение историка И.С. Постма о нидерландском происхождении меннонитов. Он исследовал этническую историю переселенцев, прибывших в Польшу, а затем переселившихся в Российскую империю. Объектом его исследований стали фамилии меннонитов. Согласно его данным, примерно «60–65% переселенцев происходили из франкских провинций Нидерландов, не более 15–20% – из нижнесаксонских и восточнофризландских земель; доля фризов не превышала 20%» [15, с. 106]. В итоге, Постма делает вывод о том, что, по крайней мере, 500 из 567 фамилий меннонитов указывают на их нидерландское происхождение [15, с. 104]. Таким образом, по его данным, меннониты до переселения в Западную Пруссию представляли собой сложный этнический конгломе-

рат, состоящий из фламандцев, голландцев, фризов и нижних саксонцев. Однако ни одна этническая группа не преобладала над другими. Отталкиваясь от данных Постма, исследователь А.Н. Ипатов сделал вывод о том, что «на основе синтеза этих этнических групп происходило формирование новой этнической общности» [5, с. 42–44].

Для многих историков является дискуссионным вопрос о том, какое влияние оказало на новую этническую общность немецкое население Пруссии, и смогли ли меннониты сохранить свою идентичность. Российский историк Г.Г. Писаревский считал, что после переселения в Пруссию меннониты «совершенно там онемечились» [8, с. 11]. Это утверждение позволило С.Д. Бондарю сделать вывод о том, что все меннониты, переселившиеся затем в Россию, уже являлись немцами [1, с. 185]. Однако со временем появляется ряд других точек зрения, которые доказывают обратное.

В первую очередь заслуживает внимания работа П. Брауна. По его версии, меннониты, оказавшись в Западной Пруссии, проживали рядом с местным населением, говорившим на немецко-платском варианте восточно-нижнегерманского диалекта немецкого языка (Plautdietsch). Для многих переселенцев эта речь была понятной, и через некоторое время этот диалект распространился среди меннонитов. Голландский язык около 200 лет употреблялся в качестве богослужебного и литературного языка, но на рубеже 60–90-х гг. XVIII в., после разделов Польши, его вытеснил литературный немецкий. При этом разговорным языком меннонитов продолжал оставаться Plautdietsch.

Но, несмотря на это, П. Браун утверждает, что в этническом отношении меннонитов «можно считать только голландцами» [2, с. 22]. Исследователь полностью отрицает какую-либо их ассимиляцию с немецким населением Пруссии. В качестве доказательств он приводит замкнутый характер общин меннонитов и в Пруссии,

и в России, обособленность их проживания и конфессиональный запрет на браки с иноверцами.

Иную точку зрения представил А.Н. Ипатов. Он сделал вывод о том, что в XVI веке немецкоязычное население Западной Пруссии «не имело привилегированного положения по сравнению с меннонитами, чтобы заставить их утратить свои этнические особенности и онемечиться» [5, с. 17]. Подобные обстоятельства сложились только после разделов Польши, когда Гданьск и устье реки Вислы вошли в состав Прусского королевства. Эту версию Ипатова подтверждают и статистические данные. Так, до разделов Польши немецкоязычное население не превышало 30% от общего числа жителей устья реки Висла [5, с. 17]. Кроме того, Ипатов отрицает и процесс онемечивания внутри меннонитской общины, поскольку доля нижних саксонцев в 15–20% была незначительной [5, с. 19]. Процесс «онемечивания» начинается с правления Фридриха II Великого, который стал заселять немецкими колонистами бывшие польские земли. После второго раздела Польши прусское правительство лишило меннонитов права приобретать земельную собственность. Исключение делалось только для тех, кто сможет отказаться от своей веры и отбывать воинскую повинность. Однако, полностью «онемечить» переселенцев из Голландии не удалось. Оно коснулось только языка меннонитов – переход в разговорной речи на *Plautdietsch*, а в письменной форме – на литературный немецкий. В то же самое время меннонитов нельзя рассматривать в качестве голландцев. По мнению А. Н. Ипатова, они представляют особую этноконфессиональную общность, которая «представляет широкое явление, происходящее в течение длительного взаимодействия культурного комплекса какого-либо исповедания со специфическими элементами культуры и культурно-бытовыми особенностями той этнографической группы, с которыми это вероисповедание связано» [5, с. 47].

Меннонитам после переселения в Поволжье удалось сохранить некоторые этнокультурные, например, языковые особенности, сформировавшиеся в местах исхода. Показателем этого может служить сравнительный языковой анализ. В начале XX века они продолжали пользоваться в повседневной сфере Plautdietsch. Это наглядно демонстрирует работа Георга Дингеса, изучавшего в 1920-х гг. язык немцев-меннонитов Поволжья. Различие литературного немецкого и немецко-платского языка наглядно демонстрирует приведённая ниже таблица [12]:

*Таблица 1.***Сравнение Plautdietsch и литературного немецкого языка**

Plautdietsch	Литературный немецкий язык
Dou kohla en den oowa, dat de maalk boul tou kooka anfangt.	Tue Kohlen in den Ofen, dass die Milch bald zu kochen anfängt.
De aat de aije eme ohne salt on pepa.	Er isst die Eier immer ohne Salz und Pfeffer.
Miin lewet kind, bliif hi one schdoh- ne, sonst biita dii di jänts duut.	Mein liebes Kind, bleib hier unten ste- hen, sonst beißen dich die Gänse tot.
Ek sii bii de fruu jewese	Ich bin bei der Frau gewesen.

Отражением самосознания меннонитов явились топонимические именованья мест поселения. Для их анализа воспроизведём немецкие и русские названия всех меннонитских поселений, основанных в Поволжье: Köppental (Кеппенталь), Nahnsau (Ганс-Ау), Lindenau (Линденау), Fresenheim (Фрезенгейм), Hohendorf (Тогендорф), Lysanderhöh (Лизандерге), Orlof (Орлов), Ostensfeld (Остенфельд) и Medemtal (Медемталь) [10]. В итоге можно выделить несколько типов названий колоний.

Первую группу составили колонии, названные в честь влиятельных российских чиновников, которые всячески способствовали к водворению меннонитов в Поволжье. Данный тип топонимов является характерным для меннонитских поселений в России. Они

давались как проявление лояльности по отношению к власти. К данному типу можно причислить большинство меннонитских колоний в Поволжье. Так, например, колонии Фрезенгейм, Лизандерге и Остенфельд получили название в честь трех управляющих Саратовской конторы иностранных поселенцев А. фон Фрезе, Ф.С. Лизандера и Г.А. фон Остен-Сакена [3, с. 428–429].

Вторую группу представляют поселения, именованя которых имеет значение «поселение на равнине/на холме». В их названии есть элементы «-**tal**» («долина»), «-**feld**» («поле») и «-**höh(e)**» («высота, холм»). В качестве примера можно привести колонии Медемталь, Кеппенталь, Лизандерге и Остенфельд.

В третью группу вошли поселения, названия которых содержат элемент «-**au**». Он происходит от немецкого слова «die Aue» («пойменный луг» или «зелёный остров»), указывающего на хорошую обеспеченность водой местности для поселения. Данный топоним является характерным для меннонитов. С. И. Дубинин сделал предположение о том, что распространённость элемента «**au**» именно у меннонитов связана с религиозной идеей поиска «земли обетованной». Тогда окончание «-**au**» приобретает новый смысл – «наилучшее место обитания» [4, с. 177–178]. Действительно, колонии Ганс-Ау и Линденау находились на берегах реки Малыш и Тарлык. Колонии с подобными названиями существовали и в Западной Пруссии – Монтау, Диршау, Пробернау и многие другие.

Четвёртую группу составили колонии, которые именовались в результате переноса названия места выезда на новое поселение. Примеров таких переносов не много. Прежде всего, это колонии Орлов и Линденау, которые имели свои «аналоги» в Западной Пруссии и откуда, видимо, прибыло население на Волгу. Однако, как видно из примеров, многие колонии сочетают в своём названии несколько типов наименований.

Другим своеобразным показателем этнической истории меннонитов являются их фамилии. Как правило, андронимы распространены на определённой территории, что позволяет установить точное место проживания людей в прошлом. По ревизской сказке 1857 г. можно установить весь корпус фамилий и имён меннонитов, основавших колоний Ганс-Ау, Кеппенталь и Линденау. Он состоит из 34 фамилий [10], из которых можно выделить группу высокочастотных (регулярных), носителями которых являлись по три-шесть семей в новых колониях. Около 44% всех жителей колоний были обладателями этих фамилий: Янцен (Janzen), Фрезе (Froese), Клаасс (Kla(a)ssen), Гамм (Hamm), Пеннер (Penner), Никель (Nickel), Квириг (Quiiring) и Эккерт (Ekkert). Все эти андронимы имеют фризское происхождение или восходят к этнониму – Froese («фриз»). Например, представители рода Янценов (Jansen – «сын Яна») являются выходцами из Фрисландии, которые в 1568 году уехали в Данциг [15, s. 111]. Интересное происхождение имеет фамилия Квириг (Quiiring). Как считает Стенли Гардер, она произошла от фризского имени «Сруп», которое затем латинизировалось в «Qiurin». Фризское окончание «-g» имеет обозначение «сын Квирина» [14, p. 27].

Вторую группу составили среднечастотные фамилии (по две семьи), представителями которых являлись 29% поселенцев. К ней принадлежат такие семьи как Валь (Wall), Горн (Horn), Эпп (Epp), Тевс (Toews), Мартенс (Martens), Функ (Funk), Петерс (Peters), Гейдебрехт (Heidebrecht), Альбрехт (Albrecht), Шмидт (Schmidt). Большинство андронимов этой группы имеют фламандское, фризское и нижненемецкое происхождения. Например, установлено, что фамилии Эпп и Тевс имеют фламандское происхождение [15, s. 140].

В последнюю группу вошли редкочастотные фамилии (по одной семье), которыми обладали 27% переселенцев. В основном они нижненемецкого происхождения: Бестфатер (Bestfater), Бартель (Bartel), Фаст (Fast) и другие [15, s. 109].

Значительное число фризских, фламандских и нижненемецких фамилий говорит об устойчивости этноконфессиональной общности меннонитов. Преградой к ассимиляции с немецким населением, прежде всего, был запрет на браки с инаковерующими. В их понимании брак с иноверцами противоречит этическим принципам. Супруги должны быть из числа «избранников божьих», которые заключают свой союз перед «общиной святых». Первоначально браки ограничивались для сохранения чистоты общины. Однако с переселением меннонитов в Польшу эти «конфессиональные ограничения» переросли, по мнению А.Н. Ипатова, в «этнические» [5, с. 24]. В Польше и России имелись и другие причины такой замкнутости. Переселенцы здесь обладали исключительными правами по сравнению с другими категориями населения, поэтому делиться своими привилегиями меннониты не желали [5, с. 42].

Однако среди приведённых выше фамилий встречаются фамилии нижненемецкого происхождения, например, Нейманн и Нейфельд. Это говорит об исключительных случаях принятия в общину представителей других этносов, причём они обязательно переходили в меннонитство. По данным Постма, подобные случаи носили исключительный характер и порицались другими общинами [12, s. 104]. В России переход лютеран и католиков в веру меннонитов официально не запрещался, но принятый в общину иноверец не пользовался правами и привилегиями меннонитов [2, с. 21–22; 9].

Таким образом, поволжские меннониты представляют собой часть особой этноконфессиональной общности, сформировавшейся в Западной Пруссии в XVIII в. Это тезис подтверждают данные сравнительно-исторического анализа литературного немецкого и разговорного языка меннонитов. Вплоть до начала XX в. в повседневной речи они использовали немецко-платский вариант верхне-нижненемецкого языка (Plautdietsch), воспринятого в Пруссии. Исследова-

ние андронимов указывает на их фризское, фламандское и нижненемецкое происхождение. Топонимы содержат в себе информацию о месте исхода, физические особенности территорий и имена российских чиновников, способствовавших переселению. Основную роль в сохранении этноконфессиональной общности, традиций и обычаев выполнял запрет на браки с местным населением, что имело в свою очередь негативные последствия, выразившиеся в этнической замкнутости, интеллектуальной стагнации и фоссилизации.

Список литературы

1. Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России. Петроград: Типография В.Д. Смирнова, 1916. 206 с.
2. Браун П.Я. Кто такие меннониты? Краткий исторический очерк. 2-е испр. и доп. изд. Гальбштадт: Изд. Т-ва «Радуга», 1915. 78 с.
3. Дитц Я. История поволжских немцев колонистов. М.: Готика, 1997. 496 с.
4. Дубинин С.И. Этносостав и ономастика немецких поселений северо-запада Самарской губернии // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы Российско-Германской научной конференции. М.: МСНК, 1995. 178 с.
5. Ипатов А.Н. Меннониты: вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М.: Мысль, 1978. 213 с.
6. Кауфман А.А. По новым местам. Очерки и путевые заметки 1901–1903. СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1905. 358 с.
7. Клаус А.А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Выпуск 1. СПб.: Типография В.В. Нусвальта, 1869. 516 с.
8. Писаревский Г. Переселение прусских меннонитов в Россию при Александре I. Ростов-на-Дону: Типография т-ва С.С. Сивожелезов, 1917. 68 с.

9. Соколовский С.В. Меннониты Алтая: История, демография, ономастика / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: ИЭА РАН, 1996. 257 с.
10. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 150. Оп. 1. Д. 142. Л. 1447–1450, 1457–1462, 1470–1474.
11. Dyck J., Surukin W. E.. Am Trakt: a Mennonite Settlement in the Central Volga Region. Winnipeg: CMBC Publications, 1995. 92 p.
12. Dinges G. Über unsere Mundarten // Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets. Pokrowsk: Nemgosisdat, 1923. S. 60–73.
13. Gottschald M. Deutsche Namenkunde. Mit ein Einführung in die Familiennamenkunde von Rudolf Schützeichel. Berlin: De Gruyter, 2006. 423 s.
14. Harder S. From Prussia to Russia to North America: 300 years. Tracing Mennonite story from 16th century Prussia to North America. Phoenix: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2010. 151 p.
15. Postma J.S. Das niederländische Erbe der preußisch-russländischen Mennoniten in Europa, Asia und Amerika. Marburg: Fakultät der Philipps-Universität Marburg, 1959. 479 s.
16. Reimer G.E. Die Familiennamen der westpreussischen Mennoniten. Weierhof: Herausgegeben vom Mennonitischen Geschichtsverein, 1940. 320 s.
17. Unruh B.H. Die niederländisch-niederdeutschen Hintergründe der mennonitischen Ostwanderungen im 16., 18. und 19. Jahrhundert. Karlsruhe: Selbstverlag, 1955. 432 s.

References

1. Bondar' S.D. *Sekta mennonitov v Rossii* [Mennonite sect in Russia]. Petrograd: Tipografija V. D. Smirnova,, 1916. 206 p.
2. Braun P.Ya. *Kto takie mennonity? Kratkij istoricheskij ocherk. 2-e ispr. i dop. izd.* [Who are the Mennonites?]. Galbshtadt: Izd. T-va «Raduga», 1915. 78 p.

3. Ditts Ya. *Istoriya povolzhskikh nemtsev kolonistov* [The history of Volga Germans]. Moscow: Gotika, 1997. 496 p.
4. Dubinin S.I. *Rossiyskie nemtsy na Donu, Kavkaze i Volge* [Russian Germans on the Don, in the Caucasus and on the Volga]. Moscow: MSNK, 1995. 178 p.
5. Ipatov A.N. *Mennonity: voprosy formirovaniya i evolyutsii etnokonfessional'noy obshchnosti* [Mennonites: formation and evolution of an ethnoconfessional community]. Moscow: Mysl', 1978. 213 p.
6. Kaufman A.A. *Po novym mestam. Ocherki i puteve zametki 1901–1903.* [Around the new places. Sketches and traveling notes]. Saint-Petersburg: Izdanie Tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za», 1905. 358 p.
7. Klaus A.A. *Nashi kolonii. Opyt i materialy po istorii i statistike inostrannoy kolonizatsii v Rossii. Vypusk I* [Our colonies. Experiment and materials on history and statistics of foreign colonization in Russia. Release 1]. Saint-Petersburg: Tipografija V. V. Nusval'ta, 1869. 516 p.
8. Pisarevskiy G. *Pereselenie prusskikh mennonitov v Rossiyu pri Aleksandre I* [Migration of Prussian Mennonites to Russia during the rule of Alexander I]. Rostov-na-Donu: Tipografija t-va S.S. Sivozhelezov, 1917. 68 p.
9. Sokolovskiy S.V. *Mennonity Altaya: Istoriya, demografiya, onomastika* [Altai Mennonites: History, demography, onomastics]. Moscow: IJEA RAN, 1996. 257 p.
10. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti (TsGASO). F. 150. Op. 1. D. 142. L. 1447–1450, 1457–1462, 1470–1474.
11. Dyck J., Surukin W.E. *Am Trakt: a Mennonite Settlement in the Central Volga Region.* Winnipeg: CMBC Publications, 1995. 92 p.
12. Dinges G. *Über unsere Mundarten // Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets.* Pokrowsk: Nemgosisdat, 1923. Pp. 60–73.

13. Gottschald M. Deutsche Namenkunde. Mit ein Einführung in die Familiennamenkunde von Rudolf Schützeichel. Berlin: De Gruyter, 2006. 423 p.
14. Harder S. From Prussia to Russia to North America: 300 years. Tracing Mennonite story from 16th century Prussia to North America. Phoenix: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2010. 151 p.
15. Postma J.S. Das niederländische Erbe der preußisch-russländischen Mennoniten in Europa, Asia und Amerika. Marburg: Fakultät der Philipps-Universität Marburg, 1959. 479 s.
16. Reimer G.E. Die Familiennamen der westpreussischen Mennoniten. Weierhof: Herausgegeben vom Mennonitischen Geschichtsverein, 1940. 320 p.
17. Unruh B.H. Die niederländisch-niederdeutschen Hintergründe der mennonitischen Ostwanderungen im 16., 18. und 19. Jahrhundert. Karlsruhe: Selbstverlag, 1955. 432 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Евсеев Николай Олегович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, 83, г. Саратов, Саратовская область,
410012, Россия
decoloced1111@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Evseev Nikolaj Olegovich, postgraduate student of Russian history and historiography department
Saratov State Chernyshevskij University
83, Astrahanskaja Str., Saratov, Saratov region, 410012, Russia
decoloced1111@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-20-32

УДК 930.23

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИТОГОВ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Кузнецов Д.В.

Цель. Характеристика историографических подходов в оценке социальных итогов столыпинской аграрной реформы.

Метод и методология проведения работы. Использовались общенаучные методы: анализа и синтеза, сравнения, обобщения, системного подхода.

Результаты. В ходе проведенного анализа установлено, что в большинстве оценок в исследованиях, посвященных столыпинской аграрной реформе, превалирует статичный метод, содержащий в себе значительный акцент на целостно-конечные результаты, без учета «временного фактора», который в лучшем случае лишь декларируется, но не используется действительно в должной мере. Отсюда проистекает неоднозначность и двойственность оценок, которая существенно затемняет и затрудняет восприятие феномена столыпинской аграрной реформы и не способствует ее адекватному пониманию.

Область применения результатов: в основу выработки объективного подхода к изучению социальных итогов столыпинской аграрной реформы должно быть положено более последовательное осуществление метода, позволяющего использовать абсолютные и относительные критерии оценки данной реформы, которые могли бы более точно и четко показать аграрно-преоб-

разовательный процесс с точки зрения его внутренней динамики. Это могло бы снять многие вопросы, возникающие при ее исследовании, а, следовательно, способствовало бы формированию более объективной системы представлений, раскрывающей суть столыпинского курса аграрной политики самодержавия.

Ключевые слова: реформаторская деятельность П.А. Столыпина; аграрный сектор экономики России; исторический опыт; временной фактор; абсолютные и относительные результаты; подворники; заимки.

PROBLEM STUDY OF SOCIAL OUTCOMES STOLYPIN'S AGRICULTURAL REFORM IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY

Kuznetsov D.V.

Purpose. Characteristic historiographical approaches to evaluating the social the outcomes of Stolypin's agrarian reform

Methodology. Scientific methods were used: analysis and synthesis, comparison, generalization, systematic approach.

Results. During the analysis found that most estimates in studies of the Stolypin agrarian reform, prevailing focus on the holistic outcomes, not properly taken into account "time factor". In this regard, according to the author of this article, the basis for developing an objective approach to the study of the social the outcomes of Stolypin's agrarian reforms can be put more consistent implementation of the method for applying the absolute and relative criteria for evaluation of the reform.

Practical implications. Use these criteria identified in the scientific study would remove many of the issues arising from its investigation, and therefore contribute to a more objective system of representations, reveals the essence of the course of Stolypin agrarian policy of the au-

ocracy and a correct understanding of it. That's true definition totals Stolypin reforms would implement an integrated approach and to give an adequate characteristic and assessment of how the reform as a whole, and have a specific understanding of the fundamentals of the process that was the basis of Stolypin's course of agrarian policy of the autocracy.

Keywords: *reformed activity PA Stolypin's; agrarian sector of Russia's economy; historical experience; the time factor; absolute and relative results; individual farmers; homestead.*

В истории России аграрная политика П.А. Столыпина – явление довольно масштабное. В начале XX века она имела большое значение для страны, поскольку затрагивала коренные интересы крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения империи и определявшего ее экономическое развитие, социальный и духовный облик. Поэтому от результатов этой политики зависело общее состояние экономики, социальной и духовной сфер, а значит и судьба России в целом.

Литература, посвященная реформаторской деятельности Столыпина, обширна и многообразна. Одно перечисление авторов и названий их работ заняло бы не одну страницу текста. Этот факт уже сам по себе достаточно красноречиво свидетельствует о том повышенном интересе в современном обществе, который вызывает эта тема.

Интерес этот объясняется также и тем, что сегодня при решении практических вопросов реформирования аграрного сектора экономики России все больше обращаются к его историческому опыту, одной из ярких страниц которого была аграрная политика П.А. Столыпина.

Безусловно, обращение к историческому опыту России при решении современных проблем возможно (а иногда даже необходимо), но оно возможно лишь в том случае, если этот опыт изучен

в достаточной степени основательно, глубоко и всесторонне. Исследователь-аналитик, когда он пытается сопоставлять ситуацию в какой-либо сфере современной жизни, например, в сельском хозяйстве, с прошлым опытом реформирования деревни, должен не только хорошо знать этот опыт, но и правильно понимать его, а этого можно достичь не просто путем знакомства с необходимой информацией, содержащейся в соответствующих источниках, но также и путем детального, глубокого и всестороннего осмысления данного предмета исследования.

В этом отношении реформаторская деятельность П.А. Столыпина вообще и его аграрная политика в частности представляет собой показательный пример. Несмотря на обилие исследовательских работ, она по-прежнему остается недостаточно осмысленной и потому не понятой в той мере, в какой это необходимо для того, чтобы на ее основе можно было бы строить какие-либо серьезные обобщения теоретического характера, используя их в дальнейшем для выработки каких-либо практических рекомендаций.

Причина такого положения в историографии столыпинской аграрной реформы, очевидно, заключается в том, что до сих пор не создано единой системы общепринятых критериев, которая позволила бы дать объективную оценку аграрным преобразованиям П.А. Столыпина и понять ту квинтэссенцию, которая лежала в основе его реформаторских намерений и действий.

Едва ли не самым главным таким критерием является критерий социальных итогов столыпинской аграрной реформы. Именно правильное определение итоговых показателей позволило бы осуществить объективный подход и дать адекватную характеристику и оценку как данной реформы в целом, так и получить конкретное понимание основ того процесса, который был положен в основу столыпинского курса аграрной политики самодержавия.

Обращаясь к характеристике социальных итогов столыпинской аграрной реформы, необходимо заметить, что в отечественной историографии закрепилось убеждение, что реформа эта отчасти способствовала определенному росту сельскохозяйственного производства по некоторым основным показателям (произошло увеличение посевных площадей, повысилась урожайность некоторых культур, возросла товарность продукции и т.д.). Однако в целом, столыпинская реформа потерпела неудачу, так как основная часть крестьян, а, следовательно, и имевшиеся у них земли оставались в общине. В советский период такое мнение высказывали такие известные и авторитетные ученые-аграрники, как И.Д. Ковальченко, А.М. Анфимов, В.С. Дякин, П.Н. Зырянов и др [1, с. 104–108; 2, с. 119–120; 3, с. 90–95; 6, с. 367–374; 7, с. 122–124; 8, с. 62–63; 10, с. 68]. По мнению автора, в данном случае следует иметь в виду одно очень важное обстоятельство методологического характера. При оценке итогов реформы необходимо учитывать ее незавершенность (“временной фактор”). Реформа была незакончена. Само слово “итоги” если и может быть применено к такому крупномасштабному явлению, то, во всяком случае, очень условно. В то время (начало 1917 г.), когда реформы были приостановлены, эти “итоги” не могли еще выявиться не то чтобы в полной, но даже и в адекватной для них мере. Очевидно, что пока процесс не завершен, нельзя подходить к нему статично, с абсолютных позиций и давать оценку с точки зрения конечных результатов, вынося, таким образом, окончательный вердикт. Реформу Столыпина, в силу ее незавершенности, следует оценивать, исходя не из абсолютных позиций, а из относительных, с точки зрения внутренней динамики преобразований. В сельском хозяйстве вообще, в силу его специфически консервативной природы, модернизация всегда носит замедленный характер, но иначе и быть не может. Здесь медленное

наращивание успехов является залогом стабильности и верности общего движения. Коренные преобразования крестьянского хозяйства требовали гораздо больше времени, чем это было отпущено столыпинской реформе. Историки же, признавая факт незавершенности реформы, тем не менее, все же подходят к ее оценке именно с точки зрения абсолютных, конечных результатов и поэтому дают неверную характеристику и делают поспешные выводы, искажающие реальную картину положения дел в русской деревне и в сельскохозяйственном производстве дореволюционной России. Исходя из указанного критерия относительности при определении количества вовлеченных в процесс крестьян, необходимо учитывать не только тех, которые вышли из передельной общины, но и тех, кто хотел это сделать, но не успел, из-за незавершенности реформы, а так же и тех крестьян, которые, будучи членами беспередельных общин, уже вели самостоятельное хозяйство (подворники). Такие крестьяне по закону 14 июня 1910 г. автоматически считались перешедшими к индивидуальной форме ведения хозяйства. Такой подход представляется более объективным, поскольку он более верно отражает относительные итоги реформы. Данный подход представлен в работах таких известных специалистов как П.А. Хромов, П.Н. Першин и др [11; 13; 16]. Ниже приводится выдержка из работы П.А. Хромова, содержащая характеристику относительных итогов реформы. «Всего с 1906 по 1915 год из общины выделилось свыше 2 млн. домохозяев, а вместе с домохозяевами общин, в которых не было переделов около 2,5 млн домохозяев. [Эти цифры округлены, и потому являются не вполне точными. Для более точной характеристики можно воспользоваться подсчетами С.М. Дубровского. По его данным к 1 января 1916 г. из общины вышли и укрепили за собой землю 2008432 домохозяина на площади 14122798 дес. Кроме того, по закону 14 июня 1910 г.

получили удостоверительные акты в общинах, где не было переделов, 469792 домохозяина на площади 1796410 дес. Итого вышло из общины и укрепило землю в личную собственность 2478224 домохозяина, или 22%, на площади в 15919208 дес., т.е. 14% общинной земли [5, с. 199] – прим. авт.].

Таким образом, за 10 лет из общины выделилась примерно четвертая-пятая часть крестьян-общинников. К этому надо прибавить еще 2 млн крестьянских дворов, которые еще не получили, но должны были получить удостоверительные акты. По 48 губерниям Европейской России общее число крестьянских дворов во всех крестьянских обществах (на начало 1913 года) равнялось 14,1 млн. Из них владели наделом на общинном праве 10,6 млн. дворов и на подворном – 3,5 млн. Общее число дворов, для которых испрашивалось установление личной собственности на землю, определялось в 4,7 млн. Крестьян, не перешедших к личной собственности и не выразивших в той или иной форме желания к этому, по подсчетам некоторых авторов, имелось меньше половины – около 40% числа общинников [11, с. 40–43]. Возможно, в таком выводе имеется некоторое преувеличение, но если действительно учесть всех крестьян, перешедших к личной собственности и заявивших об этом, а также крестьян, которые в соответствии с законом 1910 года об общинах, в которых не было переделов со времени наделения землей, тоже стали считаться земельными собственниками, то распадение общины в результате столыпинской реформы окажется действительно глубоким» [16, с. 169–170]. П.Н. Першин приводит примерно те же, но более точные цифры: по его данным удельный вес дворов, владевших к началу 1917 года землей на общинном праве, составлял – 42,9%, на единоличном – 57,1% [13, с. 99]. В руках последних было сосредоточено около 60% пахотной земли [14, с. 18]. При этом, на долю частновладельческих посевов в 1916 г. при-

ходилось всего 7,5 млн дес. из общего количества посевов 72 млн десятин [14, с. 17]. Общая же численность хуторских и отрубных хозяйств на 1 января 1917 г. составляла около 1610 тыс. хозяйств, с площадью в 16 млн дес., или примерно 10,5% всех крестьянских хозяйств [16, с. 171]. Возможно, последняя цифра не производит особого впечатления, но если учесть юридическую и психологическую природу этого процесса и относительно медленный темп подобных изменений в других странах, можно сказать, что цифра эта, тем не менее, является весьма приличной [12, с. 268–269]. Таковы реальные относительные результаты столыпинской аграрной реформы в ее социальном аспекте.

Впрочем, как представляется, последняя цифра включает в себя лишь те хутора и отруба, которые были образованы именно в период проведения столыпинской реформы. Однако если учитывать и те обособленные хозяйства, которые существовали задолго до ее начала, то эта цифра может оказаться намного больше. Особенно много таких обособленных хозяйств было в Зауралье и Сибири. Там они назывались , «заимками». «К началу XX века заимки были почти у всех более или менее зажиточных хозяев» [4, с. 3].

Насколько можно судить, по имеющейся исторической литературе, точных подсчетов общего количества заимок не производилось, во всяком случае, автору не приходилось встречать статистических данных по этому поводу. Очевидно, в силу известных причин (прежде всего это идеологическая мотивировка), авторы старательно обходили этот факт молчанием и исследованием его не занимались. Между тем, если гипотетически предположить, что такой подсчет был бы произведен, то, очевидно, что картина, характеризующая общее количество обособленных хозяйств хуторского типа, оказалась совершенно иной, а это значит, что сторонников хуторского ведения своего хозяйства в начале XX в. в России было довольно много.

Если современные историки в большинстве своем доказывают, что крестьянство в целом было против реформы и предпочитало оставаться в общине, то современники, в том числе и те, кто не являлся сторонником столыпинских преобразований, но был, тем не менее, их свидетелем, оценивали их по-другому. Например, Н.П. Огановский, историк-аграрник народнического направления, упорный противник индивидуализации землевладения, писал: «еще в 1905 году государственные и общинные формы землевладения охватывали в Европейской России 70% территории, и частное землевладение представлялось в виде тонких прожилок в толще мощных пластов национального и коллективного земельного достояния. Прошло 8 лет и половина общинных земель юридически индивидуализирована, на другой половине – ловким ходом закона 14 июня общинно-передельный механизм превращен фактически в “живой труп”, постепенно разлагающийся под влиянием единоличного землеустройства и товарного оборота земель. Словом, мало кто сомневался в том, что если рулевое колесо истории не повернет влево в ближайшие годы, распространение частной собственности на большую часть культурно-способной территории России – вопрос одного – двух десятилетий» [9, с. 199]. Историк марксистского направления М.Н. Покровский считал, что за восемь лет вышло из общины примерно около трети дворов, а за 20 – вышли бы все [15, с. 31]. После убийства П.А. Столыпина курс на продолжение реформ был продолжен, но сам этот процесс постепенно стал ослабевать. Реформа лишилась своего двигателя, своей заводной пружины. Преемник Столыпина, В.Н. Коковцов, хотя и продолжил реформу, но, не обладая силой воли и энергией своего предшественника не смог (или не захотел) преодолеть сопротивление консервативной части правящей верхушки. При сохранявшемся сильном влиянии двора и консервативных землевладельцев

в политической системе, выбор правительства был предreshен. К этому времени в условиях начала войны для тех в правительстве, кто все еще поддерживал умеренную программу реформ, действительно оставалась очень слабая возможность возобновления усилий по формированию новой коалиции с образованным обществом и с крестьянством, хотя аграрные реформы и стали создавать необходимую для этого социальную основу.

Обращаясь после всего сказанного к характеристике оценок различными авторами социальных итогов столыпинской аграрной реформы, следует отметить, что в большинстве этих оценок превалирует статичный метод, содержащий в себе значительный акцент на целостно-конечные результаты, без учета «временного фактора», который в лучшем случае лишь декларируется, но не используется действительно в должной мере. Отсюда происходит неоднозначность и двойственность оценок, которая существенно затемняет и затрудняет восприятие феномена столыпинской аграрной реформы и не способствует ее адекватному пониманию.

Между тем, как полагает автор данной статьи, в основу выработки объективного подхода к изучению социальных итогов столыпинской аграрной реформы должно быть положено более последовательное осуществление метода, позволяющего использовать абсолютные и относительные критерии оценки данной реформы, которые могли бы более точно и четко показать аграрно-преобразовательный процесс с точки зрения его внутренней динамики. Это могло бы снять многие вопросы, возникающие при ее исследовании, а, следовательно, способствовало бы формированию более объективной системы представлений, раскрывающей суть столыпинского курса аграрной политики самодержавия и более правильное его понимание.

Список литературы

1. Ананьич В.В. С.Ю. Витте и П.А. Столыпин – Российские реформаторы XX столетия. Опыт сравнительной характеристики // Звезда. 1995. № 6. С. 104–108.
2. Анфимов А.М. Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1991. № 4. С. 112–121.
3. Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. №7. С. 81–99.
4. Башлачев В. Крестьянская заимка // «Былое». 1996. № 12. С. 3.
5. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963. 599 с.
6. Дякин В.С. Столыпинская земельная реформа // Кризис самодержавия в России (1895–1917). Л.: Наука. 1984. С. 349–374.
7. Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. № 12. С. 113–124.
8. Зырянов П.Н. П.А.Столыпин: политический портрет. М., 1992. 157 с.
9. Кимитака Мацузато. Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1992. № 6. С. 194–200.
10. Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа: мифы и реальность // История СССР. 1991. № 2. С. 52–72.
11. Лосицкий А.Е. К вопросу об изучении степени и форм распада общины. М., 1916.
12. Мэйси Д. Аграрные реформы Столыпина как процесс: центр, периферия, крестьяне и децентрализация // Россия сельская XIX – начало XX века. М.: РОССПЕН, 2004. С. 251–283.
13. Першин П.Н. Аграрная революция в России. Кн. I. От реформы к революции. М.: «НАУКА», 1966. 490 с.
14. Рогалина Н.Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 10–22.
15. Тюкавкин В.Г. Предисловие // К.А. Кривошеин «Александр Васильевич Кривошеин». М., 1993. С. 3–31.

16. Хромов П.А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М.: Изд-во «ВППШ и АОН», 1960. 240 с.

References

1. Anan'ich V.V. S.Ju.Vitte i P.A.Stolypin – Rossijskie reformatory XX stoletija. Opyt sravnitel'noj charakteristiki [S.Ju.Vitte and P.A.Stolypin – The Russian reformers of the twentieth century. Experience of comparative characteristics]. *Zvezda*. 1995. № 6. Pp. 104–108.
2. Anfimov A.M. Ten' Stolypina nad Rossiej [Shadow of Stolypin above Russia]. *Istorija SSSR*. 1991. № 4. Pp. 112–121.
3. Anfimov A.M. Neokonchennye spory [Unfinished disputes]. *Voprosy istorii*. 1997. №7. Pp. 81–99.
4. Bashlachev V. Krest'janskaja zaimka [Peasant individual farm settlement]. *Byloe*. 1996. №12. P. 3.
5. Dubrovskij S.M. *Stolypinskaja zemel'naja reforma* [Stolypin's land reform]. М., 1963. 599 p.
6. Djakin V.S. *Stolypinskaja zemel'naja reforma* [Stolypin's land reform]. *Krizis samodержavija v Rossii (1895–1917)*. L.: Nauka, 1984. P. 349–374.
7. Djakin V.S. Byl li shans u Stolypina? [Was it chance of Stolypin?]. *Zvezda*. 1990. № 12. Pp. 113–124.
8. Zyrjanov P.N. *P.A.Stolypin: političeskij portret* [Stolypin: a political portrait]. М., 1992. 157 p.
9. Kimitaka Macuzato. Stolypinskaja reforma i rossijskaja agrotehnologičeskaja revoljucija [Stolypin's reform and Russian Agriculture technology revolution]. *Otechestvennaja istorija*. 1992. № 6. pp. 194–200.
10. Koval'chenko I.D. Stolypinskaja agrarnaja reforma: mify i real'nost' [Stolypin's agrarian reform: myths and reality]. *Istorija SSSR*. 1991. № 2. Pp. 52–72.
11. Lositskij A.E. *K voprosu ob izuchenii stepeni i form raspadenija obshčiny* [To the question of studying the extent and forms disintegration of communities]. М., 1916.

12. Mjejsi D. *Agrarnye reformy Stolypina kak process: centr, periferija, krest'jane i decentralizacija* [Agrarian reform of Stolypin as a process: the center, the periphery, the peasants and decentralization]. *Rossija sel'skaja XIX – nachalo XX veka*. M.: ROSSPEN, 2004. Pp. 251–283.
13. Pershin P.N. *Agrarnaja revoljucija v Rossii. Kn. I. Ot reformy k revoljucii* [The agrarian revolution in Russia. Book I. From reform to revolution]. M.: «NAUKA», 1966. 490 p.
14. Rogalina N.L. *Agrarnyj krizis v rossijskoj derevne nachala XX veka* [The agrarian crisis in the Russian village of the early XX century]. *Voprosy istorii*. 2004. № 7. Pp. 10–22.
15. Tjukavkin V.G. *Predislovie* [Foreword]. *K.A. Krivoshein «Aleksandr Vasil'evich Krivoshein»*. M., 1993. Pp. 3–31.
16. Hromov P.A. *Očerki jekonomiki Rossii perioda monopolisticheskogo kapitalizma* [Essays on the Russian economy the period of monopoly capitalism]. M.: Izd-vo «VPSH i AON», 1960. 240 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии, истории, экономики и права
*Омский Государственный Аграрный Университет им.
П.А. Столыпина*
площадь Институтская, 2, г. Омск, 64408, Россия
dv.kuznetsov@omgau.org

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Dmitry Viktorovich, assistant professor of department
philosophy, history, economics and law
Omsk State Agrarian University
2, Institutskaya Str., Omsk, 64408, Russia
dv.kuznetsov@omgau.org

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-33-49

УДК 930.85

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В ИСТОРИИ ЗАПАДА

Лебедев В.Э.

Цель работы заключается в анализе причинности Запада как исторического феномена. В качестве таковой рассматривается античное наследие.

Данная интенция определяется актуальностью проблемы, связанной с тем, что на протяжении последнего столетия активно обсуждаются концепции будущего западноевропейской цивилизации. При этом в центр дискурса все чаще выносятся определение признаков «падения» Запада как цивилизации, их интерпретация.

Задачи исследования находятся в плоскости выявления фундаментальных причинно-следственных закономерностей происхождения западного мира.

Методом изучения поставленной проблемы выступает, прежде всего, историко-генетический метод, который является эффективным для проведения исследований на макроуровне. Обращение к историческим явлениям на макроуровне позволяет описывать крупные культурно-исторические комплексы, процессы и структуры, охватывающие большие социальные группы и народы, переход от одного типа общества к другому, их сходство и различия. В работе историко-генетический метод согласуется с методом многофакторного анализа, использование которого дает возможность составить более объемное представление об изучаемом объекте, охарактеризовать его составляющие, структурные элементы, определить сущность и раскрыть динамику.

Результаты исследования показывают, что обращение к истокам формирования западной модели истории свидетельствует об отсутствии фатальности действия кризисных явлений, с которыми Европа столкнулась на современном этапе ее реализации. Геном европейской цивилизации, сложившийся в античности, продуцирует развитие индустрии, естествознания, прикладной науки Запада, реализуется в продукции этих сфер деятельности.

Результаты исследования могут быть применены при проведении дальнейших изысканий по истории ментальностей, исторической психологии, экономической истории Запада, написании обобщающих трудов по данным проблемам.

Ключевые слова: *античность; античное наследие; цивилизация; природа; человек; общество; государство.*

ANTIQUÉ HERITAGE IN THE HISTORY OF THE WEST

Lebedev V.E.

The purpose of the study is to analyze the causes of the West as a historical phenomenon. As such, considered ancient heritage. This intention is determined by the urgency of the problem, coupled with the fact that over the last century, actively discussed the concept of the future of Western civilization. In the center of the discourse is increasingly a decision is evidence of the "fall" of the West as a civilization, their interpretation.

Objectives of the study are to identify the fundamental plane of the causal laws of the origin of the Western world.

The method of the study of the problem appears mainly historical-genetic method that is effective to conduct research at the macro level. Accessing historical phenomena at the macro level allows to describe the major cultural and historical centers, processes and struc-

tures that cover large social groups and peoples, such as the transition from one society to another; their similarities and differences. In the historical-genetic method consistent with the method of multivariate analysis, the use of which makes it possible to create a three-dimensional picture of the object being studied, to characterize its components, structural elements that define the essence and reveal the dynamics.

The results show that the reference to the origins of the history of the Western model shows a lack of action fatality crisis with which Europe faces at the present stage of its implementation. Genome of European civilization, developed in antiquity, produces the industry's development, natural science, applied science of the West, is realized in the production of these fields.

The results can be used in carrying out further research on the history of mentalities, historical psychology, the economic history of the West, writing generalizing works on these issues.

Keywords: *antiquity; antique heritage; civilization; nature; person; society; state.*

Введение

Социально-исторические комплексы являются сложными объектами, так как процесс их становления и развития происходит под влиянием разнообразных факторов. Изучение таких объектов предполагает измерение всей совокупности параметров – от природно-климатических до культурно-исторических.

В результате действия определенных природных и социально-исторических факторов в мировой истории с IX–VIII вв. до н.э. произошло зарождение обществ западного типа, а именно в Древней Греции и Древнем Риме появился феномен античности как генотип европейской цивилизации [2], как источник ее исторического движения.

Методы и результаты

Античная цивилизация развивалась в отличие от восточных (речных) как морская цивилизация. Ее очагом являлось Средиземное море, состоявшее из дюжины морей. Балканская Греция омывалась с востока Эгейским, и примыкающим к нему Миртойским морем, а с запада – Ионическим морем. Апеннинский полуостров, где разворачивалась история римской цивилизации, «обхвачен» с востока Адриатическим, а с запада – Лигурийским и Тирренским морями, а с юга – Ионическим. Средиземное море на западе соединялось с Атлантическим океаном. Черное море, расположенное к северу от пролива Босфор древние греки называли Понтом Эвксинским.

Линия горизонта, открывавшаяся взору античного мореплавателя, осваивавшего бескрайние водные просторы, постоянно ускользала от него. За далью простиралась новая даль. В этих неизведанных для античного человека далях он обретал знания о новых землях, жизни «чужих» народов (варварах), их видении мира.

«Открытое» пространство морских далей обуславливало формирование экстравертного типа мироощущения и поведения человека, т. е. явственную его обращенность вовне. Он искал внешних, логических объяснений фактам жизни, стремился выразить себя в практической деятельности. Все взоры античного человека были прикованы к обустройству посюстороннего плана бытия, который он пытался сделать более упорядоченным, приятным для жизни. Он жил Природой и вещами.

«Вертикальный» тип мироощущения («Бог-человек»), доминировавший на Востоке уступил место «горизонтальному» типу восприятия мира («Природа-человек»). Бытие прочно связывалось с Природой. Человек растворял себя в Природе, Космосе, а Космос и Природу – в себе. Люди чувствовали себя погруженными в Природу [5]. Воплощением всех высших ценностей – Разума, До-

бра, Справедливости, Красоты, Гармонии, Порядка выступал живой, не только умопостигаемый, но и чувственно воспринимаемый Космос. Космологичность античного мировоззрения стимулировала развитие умения сосредоточивать внимание исключительно на внешнем, а не внутреннем и вырабатывать соответствующие мировоззренческие модели. На их основе сформируется один из важных элементов западной культуры – рациональность, преимущественная направленность мышления Запада на здравый смысл, а не на духовность, как на Востоке. Западное мышление в отличие от восточного обращалось преимущественно не к трансфизическим (метаисторическим), а земным (историческим) проблемам существования человека [14, с. 408].

На образовавшемся «рационалистическом» поле мыслительной напряженности взошли пышные всходы историософских доктрин. Ярким свидетельством тому служит греческая философия, которая в мировой истории духа и культуры тождественна философии как таковой, поскольку она оказала влияние на всю философию вплоть до сегодняшнего дня. В античной историософии преобладали две основные концепции – космоцентрическая и антропоцентрическая. В рамках космоцентрической концепции греческого мышления произошло зарождение теории циклов, которая в античном историософском дискурсе станет всецело господствующей среди других моделей мышления. Циклическое учение содержится у Пифагора, Гераклита и Эмпедокла. Особенность античного понимания идеи цикла заключалось в том, что развитие толковалось как абсолютное повторение одних и тех же вещей, лиц, событий и всего Космоса после каждого мирового пожара [10, с. 81].

Согласно учению Платона существуют вечные прообразы (Эйдосы) – мир идей. Он выступает в качестве оригинала, а чувственно осязаемая реальность – мир вещей есть только лишь бесконеч-

ное множество воспроизводимых с него копий [11, с. 611]. Процесс многократного воспроизведения Эйдосов является основой цикличности физического плана бытия. В мире вещей происходит лишь круговорот бесплодных повторений, что исключает появление нового и, в конечном итоге, прогресс.

Такой подход при осмыслении Платоном конкретно-исторических событий нашел проявление в использовании им древней идеи жизненного цикла – рождение, детство, юность, зрелость, старость и смерть. На ней основана платоновская интерпретация заката и упадка греческих полисов (в «Государстве») и персидской империи (в «Законах»).

Подобно Платону, Аристотель выступал с концепцией вечного круговращения, в которой объяснялось, что катастрофы в природе отбрасывают человечество на более ранние ступени развития. Платон и Аристотель распространили универсальный космический закона круговорота на общество, сменив фактически модель мировоззрения: космоцентрическую на антропоцентрическую. Предвестником смены парадигмы выступили еще Сократ и софисты. Софисты (V в. до н. э.), восстав против мифологии, объяснявшей все события в мире «капризами» воли богов, мифических, культурных героев, сместили ось философского поиска с Космоса на человека. Софисты с их повышенным вниманием к человеку и его жизни во всех многообразных проявлениях оказали влияние на греческих историков, прежде всего на Фукидида, который видел главную движущую силу истории в неизменной природе человека.

Фукидид описывал исторический процесс, не обращаясь к сверхъестественному элементу и постоянному вмешательству божества, потому что уже успело распространиться мнение Протагора – «О Богах не имею возможности утверждать ни того, что они есть, ни того, что их нет». Влияния софистики не избежал даже и

Геродот, признававший в истории следы божественного промысла. И у него уже слегка пробивалась рефлексия: конечно, его критика мифов была в высшей степени умеренна, но все же, он порою прилагал к ним меру мыслимого и возможного.

В результате в контексте античного восприятия мира его динамика, изменчивость понималась как космологическая данность. В соответствии с законами космической подвижности вообще истолковывалась и социальная динамика. Круговой характер этой подвижности находил отражение в представлении о циклической ритмике социального бытия [8, с. 9].

Античный мир формировался и в иных, чем восточные общества, климатических условиях, которые, с одной стороны, были также благоприятными для жизнедеятельности человека. Районы, населенные древними греками и римлянами характеризовались мягким и умеренным климатом. Но, с другой стороны, режим погоды на морских побережьях Запада в отличие от речных долин Востока не был однообразным. Восточное и западное Средиземноморье характеризовались своими климатическими особенностями. На побережье Эгейского моря климат был субтропическим. Он постепенно становился умеренным к северу от материковой Греции. Лето стояло жаркое. Однако если в Балканской Греции лето было сухим и жарким, так как это горная страна, то на Апеннинском полуострове (в Италии) выпадало намного больше дождей. Но даже в пределах Италии климат был неоднородным, являясь мягким и теплым на протяжении всей ее территории, он становился жарким на юге, а на севере бывали суровые зимы с обильными снегами.

Разнообразный режим погоды в пределах Средиземноморья содействовал опосредованно возникновению потребности менять устоявшиеся привычки и вырабатывать новые ориентиры поведения, соответствующие природным особенностям тех или иных ре-

гионов. Например, римлянин, переселяясь с юга на север Италии, был вынужден адаптироваться к новым условиям существования, вносить коррективы в свой образ жизни.

Природные особенности Средиземноморья определили характер и направление хозяйственной деятельности античного человека. Таких природных условий здесь, как субтропический климат (кроме побережья Эгейского моря) и связанных с ним богатых плодородных земель было недостаточно для формирования развитой системы земледелия, характерной для хозяйства на Востоке. Малое количество земель, пригодных для выращивания зерновых, отсутствие полноводных рек, необходимых для орошения земель, «компенсировалось» наличием на значительной части Балканского и Апеннинского полуостровов каменистых почв, на которых, напротив, хорошо росли виноград и оливки. Виноградарство и оливководство являлись ведущими отраслями аграрного сектора античной экономики. Особенно важным для развития этих видов хозяйственной практики было то, что начало античной цивилизации совпало с началом «железного века» в средиземноморском регионе. Хотя знакомство Запада с железом и техникой его производства состоялось гораздо позже Востока (железо, постепенно вытеснявшее бронзу, стало известно на Востоке уже во второй половине II тыс. до н.э., по крайней мере, за четыреста лет раньше, чем в Средиземноморье), оно имело огромное значение, поскольку возможности для применения железа здесь были более широкими и дающими лучший хозяйственный эффект. В долинах Нила, Тигра и Евфрата можно было добиться высоких урожаев, пользуясь не бронзовыми, а даже каменными или деревянными орудиями. Железо в странах древнего земледелия не вело к резкому расширению производственных площадей, ограниченных долинами рек. Напротив, на Балканах, на Апеннинском полуострове только железные орудия позволили возделывать тяжелую

вулканическую почву, отличавшуюся редким плодородием, и развивать ведущие для средиземноморского региона сельскохозяйственные культуры – виноград и оливки.

В Средиземноморье при переходе к «железному веку» произошло отделение ремесла от земледелия. Развивались такие ремесла, как техника обработки железа, гончарное искусство, ткачество. Ремесленники с островов Самос и Хиос искусно паяли и ковали железо. Милетские мастера изготавливали шерсть, не уступавшую по качеству знаменитым тканям Древнего Востока. Славились далеко за пределами Средиземноморья афинские гончары, изобретшие уникальный черный лак, которым покрывали свои изделия. Секрет его изготовления не раскрыт до сих пор.

Виноградарство, оливководство и, главным образом ремесла, в отличие от традиционно консервативного земледелия – основы экономики Древнего Востока, имели гибкий технологический алгоритм. Их развитие могло успешно осуществляться лишь при постоянном апробировании новых идей, освоении новых методов обработки материала, улучшении товарных характеристик производимых изделий. Преобладание технологически гибких отраслей в хозяйственном укладе эллинов и римлян способствовало формированию античной цивилизации как активно-инновационной.

Инновационный характер хозяйствования обеспечил в немалой степени становление западного «прометеевского» типа человека. Для него характерен целерациональный стиль, ориентированный на конкретный результат деятельности и эффективность социальных технологий. Субъект хозяйственной практики, откликающейся на новые производственные технологии, был одновременно нацелен на поиск социальных технологий, оптимальных для гибкого производства, на постоянную перестановку власти. «Прометеевский» человек в отличие от восточного, как правило пассивного в

социально-политическом отношении, видел мир в его реальности, стремился оформить его своей организующей силой, он был полон жажды власти и реализовывал свои властные потенции в социальной практике. В результате на Западе получила самоопределение горизонтальная структура построения общества, отсутствовавшая на Востоке, где господствовали отношения подданства с их вертикальным характером иерархии.

На традиционном Востоке, где доминантой природного ландшафта были речные долины, заблокированные горами, гористыми местностями и пустынями, возникли исконно в мировой истории государства строго централизованного типа – восточные деспотии. В них власть принадлежала одному лицу, обожествляемому, неограниченному законами и опирающемуся на административный и военный аппарат. Формированию такого типа государств во многом содействовало то, что климат в речных замкнутых долинах был однообразный, а подобный климатический режим погоды стимулировал у человека стремление к поддержанию сложившихся устоев. К тому же, доминирование в речных долинах такого вида хозяйственной деятельности, как земледелия, достаточно консервативного в плане развития его технико-технологической основы, не могло не влиять на складывание инертного типа личности. Отмеченные характеристики поведения человека – ориентация на традицию и консервативность не могли не благоприятствовать возникновению централизованных государств.

Противоположный тип государства стал формироваться на открытых пространствах морских побережий Средиземноморья. Это были самоуправляющиеся общины мелких и средних земельных собственников, так как климат на морских побережьях, как отмечалось, был разнообразным, что формировало у человека стремление к разрушению традиции. Одновременно занятия на морских

побережьях и примыкающих к ним горах и гористых склонах виноградарством, оливководством и различными видами ремесел, стимулировали у человека стремление к новациям. Данные характеристики его поведения – ориентация на разрушение привычного, стремление к чему-то новому содействовали складыванию античного типа государственности, самоуправляющихся социально-политических организмов – полисов. В IX–VIII вв. до н. э. в на Балканах сложилось около двухсот полисов. Они являлись первыми республиками в истории всего человечества [1, с. 7].

В них в результате борьбы между простолюдинами и знатью, победу одержал демос, который не только отстоял свободу, но и добился политического равенства [13]. Следствием этого являлось стремительное развитие ремесел и торговли.

Экономический и политический суверенитет полиса содействовал тому, что каждый гражданин имел возможность участвовать в решении его общих вопросов, т. е. вопросов государственных, реально влиять на определение судьбы своей родины. Гражданин полиса, будучи носителем политической власти, выступал одновременно и защитником своего государства. В полисе обнаруживалось единство гражданского общества как системы связи независимых граждан и политической организации. Оно содействовало расцвету личности, развитию творческих начал индивида, его энергии, инициативы, предприимчивости [3, с. 17].

Полисная традиция предопределила иную, чем на традиционном Востоке, конфигурацию «социальной пирамиды» зарождавшейся в античности европейской цивилизации. На ее вершине находился человек, затем располагались общественные институты, и лишь нижние ее ступени предназначались для властных структур. В иерархии «человек-общество-власть» базовым началом являлся человек, его неотъемлемые права. В результате имело место верхо-

венство общества над государством – гражданское общество, торжество закона, а не лиц – правовое государство.

В античном мире сложилась качественно отличная от традиционных восточных обществ иерархия типовых социальных связей. На традиционном Востоке первый тип связей представлял собой общинно-государственные связи. Общинники производили прибавочный продукт, аппарат власти надзирал, осуществлял необходимые строительные проекты, собирал и распределял ресурсы. Второй тип связей – корпоративные связи. Социальная структура на традиционном Востоке состояла из варн, каст, общин, кланов и других социальных единиц, включавших в себя бедных и богатых, имущих, малоимущих и неимущих. Человек на протяжении всей своей жизни находился в среде непосредственного общения, в знакомом окружении, где люди знали друг друга. Это был тип негосударственных связей (и в какой-то степени контргосударственных). Корпоративность способствовала осуществлению властями социальной регуляции. Третье и последнее место занимали рыночные и частнособственнические связи. Появление товарно-денежных отношений сопровождалось тем, что наряду с чиновниками и другими лицами, пребывавшими у власти, оформился новый слой собственников. Частная собственность возникла на традиционном Востоке в качестве сильно редуцированной и юридически неоформленной категории [4]. Частная собственность в ее полном виде здесь не сложилась, за частными лицами признавались лишь владельческие права. Собственность не была защищена от произвола со стороны власти [6, с. 215].

Рыночно-частнособственнические отношения были подчинены первым двум типам связей. Не только без поддержки властных структур, но и без опоры на определенную корпорацию – общину, касту, родню – собственник и торговец был бесправен, незащищен

и не мог нормально функционировать. Соответственно и государственные чиновники, и члены корпораций имели право на часть доходов собственников, обязанного делиться и с верхами (государственными чиновниками), и с зависящими от него, но также поддерживающими его низами (клиентами, родней, земляками). Это и было причиной слабости субъектов частной собственности. На традиционном Востоке доходы собственников, как правило, не превращались в капитал, а зачастую растрачивались на роскошную жизнь.

В античном мире сложилась абсолютно иная иерархия типовых социальных связей. Здесь первым типом связей выступали рыночные и частнособственнические связи. Если на Востоке действовал принцип «власти-собственности», т. е. собственность была производной от власти, то в античном полисе утвердился принцип «собственности-власти». С VII в. до н.э. в полисах по всей Греции стали составляться письменные конституции, которые являли собой фактически юридическую гарантию частной собственности граждан полиса. Появление письменных законов свидетельствовало о переходе простой гражданской общины в полис как таковой [12, с. 47, 48]. Гражданин полиса являлся землевладельцем, потому – и носителем политической власти. Свободный собственник на свободном рынке находился под контролем закона, а не власти.

На втором плане были иные (семейные, корпоративные, словесные и другие) связи, непосредственно обеспечивавшие простор для самореализации и самосовершенствования человека. Высоко креативная по своему эффекту жажда самоутверждения индивида реализовывалась в соревновании с равными себе в коллегии ремесленников и гильдии мореплавателей, в олимпийской команде и сообществе ученых. Идеал соревновательного самоутверждения охватывал широчайшие слои свободных граждан. Люди стреми-

лись развивать все способности – физические, интеллектуальные, художественные, которые могли их отличить и прославить. Если первый тип социальных связей обеспечивал единство политического и гражданского общества, то второй вносил в этот синтез идеал свободной личности [9, с. 86, 87].

Заключение

Таким образом, в античном мире проявились такие его качества, дотоле неизвестные мировой истории, как инновационность, персонцентризм, реальное единство политической структуры и гражданского общества, развитые рыночно-частнособственнические отношения. Эти качества, став впоследствии генотипическими для европейской цивилизации, определив особый путь ее самоорганизации, возникли не в одночасье, а в ходе соответствующей динамики античного общества.

Результатом этой динамики было появление в истории определенной установки и перспективы, очерчивающей положение человека в бытии, выделяющей человека из бытия, противопоставляющей его бытию, выступающему далее под именем «природа» [7, с. 15]. Данная установка стимулировала развитие индустрии, естествознания, прикладной науки, реализовалась в продукции этих сфер деятельности.

Список литературы

1. Античная цивилизация / В.Д. Блаватский и др.; АН СССР. Ин-т археологии. М.: Наука, 1973. 270 с.
2. Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации // Полис. Политические исследования. 1991. № 1. С. 614.
3. Васильев Л.С. История Востока. М.: Высшая школа, 1994, Т. 1. 405 с.

4. Васильев Л.С. История религий Востока. Политическая власть на Востоке. Социальная структура на Востоке. URL: http://ezoteric.polbu.ru/vasilev_history/ch05_iv.html (дата обращения: 15.11.2015).
5. Гармоничное тело – образ природы в античности. URL: http://ido.tsu.ru/other_res/hischool/4ernikova/r1gl31.htm (дата обращения: 23.10.2015).
6. Ильин В.В. Философия истории. М.: изд-во Моск. ун-та, 2005. 380 с.
7. Кемеров В.Е. Запад-Не Запад, Восток-Не Восток// Европа в контексте диалога Запада и Востока в новое и новейшее время. Материалы межвузовской конференции. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 14–15.
8. Кимелев Ю.А. Философия истории. Системно-исторический очерк // Философия истории: Антология. М.: Аспект Пресс, 1995. 351 с.
9. Лебедев В.Э. Страны и цивилизации в мировой истории. Екатеринбург: изд-во УМЦ УПИ, 2015. 214 с.
10. Лосев А.Ф. Словарь античной философии. Избранные статьи. М.: МИР ИДЕЙ, АО АКРОН, 1995. 232 с.
11. Словарь античности / Ирмшер Й., Йоне Р. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
12. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 8–54.
13. Цивилизация. URL: <http://qwerbol.narod.ru/index/0-62> (дата обращения: 24.10.2015).
14. Lebedev V.E. Theoretical and methological conceptualization of the Western historiosophical thinking // Mediterranean Journal of Social Sciences: MCSER. Publishing, Rome-Italy, July 2015, vol 6, no 4 s 1. Pp. 406–414.

References

1. Blavatsky V.D. et al. *Antichnaya tsivilizatsiya* [Antique civilization] / Academy of Sciences of the USSR. Institute of archeology. Moscow: Nauka Publ., 1973. 270 p.
2. Dragunsky D.V., Tsybursky V.L. Genotype of European civilization. *Polis.Politicheskie issledovaniya*, no 1 (1991): 6–14.
3. *Garmonichnoe telo – obraz prirody v antichnosti* [Harmonious body – the image of nature in antiquity]. http://ido.tsu.ru/other_res/history-school/4ernikova/r1gl31.htm (accessed October 23, 2015).
4. Vasiliev L.S. *Istoriya Vostoka* [History of East]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1994, Vol. 1. 405 p.
5. Vasiliev L.S. *Istoriya religiy Vostoka. Politicheskaya vlast' na Vostoke. Sotsial'naya struktura na Vostoke. Religiya na Vostoke* [History of Religions of the East. Political power in the East. The social structure in the East]. http://ezoteric.polbu.ru/vasilev_history/ch05_iv.html (accessed November 15, 2015).
6. Ilyin V.V. *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. Moscow: MGU Publ., 2003. 380 p.
7. Kemerov V. E. *Zapad-Ne Zapad, Vostok-Ne Vostok* [Europe in the context of the dialogue of East and West in modern and contemporary times. Materials interuniversity Conference]. Ekaterinburg: UGU Publ., 1998. Pp. 14–15.
8. Kimelev Y.A. *Filosofiya istorii. Sistemno-istoricheskiy* [Philosophy of History: An Anthology] Moscow, 1995. 351 p.
9. Lebedev V.E. *Strany i tsivilizatsii v mirovoy istorii*. [The countries and civilizations in world history]. Ekaterinburg: UMC UPI Publ., 2015. 214 p.
10. Losev A.F. *Slovar' antichnoy filosofii. Izbrannye stat'i* [Dictionary of ancient philosophy. Selected articles]. Moscow: MIR IDEY, AO AKRON Publ., 1995. 232 p.

11. Irmsher Y., Jón R. Lane et al. *Slovar' antichnosti* [The dictionary Antiquity]. Moscow: Progress Publ., 1989. 704 p.
12. Surikov I.E. *Grecheskiy polis arkhaischeskoy i klassicheskoy epoch* [Antique policy. Course of lectures]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ, 2010. Pp. 8–54.
13. *Tsivilizatsiya* [Civilization]. <http://qwerbol.narod.ru/index/0-62> (accessed October 24, 2015).
14. Lebedev V. E. Theoretical and methodological conceptualization of the Western historiosophical thinking. *Mediterranean Journal of Social Sciences: MCSER*. Publishing, Rome-Italy, vol 6, no 4 s 1 (July 2015): 406–414.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лебедев Виктор Эдуардович, профессор, доктор исторических наук, профессор
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
ул. Мира, 19. г. Екатеринбург, Свердловская область, 620002, Россия
lebedev_viktor54@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lebedev Viktor Eduardovich, professor, doctor of historical sciences, professor
Ural Federal University named the first President of Russia B.N. Yeltsin
19, Mira street, Ekaterinburg, Sverdlovskaya Region, 620002, Russia
lebedev_viktor54@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-50-61

УДК 821.161.109 РАДИЩЕВ + 94 (470.342)

**А.Н. РАДИЩЕВ В ВЯТСКОМ КРАЕ ПО ДОРОГЕ
ИЗ СИБИРИ В 1797 г.**

Рафиков А.М.

Цель. Автор статьи ставит перед собой цель реконструировать на основе разнохарактерного круга исторических источников и научной литературы обратный путь писателя-революционера А.Н. Радищева из сибирской ссылки в 1797 г. через территорию Вятской губернии.

Метод или методология проведения работы. В связи с этим концептуальная основа исследования базируется на методе исторической ретроспекции.

Результаты. Анализ дневниковых записок А.Н. Радищева, дополненный сведениями из ранее неопубликованных архивных документов, позволяет сделать выводы о большой исторической ценности наблюдений писателя, оставившего в ряде случаев уникальные зарисовки социально-экономического облика юго-восточной части Вятско-Камского региона и российской провинции конца XVIII в.

Область применения результатов. Материалы статьи могут быть использованы в образовательном процессе на уроках истории и литературы в старших классах, а также в дальнейшей научно-исследовательской работе, связанной с изучением биографии и творчества А. Н. Радищева.

Ключевые слова: *Вятский край; А.Н. Радищев; Сарапул; Елабуга; Прикамье; торговля; сельское хозяйство.*

A.N. RADISHCHEV IN THE VYATKA PROVINCE ON THE WAY FROM SIBERIA IN 1797

Rafikov A.M.

Purpose. The author aims to reconstruct on the basis of a diverse range of historical sources and scientific literature the return journey of the writer-revolutionary A.N. Radishchev from the Siberian reference key in 1797 through the territory of the Vyatka province.

Methodology. In this regard, the conceptual framework of the study is based on the method of historical retrospection.

Results. The analysis of diary notes of A.N. Radishchev, supplemented by information from previously unpublished archival documents, allows to draw conclusions about the great historical value of the observations of the writer who has left, in some cases, unique sketches the socio-economic face of South-Eastern part of the Vyatka-Kama region of the Russian province of the late eighteenth century.

Practical implications. The materials of the article can be used in the educational process at the lessons of history and literature in high school, as well as further research work related to the study of biography and works of A.N. Radishchev.

Keywords: Vyatka region; A.N. Radishchev; Sarapul; Elabuga; Kama; trade; agriculture.

История дореволюционного Вятского края связана с именами многих выдающихся людей, одним из которых являлся писатель-революционер А.Н. Радищев. Хорошо известно о том, что Александр Николаевич проезжал через территорию Вятского наместничества в 1791 г. в Сибирскую ссылку [5]. Реже вспоминают о возвращении А.Н. Радищева из Сибири, спустя шесть лет. В связи

с этим представляется небезынтересным обращение к некоторым ранее малоизвестным фактам биографии писателя и его воспоминаниям, связанным с путешествием весной 1797 г.

Значительную часть обратного пути из Сибири Александр Николаевич проделал по Каме, следуя по которой, в конце мая он достиг территории Вятской губернии. Несмотря на то что писатель плыл довольно быстро и за четыре дня преодолел расстояние более 300 верст, он успел составить описания некоторых населенных пунктов, встречавшихся на его пути, а также местных природно-географических особенностей, жизни и быта коренного населения. Многие из этих сведений на сегодняшний день являются уникальными.

Первым причальным городом Вятского края, где довелось побывать А.Н. Радищеву, стал Сарапул. 19 мая Александр Николаевич записал в своем дневнике: «Поутру рано ездил на лодке в Сарапул. Нашел дальнюю родню...» [4, с. 287]. Долгое время не удавалось установить, кого именно имел в виду писатель. Сарапульскими краеведами высказывалось предположение, что этими родственниками являлись Дуровы – городничий Андрей Васильевич Дуров (отец кавалерист-девицы Н.А. Дуровой) и члены его семьи. Однако тщательно исследовавший этот вопрос профессор Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко А.Г. Татаринцев, пришел к выводу о родстве Радищева с сарапульским чиновником, отставным секретарем Алексеем Ивановичем Посниковым [8, с. 192].

Интересны наблюдения А.Н. Радищева за особенностями экономической жизни города и его округа. «До Сарапула в разных местах заводские пристани. В Сарапуле пристань хлебная, откуда попадалися суда, идущие в Пермь... Много хлеба с Камы идет в Россию. На базаре или рынке пусто, было рано...», – писал он

[4, с. 287–288]. Дополненные данными из архивных документов, эти сведения позволяют воссоздать общий облик уездного Сарапула времен А.Н. Радищева.

Благодаря выгодному экономико-географическому положению на правобережье Камы Сарапул конца XVIII в. действительно являлся крупным центром хлебной торговли в Прикамье. Однако продажа зерновых была далеко не единственным из коммерческих промыслов местного населения. Одной из основ экономической жизни города являлось кожевенное производство. Удалось установить, что в конце XVIII столетия в Сарапуле функционировало 11 небольших кожевенных и «козловых» мануфактур, а также в крупных размерах осуществлялась продажа соли, «для которой есть казенные магазины» [1, л. 257].

Город имел прочные экономические связи с другими регионами. Многие сарапульские товары находили сбыт на крупнейших российских ярмарках – Мензелинской, Ирбитской, Нижегородской и других. «Товары получают с Макарьевской ярмарки и из города Казани суммою до 5000. Свои отвозят вверх по Каме реке, вверх по Волге деготь покупной до 10000», – отмечали современники [1, л. 87].

Оживленная торговля велась и в самом городе, где функционировал постоянный рынок. Обмен товарами здесь производился «во всякую неделю» по вторникам и продолжался до полудня. Вероятно, именно этот «базар» упоминался А.Н. Радищевым как пустовавший по причине раннего утра.

Помимо перечисленного в Сарапуле конца XVIII в. имелись маслособойная мануфактура, казенные хлебный и винный магазины, два питейных дома и 15 «хлебных амбаров купецких». Наиболее развитыми отраслями ремесла являлись сапожное и портное дело.

Оживленная экономическая жизнь определяла наличие значительного по численности населения. В 1797 г. в городе насчитывалось 533 дома и три церкви, одна из которых была каменная и две деревянные. Из 1226 жителей Сарапула (имеются в виду только души мужского пола) 128 являлись купцами, 51 мещанами и 1047 дворцовыми крестьянами [1, л. 54 об.].

Городскому образу жизни соответствовала и система административного управления. В Сарапуле времен А.Н. Радищева имелись свои присутственные места (уездное казначейство, суд), городничий, постоянно проживал земский исправник. Вместе с тем в облике города продолжали сохраняться и многие патриархальные черты, выражавшиеся, в частности, в том, что его население по-прежнему активно занималось земледелием, скотоводством и огородничеством. «В огородах овощи садят и сеют: капусту, огурцы, лук, редьку, репу и морковь», – писали представители местной администрации [1, л. 86–87, 131 об.].

Дальнейший путь А.Н. Радищева по Каме лежал через Елабужский уезд, граничивший с Сарапульским. Из расположенных на этой территории населенных пунктов первыми внимание писателя привлекли села Икское Устье, названное им «Усть Ика» и Тихие горы. «На устье Белой Кама разлилась очень широко. Проплыв устье Ика стоит на правом высоком берегу село Усть Ика. Далее на той же стороне село Тихие Горы, где Кама узка и течет глубоко и тихо», – отметил Александр Николаевич 20 мая [4, с. 287–288].

Упомянутые А.Н. Радищевым поселения являлись довольно крупными и играли значимую роль в экономической жизни Елабужской округи.

Так, Икское Устье входило в состав Тихогорской волости, находилось в 40 верстах от уездного центра и в 410 верстах от губер-

ского города Вятки. Село располагалось на правом, высоком берегу Камы и представляло «своим положением, с Камской стороны, вид полуострова». Населенный пункт, получивший свое название от места впадения реки Ик в Каму, был основан во времена Екатерины II. Первыми его жителями, по сведениям краеведов XIX в., являлись выходцы из Костромы – русские крестьяне, занимавшиеся красильным промыслом и рыбной ловлей, для которой Икское Устье, где в изобилии водились осетр, севрюга, стерлядь и другие ценные виды рыб, было очень подходящим местом [7, с. 259]. На рубеже XVIII–XIX вв. в селе насчитывалось 98 дворов и 366 жителей мужского пола [2, л. 220].

Тихие Горы были основаны во второй половине XVII в. во владениях пожалованных игумену Семиозерной пустыни Иллариону. Постепенно населенный пункт, занимавший выгодное географическое положение, разросся. По данным на 1802 г., Тихие Горы являлись волостным центром, которому административно подчинялись семь различных населенных пунктов (село Макарово, деревня Байтерьяк (совр. Байтерьяково), Салтыков починок и другие) с общей численностью жителей 1184 души мужского пола. В самих Тихих Горах в этот период насчитывалось 107 дворов и 377 душ мужского пола [2, л. 220].

Продвигаясь дальше, А.Н. Радищев прибыл к уездному центру – городу Елабуге. «Тут река, поворотив вправо, проходит от Елабуги, лежащей на правом берегу в 2-х верстах от Камы», – указал он [4, с. 288].

Из местных достопримечательностей писателю особо запомнилось Елабужское городище, называемое в простонародье «Чертовым». Сойдя на берег и, внимательно осмотрев этот памятник древности, Александр Николаевич записал: «Чертово городище. Вошел на высокую известную гору против города Елабуги, на ко-

торой стоит оное городище, я нашел, что то была башня или терем в два жилья, где уже потолка не было, но видны только места для балок. Строение вышиною сажени четыре, поперечнику с небольшим две, кругло, внизу двери... Вверху окно одно, другое – от башни проведено, стена вышиною теперь в сажень, длиною сажени в три и по конец оной круглая хранина в диаметре не более сажени...» [4, с. 289].

Ценность этих сведений заключается в том, что принадлежащее перу А.Н. Радищева описание Елабужского городища, представляющего собой единственный в России памятник белокаменной архитектуры волжских болгар, сохранившийся в наземном состоянии, относится к числу немногих, где был запечатлён его первозданный облик. В 1867 г. по инициативе елабужского городского головы И.В. Шишкина была проведена реконструкция разрушавшегося городища, которая сильно изменила его внешний вид [6, с. 36, 37].

О самой Елабуге А.Н. Радищев упомянул лишь кратко. «Город Елабуга довольно велик, стоит на посредственном берегу залива Камы, и река Елабуга впадает в Каму с правой стороны, по левую сторону от города», – записал он [4, с. 289]. Этим лаконичным высказыванием опровергается популярная среди краеведов точка зрения о том, что А.Н. Радищев посетил и непосредственно город. В противном случае он, как любознательный бытописатель неведомого ему края, оставил бы более подробное описание елабужского посада, что и было сделано Александром Николаевичем в случае с городищем, а также так называемым Святым ключом, располагавшимся недалеко от Елабуги. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что описывая местоположение города, А.Н. Радищев ошибочно назвал реку Тойму рекой Елабугой, вероятно, перепутав ее с названием одноимен-

ного озера, находившегося неподалеку. Вряд ли бы он допустил такую ошибку, имея возможность ближе познакомиться с местными жителями.

Вместе с тем в общем описании Елабуги как довольного большого города писатель вполне точен. В конце XVIII в. здесь насчитывалось более 350 дворов и около 2300 жителей обоого пола, в числе которых преобладали дворцовые крестьяне [1, л. 46 об].

В уездном центре интенсивно развивалась торговля – функционировал рынок, состоявший из 22 лавок, где велась продажа мелочных бытовых товаров и продуктов питания. В более крупных масштабах осуществлялась торговля хлебом и солью. «Жители промысел имеют от хлебопашества и отпускают хлеб, а сверх того приезжающие торгуют. День в субботу всем бывает сольная продажа и для соли есть казенные амбары», – писал елабужский исправник [3, л. 51 об.].

На высоком уровне развития в городе находилось ремесло, в особенности: иконописное, кузнечное, чеботарное, медное; производилась посуда, имелись «набойщики и серебрачи».

Еще одним развитым, традиционным видом промыслов, практиковавшихся елабужанами, являлась рыбная ловля, продукция от которой поставлялась и к императорскому двору. Однако крупной хлебо- и рыботорговлей в городе занимался ограниченный круг лиц. Это подтверждается тем, что по ревизским документам конца XVIII в. среди местных жителей не числилось ни одного купца. Ни в городе, ни в уезде не существовало ярмарок, велась только базарная торговля. В связи с этим местные власти констатировали, что в Елабуге «...более всего занимающихся и превосходит хлебopашество» [3, л. 46 об].

Покинув окрестности Елабуги, 21 мая А.Н. Радищев проплывал мимо деревни Сентяк, названной им «Сентюх» и села Котловка, о

которых он записал: «...ехали узкою Камою до деревни Сентюх, стоящей в ущелье; тут делают лодки из одного дерева. Оных лодок на караваны покупают великое множество... За сей деревней следовало село Котловка, приписанное к заводам воткинским, принадлежавшим некогда Шувалову Петру. Тут промышляют дегтем даже до Астрахани» [4, 289].

Эти сведения являются весьма ценными с исторической точки зрения, поскольку сохранившиеся на сегодняшний день документы дают лишь общее представление о хозяйственной жизни Елабужского уезда, не говоря о специфике экономических занятий жителей отдельных сел и деревень.

В целом об этих, упомянутых А.Н. Радищевым населенных пунктах, по данным на конец XVIII в., известно нижеследующее.

Сентяк являлся средней по размерам деревней, входившей в состав Танаевской волости Елабужского уезда. Численность ее населения составляла около 250 чел. обою пола (66 дворов), являвшихся государственными крестьянами [2, л. 220].

Котловка – волостной центр, которому административно подчинялись четыре населенных пункта с численностью жителей 1 363 души мужского пола, большей частью являвшихся экономическими крестьянами. В самом селе насчитывалось 272 двора и 848 душ мужского пола, многие из которых, как верно упоминает А.Н. Радищев, являлись приписными крестьянами Воткинского железоделательного завода [2, л. 220, 229 об.].

Последним населенным пунктом Вятского края, который довелось увидеть А.Н. Радищеву, стало село Свиногорье (Свиные Горы). «Доехав до села Свиногорья, стали к берегу. Тут покупается большое число лодок для караванов. Оно построено на высоком берегу Камы, весьма велико, как и все села российские», – отмечал писатель [4, с. 289].

На рубеже XVIII–XIX вв. Свиные Горы, находившиеся до 1864 г. во владении Раифской пустыни, являлись одним из волостных центров Елабужского уезда. Административно им подчинялись шесть населенных пунктов с численностью жителей 789 чел. мужского пола, 606 из которых являлись экономическими крестьянами, 164 татарами и 19 марийцами, платившими ясак. Непосредственно в Свиногорье проживало 429 душ мужского пола (136 дворов) [2, 220 об.].

Остановившись в Свиногорье для отдыха, А.Н. Радищев оставил упоминание о разбойниках, с которыми ему довелось повстречаться лично. В частности, он писал: «В Свиногорье видели в кабаке воров. Оных боялись на стоянке, и я не спал до утренней зари бесплодно... Воры с пашпортами из Вятки, их получают легко от казначея...» [4, с. 289]. В этом упоминании нет ничего странного, так как многонациональная южная окраина Вятской губернии, где в конце XVIII в. были еще свежи воспоминания о восстании Е.И. Пугачева, действительно являлась беспокойным для путешественников местом.

Проплыв Свиногорье, неподалеку от которого находилось устье реки Вятки, впадающей здесь в Каму, А.Н. Радищев оказался в Казанской губернии и покинул пределы Вятского края. Несмотря на кратковременное пребывание здесь, писатель успел оставить много ценных сведений об этой отдаленной территории. В ряде случаев информация А.Н. Радищева может считаться уникальной и в совокупности со сведениями из других исторических источников позволяет воссоздать общий социально-экономический облик Прикамья. В связи с этим Александра Николаевича можно по праву считать одним из немногих и ярких бытописателей жизни российской провинции конца XVIII столетия.

Список литературы

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 583. Оп. 600. Д. 28.
2. ГАКО. Ф. 583. Оп. 22. Д. 48.
3. ГАКО. Ф. 583. Оп. 1а. Д. 1231.
4. Записки путешествия из Сибири / Радищев А.Н. // Полное собрание сочинений: в 3 т. М., Ленинград, 1952. Т. 3. 689 с.
5. Луппов П.Н. А.Н. Радищев о Вятском крае // Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения. Вятка, Т. IV. 1928. С. 102–109; Чудова Г.Ф. А.Н. Радищев о Вятском крае // Кировская правда. 1949. 31 авг. (№ 171). С. 3; А.Н. Радищев и Вятский край / Н. П. Изергина // Писатели в Вятке. Киров, 1979. С. 23–26.
6. Нигамаев А.З. Ранняя история Елабуги. Исторический очерк. Елабуга, 2007. 176 с.
7. Село Икское Устье // Вятские губернские ведомости: часть неофициальная. 1860. 29 сент. С. 259–260.
8. Татаринцев А.Г. А.Н. Радищев. Архивные разыскания и находки. Ижевск, 1984. 256 с.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti (GAKO)* [State archive of the Kirov region (SAKR)]. F. 583. Op. 600. D. 28.
2. *GAKO*. F. 583. Op. 22. D. 48.
3. *GAKO*. F. 583. Op. 1a. D. 1231.
4. Radishchev A.N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. M., Leningrad, 1952. Vol. 3. 689 p.
5. Luppov P.N. A.N. *Trudy Vyatskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya* [Proceedings of the Tomsk Research Institute of Regional Studies]. Vyatka, Vol. IV. 1928. Pp. 102–109; Chudova G.F.

- A.N. *Kirovskaya pravda*. 1949. 31 avg. (№ 171). S. 3; Izergina N.P. *Pisateli v Vyatke* [Writers in Vyatka]. Kirov, 1979. pp. 23-26.
6. Nigamaev A.Z. *Rannyyaya istoriya Elabugi. Istoricheskii ocherk* [Early History of Elabuga. Historical Review]. Elabuga, 2007. 176 p.
 7. *Vyatskie gubernskie vedomosti: chast' neofitsial'naya* [Vyatskie Provincial Gazette: Part unofficial]. 1860. 29 sent. Pp. 259–260.
 9. Tatarintsev A.G. *A.N. Radishchev. Arkhivnye razyskaniya i nakhodki* [A.N. Radishchev. Archival research and findings]. Izhevsk, 1984. 256 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Рафиков Азат Миннегаязович, доцент кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук.

*Вятский государственный гуманитарный университет
ул. Красноармейская, 26, Киров, Кировская область, 610002,
Россия
rafazat@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Rafikov Azat Minnegayazovich, Ph.D (History), Assistant Professors
Department of Russian history
*Vyatka state University of Humanities
26, Krasnoarmeyskaya Str., Kirov, Kirov Region, 610002, Russia
rafazat@yandex.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-62-74

УДК 947.088

СОВЕТСКО-КИТАЙСКАЯ ГРАНИЦА ГЛАЗАМИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Шадрина Е.А.

Приграничные отношения между СССР и КНР всегда занимали важное место среди ключевых проблем научного сообщества. В советский и постсоветский периоды данный вопрос рассматривался как в рамках общего изучения отношений Советского Союза и Поднебесной, так в качестве отдельного направления исследований. Целью нашей работы является качественный анализ отечественной историографии по проблеме взаимодействий на советско-китайской границе. Посредством проблемно-хронологического и сравнительно-исторического методов было определено, что роль границы трактовалась достаточно противоречиво – от «границы добрососедства, дружбы и сотрудничества» до причины вооруженного конфликта 1969 года. Историография выделенной темы богата на различные оценки и мнения, представленные в российской и советской исторической литературе. В статье продемонстрирован общий уровень разработанности вопроса.

Ключевые слова: советско-китайская граница; советская историография; российская историография; приграничные отношения; советско-китайские отношения.

SINO-SOVIET BORDER BY NATIONAL HISTORIANS

Shadrina E.A.

Border relations between USSR and China are always considered as a key problem in different spheres of scientific researches. During Sovi-

et and post-Soviet periods this question was included in general analysis of Sino-Soviet relations the same as was regarded as a separate direction of researches. The use of different historiographical methods helps to find that the role of borderline was interpreted contradictorily. Historiography of this theme has a rich basis of assessments and estimates. The article demonstrates the whole level of problem's research.

Keywords: *Sino-Soviet border; Soviet historiography; Russian historiography; border relations; Sino-Soviet relations.*

Территориальные притязания Китая практически ко всем своим соседям не смогли обойти стороной и Россию. На протяжении последних десятилетий лидеры Поднебесной, ссылаясь на несправедливость и неправомерность ранее заключенных договоров, выдвигают претензии на определённые участки земли нашего государства, тем самым стремясь расширить рубежи своей страны. Впрочем, вопрос о месте прохождения границы между двумя странами остается актуальным и по настоящее время.

Советская историография рассматриваемого вопроса весьма интересна с той позиции, что руководство Советского Союза никогда не высказывалось относительно каких-либо притязаний и недовольств по проблеме границы и пограничной территории с КНР. В этой связи вопросы, связанные с рубежами СССР, призваны по большей части обозначить позицию советского руководства относительно правомерности и справедливости заключенных ранее договоров, их соответствующем исполнении и неаргументированности и абсурдности китайских требований.

Стоит отметить, что ситуация на советско-китайской границе особенно во второй половине XX века изобилует резкой сменой характера взаимоотношений: от «границы добрососедства и дружбы» до военных столкновений и конфликтов.

В период наивысшего расцвета дружбы между СССР и КНР, после прихода к власти Мао Цзэдуна очевидных претензий и вопросов относительно линии прохождения границы не возникало. В то же время и об отсутствии притязаний говорить не приходится. Важным доказательством существовавших противоречий в пограничной проблеме стала так называемая «картографическая агрессия», порожденная Мао ввиду наметившихся планов относительно советской территории. В картах, учебниках и атласах в границы Китая были включены территории, находящиеся под фактической юрисдикцией СССР и других стран. Так, в «Атласе провинций КНР», который был выпущен в Пекине в 1953 г., китайскими территориями были обозначены участок на Памире и ряд районов на восточном участке советско-китайской границы, в том числе два острова близ города Хабаровск¹. Продолжением конфронтации в 1956–1959 гг. стали участвовавшие случаи нарушения советской границы китайскими гражданами. Однако в тот период вопросы нарушения границы разрешались на уровне местных властей, а общий тон двусторонних отношений двух держав на высшем уровне продолжал оставаться внешне благожелательным. В этой связи советские исследователи до выражения явного недовольства решением пограничного вопроса китайской стороной данную тему не затрагивали, всячески рассматривая советско-китайские рубежи не иначе, как границы мира и согласия. На ней «успешно развивалась советско-китайская торговля» [8, 551], также «укреплялось научно-техническое сотрудничество между СССР и народным Китаем» [8,552]. Приход к власти коммунистической партии в Китае и образование КНР создавали все предпосылки для развития добрососедства, обеспечение прочного мира на советско-китайских границах. Более того, в начале 1950-х, когда китайской стороне были

¹ Джунго дитхуцэ. Пекин, 1953. 34 с.

переданы полные комплекты топографических карт, властями не высказывалось каких-либо замечаний относительно прохождения линии границы [3, 10].

По мере ухудшения отношений между странами начинает меняться и приграничная политика – периодические провокации на пограничной территории, явные угрозы и претензии, очевидное нарастание взаимных обид, переросших в вооруженный конфликт в марте 1969 г. Данные факты не смогли не отразиться на характере интерпретации событий историками СССР.

Начало систематического изучения советскими исследователями вопросов советско-китайской границы приходится на 1960-е гг., когда возникла острая необходимость в ответе на китайские нападки относительно территориальных притязаний. Представители Дальневосточного, Московского и Ленинградского центров востоковедения склонялись к единому и согласованному мнению – отстаиванию позиции государственных лидеров относительно справедливости фактических рубежей территории СССР, на которые, собственно говоря, и ссылались ученые. Причем зачастую, проблематика отношений СССР и КНР становилась ключевым вопросом в исследования непрофессиональных ученых, а военных, дипломатов, журналистов и т. д.

Среди отечественных синологов едва ли найдется специалист, которому удалось обойти стороной вопрос пограничного урегулирования между СССР и КНР. Так, в различное время к данной теме обращались М.С. Капица, Ю.М. Галенович, М.И. Сладковский, А. Прохоров, С.Л. Тихвинский, Б.Т. Колосков, О.Б. Борисов, Л.М. Гудошников и др.

В предисловии к работе «Китай и соседи в новое и новейшее время» видный советский историк и дипломат, специалист в области новой и новейшей истории Китая С.Л. Тихвинский под-

черкивает, что материалы сборника, отражая историю формирования советско-китайской границы, демонстрируют «необоснованный характер территориальных притязаний» руководителей Поднебесной [12, 453]. Данная позиция была доминирующей в научных трудах советского периода. Автор замечает, что в течение переговорного процесса относительно демаркации границы советская сторона придерживалась принципа превращения границы в «границу дружбы и добрососедства». В то время как китайская сторона пыталась всячески «уклониться от рассмотрения главного вопроса» и «навязать Советскому Союзу признание «спорных районов» [12, 109].

Советский и российский синолог Ю.М. Галенович, посвятив немалую часть своей жизни изучению советско-китайских отношений, особый интерес проявил к вопросам границы двух стран. Его монография «Россия и Китай в XX веке. Граница» направлена на описание истории российско-китайской границы в XX в. Она включает воспоминания автора о двусторонних консультациях и переговорах 1960–1970-х гг., участником которых он был, а также его восприятие и интерпретацию нашедших событий вокруг острова Даманский в 1969 году. В работе синолог подчеркивает ухудшение обстановки на советско-китайской границе: регулярные недоразумения и инциденты на различных участках границы, сопровождаемые нотами и устными заявлениями, в которых стороны взаимно обвиняли друг друга [4, 26].

В 1982 г. военным издательством министерства обороны СССР выпускается работа «О советско-китайской границе: правда и пекинские вымыслы» группы востоковедов В.Ф. Бутурлинова, Г.К. Плотникова, В.В. Чубарова. Очевиден явный антикитайский настрой авторов монографии, вызванный, по их заявлению, гене-

ральной внешнеполитической целью лидеров Поднебесной по завоеванию мирового господства [1, 6]. В работе рассматриваются предпосылки конфликта на о. Даманский и в целом проблемы советско-китайской границы. Утверждается, что советское руководство в 1960-е гг. неоднократно предпринимало попытки нормализации взаимоотношений между двумя странами. Однако «всякий раз советские инициативы наталкивались на глухую стену» [1, 63]. Что касается непосредственно проблемы границы, то авторы утверждают, что «границы России и Китая сложились давно», ввиду чего Дальний Восток «из отсталой аграрной окраины» усилиями Советского руководства «превратился в мощный промышленный район» [1, 73–74].

В работе А. Прохорова «О советско-китайской границе» приводятся доказательства справедливости принадлежности СССР той части территории, на которую претендовали власти Китая [9, 200–221]. Автор дополняет развернутую историческую справку о ходе переговорного процесса и процессе установления границы текстами российско-китайских договоров, заключенных на разных исторических этапах.

В труде «Новейшая история Китая (1917–1970)» советского востоковеда, китаевода и экономиста М.И. Сладковского особый интерес представляют заключительные главы, в которых освещается внутренняя и внешняя политика КНР. Относительно пограничного вопроса автор заявляет, что с июля 1960 года «китайские власти начали провоцировать на китайско-советской границе инциденты» [10, 338]. При этом руководство Поднебесной готовилось свалить вину за провал «скачка» на Советский Союз и «сознательно повело дело к тому, чтобы поставить Советское правительство перед необходимостью отозвать из КНР советских специалистов» [10, 339].

В советской историографии утвердилась позиция, что руководство Советского Союза всегда шло навстречу пекинским лидерам, включая вопросы урегулирования пограничного вопроса и проблемы демаркации линии границы.

Очевидно, что большинство советских историков придерживается единого мнения, касающегося событий на о. Даманский, где в марте 1969 года «лидеры КНР попрали принципы территориальной целостности» и «явно искали повод для конфликта», всячески провоцируя СССР [12, 101].

Содержательный анализ причин возникновения вопросов прохождения границы демонстрирует, что большинство советских историков усматривали в основе пограничной проблемы исключительно вину КНР, а в частности великодержавной политики её руководства.

Советские историки также посвятили немало работ изучению советско-китайских отношений, однако вопросам именно приграничного взаимодействия, учитывающего все аспекты двусторонних контактов, уделялось, на наш взгляд, недостаточное внимание. Можно утверждать, что отношения между СССР и КНР на границе рассматривались авторами фрагментарно, некоторые вопросы попросту умалчивались. Лишь в 1990-е гг. отечественная историческая наука получила мощный импульс в изучении проблематики приграничного взаимодействия между странами. Благодаря вновь открывшимся советским и иностранным архивам, расширившимся международным контактам и научным дискуссиям ученых принципиально изменился ракурс научного поиска. Выявившиеся новые обстоятельства взаимодействий государств на границе позволили ряду российских историков с новой позиции взглянуть на проблему пограничных отношений. В качестве главной характеристики современной российской истори-

ографии можно отметить осмысление новых граней некорректно освещенных ранее проблем и вопросов. Труды советского периода, создававшиеся в рамках марксистско-ленинской парадигмы в условиях сложившейся целостной концепции, послужили тем историографическим массивом, позволившим в постсоветский период провести комплексное исследование исторической традиции СССР.

Безусловно, большинство концептов, присущих советскому периоду, относительно взаимодействий с Китаем были значительно переосмыслены. Так, например, востоковед, доктор политических наук, декан факультета политологии МГИМО А.Д. Воскресенский заметил, что «общественные интересы и Советской России, и Китая отождествлялись в СССР с государственными интересами СССР» [2, 230–231]. Ю.М. Галенович утверждает, что внешняя политика в то время была чрезвычайно «персонифицированной», т.е. огромную роль в ней играл личностный фактор [4, 107–108]. Но в то же время некоторые аспекты советско-китайских отношений и их истории были подтверждены. Неоспорима и решающая помощь СССР, оказанная при образовании КНР [2, 231], ведь о победе китайской революции нельзя говорить без упоминания СССР [4, 107–108].

Российские историки практически едины во мнении, что на начальном этапе формирования приграничного сотрудничества в 1950-х гг. в значительной мере определяющим фактором в процессе установления тесных контактов между населением приграничных территорий явились дружественные отношения трудящимися двух стран, находившихся в непосредственном производственном контакте. На тот момент развитие двусторонних связей трудовых коллективов Дальнего Востока и соседних провинций КНР приобрело разносторонний характер. Примером этому служит уста-

новление связей между моряками и судоремонтниками Дальневосточного морского пароходства (ДВМП) с китайскими рабочими города-порта Далянь. Более 10 специалистов ДВМП принимали активное участие в восстановлении и реконструкции Даляньского судостроительного завода [13, 39].

Особого внимания заслуживает монография А.Д. Воскресенского «Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений», в которой автор не просто иллюстрирует последовательность событий во взаимоотношениях двух стран, а анализирует теоретические аспекты становления и развития двустороннего сотрудничества между РФ и КНР. Ученый утверждает уникальность своей концепции как «сквозное» политологическое исследование на основе теории многофакторного равновесия. При рассмотрении периода советско-китайских отношений прослеживается критика вождей СССР – Сталина, Брежнева, Хрущева. Это наиболее яркая черта, принципиально отличающая российскую историографию от советской. Автор подчеркивает, что русско-китайские и советско-китайские отношения всегда находились под огромным влиянием личных интересов, что справедливо не только для сталинского периода, но и для поздних этапов взаимоотношений. Более того, после прихода к власти Н.С. Хрущева этот фактор стал более весомым [2, 236].

Что касается приграничных отношений, то А.Д. Воскресенский отмечает, что китайской стороной периодически нарушалась граница с СССР. Чем чаще становились провокации, тем более настойчивы были усилия Советского правительства в организации консультаций относительно уточнения конкретных участков линии границы [2, 238]. Востоковед подчеркивает, что период с 1959 по 1963 г. был временем перехода от разногласий к конфронтации между двумя странами. А конфронтация была спровоцирована, по

его мнению, вполне объективными намерениями сторон следовать своим национальным интересам: в Китае – превратить новое государство в великую державу Восточной Азии, обеспечив независимость от СССР; в СССР – союз с Китаем связывали с альтернативой западного биполярного устройства, в котором очевидно доминировали бы интересы Советского Союза.

В вопросе изучения истоков формирования российских дальневосточных рубежей и установления советско-китайской границы определенным научным интересом представляет монография известного российского китаевода и историка В.С. Мясникова «Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.)». Основываясь на внушительном перечне использованных источников, ученый заключает своё исследование выводом, что отсутствие взаимопонимания в разрешении территориально-пограничной проблемы было вызвано экспансионистской политикой китайского руководства [7, 350–354].

Проблеме делимитации границы между Россией и Китаем также посвящена работа владивостокского ученого, востоковеда Б.И. Ткаченко «Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах», изданная в 1999 г. Будучи одним из наиболее тщательных и подробных исследований проблемы, работа содержит немало количество русско-китайских соглашений, являющихся юридически полноценными документами, подробно описывающими восточный участок российско-китайской границы.

Таким образом, можно заметить, что вопрос приграничных отношений СССР и Китая получил мощный импульс к развитию после распада СССР. Вполне очевидно, что кардинальные изменения парадигмы социально-экономического и политического развития России так или иначе спровоцировали тенденцию к увеличению

интереса к отдельным аспектам и проблемам российской государственности, внешней политики России, истории взаимоотношений с другими странами, включая отношения СССР и КНР. Изучение историографии исследуемого вопроса привело к выводу о том, что многие оценки прошлого были переосмыслены, но полностью преодолеть влияние прошлых методологических подходов и мнений так и не удалось. В целом же, можно утверждать, что единство взглядов относительно правомерности и справедливости прохождения линии границы между странами наблюдается и у советских, и у российских историков.

Список литературы

1. Бутурлинов В.Ф., Плотников Г.К., Чубаров В.В. О советско-китайской границе. Правда и пекинские вымыслы. М., 1982. 42 с.
2. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. 412 с.
3. Гайдук Н. Правда о событиях на острове. Владивосток, 1969. 267 с.
4. Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. М: ИВД, 1992. 170 с.
5. Капица М.С. КНР: три десятилетия – три политики. М., 1979. 576 с.
6. Колосков Б.Т. Внешняя политика Китая. 1969–1976 гг. Основные факторы и ведущие тенденции. М.: Политиздат, 1977. 328 с.
7. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы, XVII–XX вв. М., 1996. 482 с.
8. Перевертайло А.С. Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959. 696 с.
9. Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М.: Международные отношения, 1975. 341 с.
10. Сладковский М.И. Новейшая история Китая (1917–1970). М.: «Мысль», 1972. 437 с.

11. Ткаченко Б.И. Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах. М., 1999.
12. Тихвинский С.Л. Китай и соседи в новое и новейшее время. М.: Издательство «Наука», 1982. 454 с.
13. Фролов А.В. Приграничное сотрудничество советского Дальнего Востока с северо-восточными провинциями КНР (1950-е годы) // Россия и АТР. 2007. №3. 39-41 с.
14. 中国地图则。Zhongguo dituze

References

1. Buturlinov F.V., Plotnikov G.K., Chubarov V.V. *O sovetsko-kitaiskoi granice. Pravda i pekinskie vymysly* [On the Soviet-Chinese border. Truth and fictions of Beijing]. М., 1982. 42 p.
2. Voskresensky A.D. *Rossija i Kitai: teorija i istorija mezghosudarstvennyh otnoshenii* [Russia and China: theory and history of international relations]. М., 1999. 412 p.
3. Gaiduk N. *Pravda o sobytijah na ostrove* [The truth about events on the island] Vladivostok, 1969. 267 p.
4. Galenovich Y.M. «Belye pjatna» i «bolevye tochki» v istorii sovetsko-kitaiskih otnoshenii [“White spots” and “pain points” in the history of Soviet-Chinese relations]. М: DEU, 1992. 170 p.
5. Kapitsa M.S. *KNR: tri desyatiletija – tri politiki* [China: three decades, three policies]. М., 1979. 576 p.
6. Koloskov B.T. *Vneshnjaja politika Kitaja. 1969–1976 gg. Osnovnye faktory i vedushie tendencii* [China’s Foreign policy. 1969–1976 Major factors and major trends]. Moscow: Politizdat, 1977. 328 p.
7. Myasnikov V.S. *Dogovornymi stat’jami utverdili: Diplomaticheskaja istorija russko-kitaisko granicy, XVII-XX vv.* [Treaty articles approved: Diplomatic history of the Russo-Chinese border, XVII–XX centuries]. Moscow, 1996. 482 p.

8. Perevertailo A.S. *Oчерki istorii Kitaja v noveishee vremja* [Some essays about Chinese history in modern times]. M., 1959. 696 p.
9. Prokhorov A. *K voprosu o sovetsko-kitaiskoi granice* [The question of Sino-Soviet Border]. M.: International relations, 1975. 341 p.
10. Sladkovsky M.I. *Noveishaja istorija Kitaja (1917–1970)* [Modern history of China (1917–1970)]. Moscow: “Mysl”, 1972. 437 p.
11. Tkachenko B.I. *Rossiya – Kitay: vostochnaya granitsa v dokumentakh i faktakh* [Russia – China: the eastern border of the documents and facts]. M., 1999.
12. Tikhvinsky S.L. *Kitai i sosedi v novoe i noveishee vremja* [China and the neighbors in modern and contemporary times]. M.: Publishing House “Nauka”, 1982. 454 p.
13. Frolov A.V. Prigranichnoe sotrudnichestvo sovetskogo Dal’nego Vostoka s severo-vostochnymi provincijami KNR (1950-e gody) [Cross-Border cooperation of the Soviet Far East with North-Eastern provinces of China (1950-ies)]. *Russia and the Pacific*. 2007. No. 3. Pp. 39–41.
14. 中国地图则。Zhongguo dituze

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Шадрина Екатерина Алексеевна, аспирант, кафедра зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии
Челябинский государственный университет
ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, 454001, Россия
katya-antonova74@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shadrina Ekaterina Alekseevna, post-graduate student, Department of foreign area studies, political science, and Eastern philosophy
Chelyabinsk State University
129, Kashirinykh Brothers Str., Chelyabinsk, 454001, Russia
katya-antonova74@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

STUDIES IN PHILOLOGY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-75-85

УДК 8; 821.161.1

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ПРОЗЕ Ю.В. БУЙДЫ 2010-х ГОДОВ

Безрукавая М.В.

В данной статье речь идет о художественной модели мира в прозе Ю.В. Буйды 2010-х годов. Для анализа были взяты три произведения: «Синяя кровь», «Вор, шпион и убийца» и «Яд и мед». Рассматриваются приемы, используемые Ю.В. Буйдой и его художественный мир. Выявлен четко выстроенный, узнаваемый художественный мир, который характеризуется линейностью сюжета, фрагментарностью, наличием детективного начала, аристократизмом дискурса. В статье особое внимание уделяется героям и сюжетной линии романов. Герои показаны в типичной для Ю.В. Буйды пустоте, где эстетическое начало выражено сильнее начала этического. Для Ю.В. Буйды характерен интерес к абсурду, катастрофам, обыденности, многочисленным явлениям болезни, уродства, нелепостей, физиологических деформаций. Также в статье показано становление Ю.В. Буйды в современной русской литературе. Ю.В. Буйда сравнивается с писателями так называемого «первого ряда», такими как: В.О. Пелевин, А.А. Проханов, М.Ю. Елизаров, Д.Л. Быков, З. Прилепин, Л.Е. Улицкая. Серьезное внимание уделено тому, как новейшая критика восприняла романы Ю.В. Буйды.

Ключевые слова: художественный мир; пустота; фрагментарность; дискурс; модель мира; русская литература.

ART MODEL OF THE WORLD IN Y.V. BUIDA'S PROSE IN THE 2010s

Bezrukavaya M.V.

The article shows the art model of the world in Y.V. Buida's prose in the 2010s. The following works were taken for the analysis: Blue blood, Thief, spy and murderer, Poison and honey. Both the techniques used by Y.V. Buida and his artistic world were considered. It was found out that the latter, being easily recognizable, is strictly organized as well as characterized by linearity of the plot, fragmentariness, detective nature, aristocraticism of the discourse. The novels, plotlines and characters were analyzed from the point of view. The characters are shown in the void, which is typical of Y.V. Buida, whose works are characterized by the aesthetic principle prevailing over the ethical one. Y.V. Buida is thought to be interested in absurdities, catastrophes, mundanity, illnesses, physiological deformities. The article also shows the way Y.V. Buida was formed as a writer. Y.V. Buida is compared to some of the most prominent contemporary writers, such as V.O. Pelevin, A.A. Prokhanov, D.L. Bykov, Z. Prilepin, L.E. Ulitskaya. Much attention was given to the way Y.V. Buida's works were assessed by critics, especially in periodicals.

Keywords: *artistic world; void; fragmentariness; discourse; world model; Russian literature.*

Обращаясь к теме прозрачности граней модернизма и постмодерна в формате современной русской литературы, мы акцентируем внимание на факт авторской интерпретации концепта «художественный мир».

ственная модель мира». Если условно говорить о существовании «первого ряда» авторов XXI века (В.О. Пелевин и Д.Л. Быков, А.А. Проханов и М.Ю. Елизаров, З. Прилепин и Л.Е. Улицкая), то на их актуальном творческом фоне проза Ю. Буйды менее заметна.

С реализмом Ю.В. Буйду сближает заинтересованное отношение к линейному сюжету, историческому времени, целостному жизнеописанию ключевых персонажей. На границе модернизма и постмодернизма находятся многие авторские установки: предельно эстетизированная афористичность стиля, интерес к эгоцентричным героям, стремление к созданию субъективных мифологических контекстов, постоянное внимание к разнообразным деформациям жизненного материала.

Объектом исследования избраны три прозаические произведения Ю. Буйды, созданные за последние годы: романы «Синяя кровь», «Вор, шпион и убийца» и повесть «Яд и мед».

Заголовок – сильная позиция текста, осуществляющая первый контакт читателя с авторским миром, и мы можем это наблюдать в заголовках романов Ю.В. Буйды. Во-первых, очевидно присутствие негативных и весьма выразительных значений: кровь присутствует в нестандартном варианте, не совпадая с горизонтом ожидания («красный»); три слова в названии второго текста формируют понятие «преступник»; в третьем тексте одна из «положительных» лексем («мед») сочетается с лексемой, имеющей противоположный (тоже «преступный») смысл; во-вторых, все заголовки представляют собой знаки, которые представляют художественно воспроизводимые в текстах состояния.

Основная повествовательная инстанция, отвечающая за формирование текста как целостности, всегда определяется «Я», достаточно активно включенным в сюжетные процессы. В романе «Синяя кровь» читатель узнает о жизни актрисы Иды Змойро от Алеши, который, как и героиня, живет в городе Чудове, является молодым учеником,

собеседником и одновременно исследователем стареющей героини. В романе «Вор, шпион и убийца» (журнальный вариант вышел с подзаголовком «Автобиографическая фантазия») повествованием управляет субъект, в имени и многих деталях жизни совпадающий с автором. Весь текст – его жизнеописание, становление судьбы: от детских лет в пригородах Калининграда до переезда в Москву в зрелом возрасте. В повести «Яд и мед» рассказчик («Доктор») живет в семье, о которой повествует: сам не участвует в основных коллизиях, но имеет возможность следить за всеми смыслообразующими конфликтами.

Что еще объединяет фигуры рассказчиков помимо их участия в событиях произведениях? Во-первых, все они (как и автор) – профессиональные филологи, не скрывающие от читателей владения искусством слова, своей изощренной литературности; во-вторых, эстетическое в их позиции занимает более высокое место, нежели этическое начало: рассказчики спокойно относятся к чужим (и собственным) падениям в нравственной сфере, с удовольствием фиксируя примеры искажения человеческой природы, преступных отклонений от «нормы», которой серьезного внимания не уделяется; в-третьих, рассказывая о множестве драм, катастроф, трагедий, наблюдая за сюжетами, в которых смерть – закономерный исход, повествователи не теряют присутствия духа, проявляют жизнестойкость и способность к выживанию; в-четвертых, цинизм, который может быть зафиксирован читателем как один из главных моментов характеристики повествователей, является составляющей их особой полноты, желая отмечать все проявления жизни, не сводимой к рациональным формулам.

«Я смотрел на мир сотнями жадных глаз и слушал жизнь, которая перла в меня со всех сторон – шепотами и криками, всем юродством русской речи, ее диким блеском и темным бессвязным бормотанием», – читаем в «Воре, шпионе и убийце» признание рассказчика, аттестующего жизнь как гротескный процесс взаимодействия смысла и

бессмыслия [1, с. 254]. В подобной ситуации и рассказчик из повести «Яд и мед»: «Я думал о мертвом теле, которое лежало в холодной прихожей, накрытое простыней, намазывал масло на хлеб, улыбался Нинон... [3]. Обратим внимание на бесспорное желание Доктора создать атмосферу и настроение, близкие декадентству. Труп, еда и добрая реакция оказываются на одной линии. Читатель (и это относится в миру всех трех произведений) как бы получает гарантии: рассказчик находится в такой форме откровенности, что ни один из странных моментов существования героев не будет обойден вниманием.

Еще одна значимая деталь художественного мира Ю.В. Буйды – парадоксальное сочетание цельности жизнеописания в каждом тексте и особого рода фрагментарности, выражающейся во внутренней новеллистичности. С одной стороны, текст дает читателю возможность познакомиться с состоявшейся жизнью, оценить ее логику, кульминацию и, как правило, завершение. И это касается не только главных персонажей, но и эпизодических. Фрагменты, представляющие путь человека, могут восприниматься как целостные, законченные повествования. Например, такими являются «краткие жизнеописания» Забей Иванова, Александра Змойро, генерала Холупьева в «Синей крови», образы шалавы Лисы, няньки Нилы, многочисленных товарищей в «Воре, шпионе и убийце», пути всех членов семейства Тати в «Яде и меде».

С другой стороны, в романной структуре, стремящейся оценить жизнь персонажа как сюжетное единство, рассказ (как знак относительно обособленного повествования) оказывается важным жанровым образованием. Удача «Синей крови», самобытность и убедительность романа и объясняется этим умением Буйды рассказать большую историю, излагая небольшие автономные сюжеты», – пишет К.М. Гликман [4].

«... Несмотря на то, что уличить в ней романский сюжет вполне возможно, она легко и с удовольствием рассыпается на великое мно-

жество мелких рассказиков и зарисовок о персоналиях, тогда как главный герой зыбкой тенью теряется в пучине вод морских», – указывает Е. Мельников [6]. «А насчёт «моего» жанра – это рассказ, я рассказчик, я рассказываю рассказы, повести и иногда романы. Хотя с романами у меня похуже, поэтому я страшно завидую людям, которые спроста пишут в начале большого текста слово «роман». Рассказ – это что-то универсальное...», – говорит сам Ю.В. Буйда [9].

Жанровый парадокс сочетания романной и новеллистической стратегий находится во взаимодействии с другим парадоксом, представляющим единство конкретного, вполне устойчивого пространства с пустотой, словно стремящейся поставить под сомнение реальность любого материализованного в исторической конкретности топоса.

В «Синей крови» перед читателями предстает детально воспроизведенный провинциальный город Чудов, находящийся недалеко от Москвы. Читатель, следящий за развитием жизни Иды Змойро, отмечает в памяти местонахождение домов, организацию центральной площади, знаковую позицию крематория, больницы, ресторана или комнаты милиции. В автобиографическом романе «Вор, шпион и убийца» большая часть повествования связана с Калининградской областью, в повести «Яд и мед» действие происходит в поселке Жукова Гора, прилегающем к Москве.

Модель пространства близка во всех указанных текстах: это небольшое, провинциальное, четко ограниченное место проживания многих лиц (всегда «простых» и «интеллигентов»), из которого можно быстро добраться до крупного города, чтобы (и это тоже закон прозы Ю.В. Буйды) вернуться обратно – в провинциальную ограниченность пространства, заставляющую героев ежедневно сталкиваться и взаимодействовать так или иначе. Устойчивость свойственна и концепции времени. Рассказчик, ответственный за повествование, набирает воз-

растную и, как следствие, смысловую мощь ближе к постсоветским временам, но рассказ охватывает значительно больший временной отрезок – вторую половину XX столетия. А в романе «Синяя кровь» сюжет касается и событий Гражданской войны.

Парадоксальность хронотопа – в постоянной актуализации такой категории, как пустота. Конечно, она прежде всего относится к сознанию персонажей (Иды, Юрия, пожалуй, всех героев «Яда и меда»), но обязательно переносится и на образ внешнего пространства, образуя важную для автора сочетаемость реалистического и мифологического дискурсов. Вот как оценивает данную ситуацию Т. Сохарева: «Яд и мед» – повесть во всех отношениях прекрасная, однако жизнью здесь и не пахнет. Художественный мир Буйды — плотный и душный, его границы ощутимы почти физически: кажется, что дом в поселке Жукова Гора – единственная обитаемая географическая точка на глобусе. Но важное другое: Буйда возвращает в литературу категорию быта, не связанную с грязной посудой и стяжательством. Соль на столе, шпаги и знамена на стенах, мраморные статуи в холле – весь этот пыльный, но родной уют заменяет его героям жизнь. И он же привносит в повесть ощущение густого, безвыходного счастья» [9].

«Заслуживает ли жизнь быть прожитой? – записала она в дневнике. – Конечно же, нет. Но мне такой удачи не выпало», – так рассуждает Ида Змойро, ставя под сомнение ценность человеческого существования, житейскую радость, вызываемую близким, привычным человеку хронотопом [2]. «Именно этим и занимался всю жизнь Илья – пытался заполнить собой мир, как будто боясь, что мир затопит его. Его жизнь была границей между явью и бредом: гоночные автомобили, прыжки с водопадов, купание с крокодилами, русская рулетка, женщины, ночные клубы...» [3], – так в жизни одного из героев повести «Яд и мед» переплетается богатая сюжетами жизнь и пустота, требующая постоянного заполнения,

претендующая на статус главного пространственного образа в произведениях Ю.В. Буйды.

В контексте вышесказанного – и конфликтология, выстраиваемая автором. В каждом тексте десятки мелких, эпизодических столкновений, житейских ссор, противостояний, предполагающих выход на первый план того уровня человечности, который следует назвать бытовым. В подобных схватках, вызванных детально прописанной обыденностью, участвуют и главные герои, но в целом у них совершенно иная миссия, координируемая автором, – пребывать внутри себя, развиваться в согласии с внутренним планом, встречаться с разными формами бытийной пустотности.

Ида Змойро, главная героиня «Синей крови», взаимодействуют со многими персонажами, представляющими и артистическую среду, и среду подчеркнуто житейского плана. Но, следуя замыслу прожить жизнь великой актрисы, она ведет напряженный, конфликтный диалог с тем, что можно назвать метафизикой собственного становления, исключающей деятельное присутствие другого человека. Автобиографический герой Ю.В. Буйды из романа «Вор, шпион и убийца» находится в центре разных эпизодов борьбы, но по настоящему он беседует и борется только с одним человеком – с самим собой. Точнее, он активно и подчас конфликтно контактирует с тем образом себя, который пребывает в типичной для автора пустоте, где эстетическое начало выражено сильнее начала этического.

Мифологическое здесь – не воспроизведение или деконструкция традиционных архаических сюжетов, а явление субъективного авторского сознания, некой интуиции, приобретающей особую плотность. «Буйда создает не только сюжеты и характеры, но и целый мир, детально прорисованный, наделенный собственной мифологией, историей и географией», – считает Е. Горшкова [5]. «Как всегда, не обошлось без вопроса: с какими явлениями из уже существующих в

культуре сравнить этого автора? Сравнения, как правило, базируются на двух характерных признаках прозы Юрия Буйды: смешении реалистического и фантастического и особом, “экспрессивном” стиле автора», – Е. Горшкова подчеркивает, что мифологизм в художественной системе Ю.В. Буйды не становится «мифологическим реализмом» [5].

Мы отметим еще один знаковый аспект поэтики Ю.В. Буйды – аристократизацию дискурса. Мотивы для подобного заключения следующие. Во-первых, герои романа «Синяя кровь», повести «Яд и мед» следуют духовно-нравственной позиции аристократа, отделяющего бытие от быта, театр от жизни, ритуал от профанной сюжетики; во-вторых, для героев-интеллигентов (это характерно для всех трех рассматриваемых текстов) их мировоззренческая позиция, образы жизни, игры и чтения являются своеобразным кастовым принципом, отделяющим от «массы»; в-третьих, аристократическому эстетизму следует и сам автор, часто заставляющий читателя удивляться оценкам житейских неурядиц, драм и катастроф, делать вывод о месте позиции «по ту сторону добра и зла» в идейно-художественной картине мира.

Вместе с тем Ю.В. Буйда – не только автор, который стабильно публикуется в так называемых «толстых журналах» в течение последних двадцати лет, но и оказывается востребованным солидными издательствами, выпускающими отдельными книгами романы и сборники рассказов. Не обладая четкой и постоянно воспроизводимой системой эффектных приемов воздействия на читателя, какие есть, например, у В.О. Пелевина или В.Г. Сорокина, не следуя определенной мировоззренческой позиции, как А.А. Проханов, Ю.В. Буйда создал свой узнаваемый художественный мир, который заслуживает специального изучения.

Список литературы

1. Буйда Ю.В. Вор, шпион и убийца. М.: Эксмо, 2013. 380 с.

2. Буйда Ю.В. Синяя кровь: роман. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/3/bu2.html> (дата обращения 21.08.2015).
3. Буйда Ю.В. Яд и мед: повесть. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/4/b4.html> (дата обращения: 25.08.2015).
4. Гликман К.М. Юрий Буйда. Синяя кровь. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/29955/> (дата обращения: 1.08.2015).
5. Горшкова Е. Не такое уж темное царство // Октябрь, 2011, № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2011/11/go15.html> (дата обращения: 23.08.1015).
6. Мельников Е. Юрий Буйда, «Вор, шпион и убийца». Эксмо, 2013. 320 с. URL: <http://newslab.ru/article/535337> (дата обращения: 17.08.2015).
7. Савельев И. Буйда: 2:0. // Вопросы литературы, 2012, № 4. <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/4/s9.html> (дата обращения: 23.08.2015).
8. Секретов С. Предисловие к писателю: Юрий Буйда. Вор, шпион и убийца. М.: Эксмо, 2013. // <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=7355> (дата обращения: 23.08.2015).
9. Сохарева Т. Автор выпил меду. URL: http://www.gazeta.ru/culture/2014/02/05/a_5883597.shtml (дата обращения: 23.08.2015).
10. Юрий Буйда: Наша речь, как расплавленная магма // <http://www.vrn.ru/news/2015/02/05/yurij-bujda-nasha-rech-kak-raspplavlennaya-magma-277888.html> (дата обращения: 23.08.2015).

References

1. Bujda Yu.V. *Vor, shpion i ubijca* [Thief, spy and murderer]: novel]. Moscow, Eksmo, 2013. 380 p.
2. Bujda Yu.V. *Sinyaya krov'* [Blue blood]: novel]. <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/3/bu2.html>
3. Bujda Yu.V. *Yad i mjod* [Poison and honey]: novel]. <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/4/b4.html>

4. Glikman K.M. *Yuriy Bujda. Sinyaya krov'* [Yuriy Buida. Blue blood] <http://os.colta.ru/literature/events/details/29955/>
5. Gorshkova E. *Ne takoe uzh tjomnoe carstvo* [Not such a dark realm] / Октябрь, 2011, № 11. <http://magazines.russ.ru/october/2011/11/go15.html>
6. Mel'nikov E. *Yuriy Bujda, Vor, shpion i ubijca* [Yu. Buida: Thief, spy and murderer]. Pub. Eksmo, 2013. 320 p. <http://newslab.ru/article/535337>
7. Savel'eva I. Buida 2:0 [Buida 2:0]. *Voprosy literatury*, 2012, № 4; <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/4/s9.html>
8. Sekretov S. Predislovie k pisatelu: Yuriy Bujda. Vor, shpion i ubijca. Moscow: Eksmo, 2013 // <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=7355>
9. Saharova T. *Avtor vypil mjodu* [The author drank the honey]. http://www.gazeta.ru/culture/2014/02/05/a_5883597.shtml
10. Yuriy Bujda. *Nasha rech' kak rasplavlennaya magma* [Our words are like melted magma]. <http://www.vm.ru/news/2015/02/05/yurij-bujda-nasha-rech-kak-rasplavlennaya-magma-277888.html>

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Безрукавая Марина Васильевна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент
Кубанский социально-экономический институт
ул. Камвольная, 3, г. Краснодар, 350018, Россия
bmarvasik@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bezrukavaya Marina Vasilievna, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages, Ph.D in Philology, Associate Professor
Kuban socio economic institute
3, Komvolnaya street, Krasnodar, 350018, Russia
bmarvasik@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-86-106

УДК 801.82

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ РЕКЛАМНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ ГАЗЕТЫ «СИБИРСКИЙ ЛИСТОК»

Выхрыстюк М.С., Федотова Д.Ю.

Предметом настоящего анализа стали рекламные тексты, извлеченные из номеров газеты «Сибирский листок» конца XIX – начала XX в., хранящихся в фондах ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске».

Цель исследования – описать жанровые и тематические особенности рекламных объявлений на основе одной из центральных газет Тобольской губернии конца XIX – начала XX в. «Сибирский листок».

Новым в исследовании считаем описание формирования стабильных жанрообразующих признаков русской рекламы с учетом регионального характера, значимым при этом является влияние культурного фактора жителей г. Тобольска названного периода на структуру газетного рекламного текста.

Методологической основой исследования послужили принципы научно-исследовательского подхода к тексту – системности и историзма, – согласно которым, рекламный текст рассматривается как источник многообразной разноуровневой информации с позиций единства содержания и формы. В работе интегрированы лингвоисточниковедческие и функционально-стилистические подходы, составляющие в совокупности лингвотекстологический анализ материала. В связи с этими направлениями в работе использованы следующие методы: целенаправленной выборки, описательный, сопоставительный.

Изучив состав информационных объявлений газеты как совокупность необходимых составляющих его элементов, отметим, что каждый из этих реквизитов имеет свое ключевое значение в определении жанровой особенности текста объявления (указание на дату, время, место события, адресата, адресанта, описание характера действия), поэтому считаем в статье рассмотрена каждая из этих составляющих рекламного объявления в отдельности.

В результате лингвистического анализа рекламных текстов центральной сибирской газеты выявлена специфика русской рекламы рубежа веков, ее структура и основные жанрообразующие признаки, тем самым определено место тобольской рекламы в формировании русского литературного языка за Уралом.

Область применения результатов исследования определяется возможностью использования их в дальнейшем изучении истории отечественной журналистики, при чтении спецкурсов, связанных с проблемами лингвистического краеведения, источниковедения, исторической стилистики.

Ключевые слова: рекламные тексты; жанрообразующие признаки; региональная историческая стилистика.

GENRE CHARACTERISTICS ADVERTISING BOARD OF THE NEWSPAPER «SIBERIAN SHEET»

Vykhrystyuk M.S., Fedotova D.Y.

The subject of this analysis have become advertising texts learned from the newspaper «Siberian piece» of the late XIX – early XX century, The holdings by GBUTO «State Archives in Tobolsk».

The purpose of research is to describe the genre and thematic characteristics of advertisements on the basis of the national newspaper Tobolsk provincelate XIX – early XX century«Siberian leaf».

A new study believe the description of the formation of stable genre characteristics Russian advertising based on a regional character, while significant is the impact of cultural factors inhabitants of Tobolsk name of the period on the structure of newspaper advertising text.

The methodological basis of the research were the principles of the research approach to the text – System and historicism – according to which, the ad text seen as a source of diverse multi-level information from the standpoint of the unity of content and form. In this project were integrated the sources lingo and functional and stylistic approaches, components together linguistic textual analysis of the material. In connection with these areas in the following methods: a targeted sampling, descriptive, comparative.

The composition of the information board of the newspaper as a set of required constituent elements, we note that each of these details is of key importance in determining the genre features of the text ad (an indication of the date, time, place, event, destination, addressee, a description of the nature of the action), so consider appropriate to consider each of these components separately advertisement.

As a result of the linguistic analysis of advertising texts central Siberian newspaper revealed the specifics of Russian advertising turn of the century, its structure and main genre characteristics thus determined Tobolsk place advertising in the formation of the Russian literary language in the Urals.

Field of application the study results is determined by the ability to use them in the further study of the history of Russian journalism, reading of special courses connected with problems of linguistic study of local lore, source, historical style.

Keywords: *advertising texts; genre characteristics; regional historical style.*

Введение

Реклама – двигатель торговли. Такая ассоциация с этим понятием возникает у человека в наше время. Встречая каждый день множество рекламных текстов, мы не задумываемся об истоках и развитии русской рекламы.

Примитивные формы рекламы были еще до нашей эры. В Древнем Египте был обнаружен папирус с такой информацией: «Он прекрасно слышит обоими ушами, видит обоими глазами. Гарантирую его умеренность в пищу, честность, покорность» [10, с. 66]. XIX век стал веком появления многочисленных рекламных объявлений, первых бесплатных рекламных газет. И именно этот век является главным в развитии печатной рекламы в нашей стране.

В средствах массовой информации основной особенностью материала «является его публичность, которая выражается в том, что передаваемое содержание в процессе массовой коммуникации стало доступно всем членам общества. Тесная связь современных СМИ с разговорной речью обусловлена их ориентацией на усредненного реципиента, что находит свое широкое распространение в независимой прессе. Газета – самая массовая читаемая продукция» [2, с. 168].

Газетная реклама – это быстро развивающаяся сфера бизнеса, в которой действуют особые законы и технологии. Но и сто лет назад в рекламе использовались те же приемы, что и сейчас. Известно, что современная реклама, несмотря на изощренность способов воздействия, не всегда вызывает запланированный отклик у потребителей – отчасти ей не хватает простоты, искренности и правдивости, свойственной объявлениям, публиковавшимся в прессе во второй половине XIX в. [9, с. 34].

Актуальностью темы исследования является малоизученность проблемы формирования рекламного жанра в исторической сти-

листике. Важным является изучение рекламного жанроведения, определение стилового статуса рекламы, выявление коммуникативно-жанровой природы рекламных текстов XIX – начала XX вв. Актуальность проблемы определяется привлечением новых источников исследования для изучения жанровых признаков и способов создания рекламных объявлений на региональном материале.

Объектом исследования явились 50 номеров газеты «Сибирский листок» конца рубежа веков (1890–1910 гг.), хранящихся в фондах ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске».

Предметом анализа стали рекламные тексты, извлеченные из названного источника в количестве 120 единиц.

Новым в исследовании считаем описание формирования стабильных жанрообразующих признаков русской рекламы с учетом регионального характера. Значимым при этом является влияние культуры жителей г. Тобольска на формирование рекламного текста. Решение этих вопросов требует расширения источниковедческой базы за счет привлечения обширных, недостаточно изученных региональных материалов, в том числе региональных газетных рекламных текстов XIX – начала XX вв. Лингвистический аспект тобольских рекламных текстов исследован в науке недостаточно глубоко. До сих пор остается нерешенной проблема классификации рекламы как в исторической, так и в современной стилистике.

Степень разработанности темы. Конец XIX – начало XX века – это один из увлекательнейших периодов в становлении рекламной деятельности, который вызывает непосредственный интерес у исследователей рекламы. Реклама анализировалась всесторонне: с точки зрения жанрового своеобразия, стилистики, оформления и т.д.

Теоретической основой исследования являются труды отечественных ученых в области журналистики Ю.С. Бровкиной [1], Н.В. Денисовой [4], А.А. Мироновой [10, 11], В.А. Евстафьева [5],

О.Н. Еремеевой [6], Н.И. Клушиной [8], а также зарубежных исследователей R. Gronau [19], G. Cook [18], McQuail [20], Tanaka Keiko [21], Wilson Stan le Roy [22]. Синтез собранного материала о рекламе представлен в учебном пособии А.А. Андреевой и О.А. Петровой «История журналистики Тюменского региона (1789–1929)» [7].

Цель исследования – описать жанровые и тематические особенности рекламных объявлений на основе одной из центральных газет Тобольской губернии конца XIX в. «Сибирский листок». Путем лингвистического анализа рекламных текстов разной коммуникативной и жанровой направленности выявить специфику русской рекламы, ее структуру и основные жанрообразующие признаки, тем самым определить место тобольской рекламы в системе русского литературного языка конца XIX в.

Историография вопроса

Для того чтобы поддерживать торгово-промышленные отношения в г. Тобольске в XIX в., необходима была газета, которая могла бы информировать об открытии новых магазинов, ассортименте товаров, о новинках в других городах. Таким изданием и стала газета «Сибирский листок». Газета «Сибирский листок» – частная Сибирская газета, главной целью которой являлось освящение экономической жизни общества силами широкой общественности. Издавалась с 1890 по 1919 гг. с утвержденной программой экономического издания раз в две недели. Основателем газеты и ее первым редактором был народник Александр Сыромятников, позднее главным редактором стал учитель истории и географии Тобольской гимназии Иван Львов, а в конце века книготорговца Алексей Суханов.

Первый номер вышел 20 декабря 1890 г. Газете разрешалось публиковать только статьи на торговые и финансовые темы. А. Сыромятников хотел разнообразить содержание статьями по истории,

художественными произведениями, но не получал разрешения от властей.

В 1900 г. газету приобрела народница Мария Костюрина, которая добилась разрешения публиковать статьи на широкие общественные темы без цензуры. «Сибирский листок» стал источником информации не только об экономической, но и культурно-бытовой жизни тоболяков. Газету выписывали в городах Тобольске, Тюмени, Омске, Томске, Иркутске, Минусинске, Москве. Перспективным направлением в науке считаем гендерный подход к анализу содержания текстов статей газеты, которые были ориентированы не только на мужчин, но и на женщин, формируя соответствующие мужские и женские образы. Последний номер «Сибирского листка» вышел 28 августа 1919 г. [12].

Основными заказчиками рекламы были юридические лица: аптеки, товарищества, фирмы, предприниматели, а также частные лица, предоставляющие различные услуги.

В связи с тем, что в исследуемый период хозяйкой газеты была женщина, для этого времени характерна ориентация рекламы на женщину-хозяйку. Чаще всего предлагали продукты питания, одежда и товары для дома. Такие объявления сообщали подробности бытовой жизни жителей г. Тобольска. В «Сибирском листке» помещались рекламные тексты, содержащие информацию о наличии продуктов в магазинах города: «В магазин Сыромятникова получены сыры Лифляндский, Русский. Консервы: Суворова, Мортенеса и др. Вина... Весовое яблочное варенье» [17], «Нестле. Детская молочная мука. Сгущенное молоко Нестле» [19]. Разнообразие товара объявлений указывает на большой ассортимент товара. Газета создает представление о том, что сибиряки и поесть любят хорошо» [3, с. 153]. Выделим основные рубрики газеты: реклама и объявления, городская хроника, театральная хроника, внутренние

известия, письма в редакцию телеграммы и др. Изучение жанров русской рекламы на региональном материале позволяет воссоздать важную картину развития русского языка, его стилистическую дифференциацию в аспекте формирования российской культуры.

Описание исследования

Согласно определению, данному А.А. Мироновой, считаем объявление информативным речевым жанром, содержащим «сообщение, извещение о чем-либо, доводимое до всеобщего сведения, помещенное где-либо для широкого ознакомления, имеющее реквизиты: дата, время, место, название действия, адресант, адресат; стандартизованное неэкспрессивное представление информации в нейтральной форме» [11, с. 94].

Жанры рекламы – это тексты, характеризующиеся устойчивыми признаками в зависимости от коммуникативной цели, тематики, образа адресата и адресанта, образа времени, особенностей структуры и языкового оформления. Коммуникативная стратегия текста определяется типом языковой личности адресанта. В зависимости от авторского намерения в рекламной коммуникации газетных изданий XIX – начала XX вв. можно выделить информационные и аналитические жанры [9, с. 41].

Так, среди рекламных жанров «Сибирского листка» отметим две разновидности рекламных текстов: *информационные*, к которым отнесем объявление, аннотацию, рекламное письмо, и *аналитические*, в число которых входят рекламная статья и рецензия.

Цель *информационных жанров* – передать информацию, сообщить о новом товаре. Информационные тексты – это были тексты в основном небольшого объема, часто отражающие один факт, одно событие. При этом они могли иметь стандартное оформление без использования графических шрифтов, рамок, разнообразного располо-

жения текста. Языковые средства оценочной лексики также минимальны. Реже на страницах газеты встречались развернутые рекламные сообщения, в которых могло быть предложено несколько услуг.

Рекламное объявление в газете составлялось по шаблону. Цель его – побудить адресата к нужному, с точки зрения рекламодателя, выбору товара или поступку, направленному в конечном счете на его приобретение: «...изобретателю непрерывно действующаго сепаратора, нашедшаго себе распространение въ самыхъ глухихъ углахъ какъ культурнаго, такъ и даже некультурнаго мира. Сепараторъ “Альфа-Лаваль” своимъ распространениемъ более всего доказалъ великому изобретателю; что услуга, оказанная имъ народамъ всехъ странъ неоценима. Знаменитый сепараторъ можно приобрести по адресу для Сибири ... цена ...» [15].

Информационные объявления – наиболее удобная для чиновников форма оповещения о массовых мероприятиях: о найме на работу, о торгах, новых услугах. Первые казенные объявления содержали пространные обращения, иногда со значительными по объему объяснениями и дополнениями. Жанр объявления в XIX в. представлен лингвотекстовыми вариантами, имеющими структурно-тематические и функциональные особенности: *справка, уведомление, постановление, допрос* и др., что подтверждает синкретичность жанра. Учитывая разные подходы к анализу информационных жанров, выделим их следующие разновидности: на основании тематического показателя: *объявление-справка, сообщение, постановление, уведомление*; структурного, или векторного: отражающие направление коммуникации (вертикальное и горизонтальное) и социолингвистического (социально-имущественное положение участников коммуникации) признаков.

Изучая состав информационных объявлений, помещенных в газете «Сибирский листок» как совокупность необходимых состав-

ляющих его элементов, отметим, что каждый из этих реквизитов имеет свое ключевое значение в определении жанровой особенности текста объявления (указание на дату, время, место события, адресата, адресанта, описание характера действия), поэтому считаем целесообразным рассмотреть каждую из этих составляющих рекламного объявления в отдельности.

1. Использование **даты** в рекламных объявлениях XIX века – явление не настолько частое, насколько мы привыкли видеть в объявлениях в современных периодических изданиях. В объявлениях об открытиях ярмарок, выставок, где употребление дат очевидно, этого не происходит. Даты используются, в основном, в объявлениях о подписке на различные печатные издания: *«Открыта подписка, а на время ярмарки 1891 года на “Ирбитский ярмарочный листок” (двадцать седьмой год издания) издаваемый Ярмарочным Комитетом по примеру прежних лет и по прежней программе. <...> Срок выхода газеты с 25 января по 1 марта ежедневно, кроме дней воскресных, в которые будут выпускаться особая прибавления»* [13].

Также употребление дат прослеживается в следующих сообщениях: *«В банкирской конторе Я.П. Андреева в Тюмени по воскресеньям, с 11 часов утра 8, 15, и 22 марта н.г., назначены АУКЦИОНЫ просроченных залогов ссудной кассы, в числе которых свыше ста рублей № 17225, 38449, 38518, 44322, и 46176»* [14]; *«При клубе приказчиков г. Тобольска сдается в Аренду Буфет на 1914 г. Заявления принимаются до 1 декабря 1913 года. Совет старшин»* [15].

2. Употребление **временных границ** в объявлениях газеты «Сибирский листок» связано, по большей мере, с приемом у различных специалистов (*«Доктор М.П. Тамбовский. Внутренняя, детская и женская болезни. Прием от 9 до 10 ч. утром и от 5 до 7 ч. вечера. Б.-Пятницкая д. Бронникова, флигель во двор (рядом с почтой)»* [17]), либо с рабочими часами государственных учреждений (*«В*

Тобольскую Губернскую Ветеринарно Бактериалогическую Лабораторию в п. Дементьева, при Ветеринарном отделении, нужны для производства опытов крысы домашняя (хомяки) живыя, непораненныя. За каждую доставленную крысу будет уплачиваться по 20 коп. Принимаются в лаборатории с 11 до 3 час. ежедневно» [14]

Нередки случаи, когда время определяется различными частными лицами, очевидно, в силу особой занятости данных лиц: *«Продается ружье садового типа, под маркою «Excelsior», с принадлежностями, а также охотничья библиотека, Туляцкая ул., д. Щелыкина кв. Макарова, от 4 до 6 час.» [17]; «Даю уроки танцев и гимнастики. Прием от 4 до 5. Б. – Пятницкая, д. Мазурина, кв. Свишнякова» [13]; «Спешно продается рояль, письменный стол, тахта, буфет, гардероб, граммофон, ломберные столы, цветы (араукария, пальма и др.) и прочия домашния вещи. Видеть можно от 10 до 2-х и от 5 до 8 ч. Б.Архангельская ул., д. Мазурина, квартира Сердитых» [16].*

3. Несмотря на то что география подписки на газету довольно обширна (Тюмень, Омск, Томск, Иркутск, Екатеринбург, Минусинск, Москва), **место действия** в рекламных объявлениях определяется городом Тобольском и прилегающими к нему окрестностями. Другие населенные пункты, указанные в текстах объявлений – это города расположенных складов, мест, где еще можно приобрести товар и их первоначальное производство, собственно, городов, откуда распространяется продукция.

Главная особенность определения места в объявлениях газеты «Сибирский листок» – это их углубленная конкретизация. Часто указание места не ограничивается названием населенного пункта, улицы, дома, оно также подкрепляется более частичными деталями. Так, например: *«В Тобольске, под магистратом, где городской банк, в магазине Е.Н. Карамышевой дешево распродают разных цветов*

кашемир и гарусная материя бумазей крецких красок и модных рисунков. Получен из Москвы и Ирбитской ярмарки новый товар. Буду продавать по ценам умеренным. Продажа без запроса» [17]; «Продается двухэтажный дом с флигелем, хорошими новыми постройками и небольшим садом. Дом находится по Архангельской речке, близ Качаловаго моста, и принадлежит Иноземцу» [13]; «Химическая прачечная Т. Хацкелевич переведена с Туляцкой у. из.д. Кафель на Почтовую д. Я.А. Ершова парадный вход, между домом Уссаковской и квартирой врача Афонскаго, о чем извецаю г.г. уважаемых заказчиков. И тут же сдаются комнаты» [16].

Иногда в объявлениях идет перечисление всех мест, где идет торговля представляемой продукцией, что опять же указывает на широту географии исследуемых объявлений. Типичные примеры: «Торговля каменных изделий Е.А. Кочнева в Екатеринбургe. Имеется большой выбор уральских цветных камней, кабинетных вещей, а также имеются золотья и серебряныя вещи, разныя мозаика и разныя вещицы для подарков. Цены самыя умеренныя. На ярмарках: Нижегородской – главный дом №4; Ирбитской – Пассаж № 15; в Казани – на Булак» [14]; «Сельди сосвинские соленыя и копченыя А.М.Сибирякова. Продаются в Москве, Нижнем, Казани, Перми, Екатеринбургe, Тюмени у И.Е. Котовщикова, Тобольске у Шукста, Омск у В.А. Платунова, Томск у А.Г. Малых и во всех колониальных магазинах, в Красноярске у О.Г. Черепанова, в Иркутске у М.И. Курносова. С требованием значительных партий обращаться в Тобольск к З.И. Баженову» [16].

4. Указание **адресанта** в объявлениях – это скорее правило, чем исключение. Судя по употреблению адресантов в газете «Сибирский листок» можно точно заключить: это газета краевого масштаба. Создается впечатление, что все люди, употребленные в качестве адресантов, люди известные для этих мест, и найти их не

составит никакого труда. В объявлениях часто употребляются имена известных купцов того времени А.А. Сыромятникова, О.И. Бакакина, Е.Н. Карамышевой, Т.С. Айтмухаметова, Н.А. Елизарова, а также докторов М.П. Тамбовского, С.А. Топольницкого, А. Внучинской-Расторгуевой.

На всеобщую осведомленность направлено указание на фамилию адресанта и нередко его адрес: *«Сбежал черный понтер, грудь и концы лапы белья, кличка “Нигер”. Немедленно просим доставить в дер. Янкелевича. Захарову»* [17]; *«Ищу попутчика до Тюмени на горе, д. Машанова, Трухин»*; *«Нужна девушка к детям в отъезд на лето. Адрес. Кузнечная улица, д. № 4, кв. Самойлович»* [15].

Нередким явлением считается отсутствие адресанта в текстах объявлений. В основном, это связано с продажей тех или иных товаров от частных лиц: *«Продается зеленое сено. Можно видеть на горе, близ Музея, дом Романова»*; *«Продается или на прокат хорошее пианино о заграничной фабрики. Кузнечная ул. д. № 7»* [15]; *«Продается пролетка четырех рессорная новая в д. Воротыньских»*; *«Пианино желаю взять на прокат. Адрес: Б.-Мокрая д.Загваздиной внизу»* [17].

5. В тексте рекламных объявлений напрямую указывается **адресат**, однако, по характеру объявления можно сразу догадаться, кому адресовано то или иное объявление. В большинстве случаев, учитывая целевую аудиторию газеты, можно сразу предположить, что адресатом выступают люди среднего достатка. На это также указывает часто употребляемые фразы «цены умеренные», «цены вне конкуренции», «недорого», которые употребляются в объявлениях об открытиях ярмарок, распродаж, а также продаже товаров в тех или иных магазинах города.

Однако обратим внимание на те объявления, в которых обращение к адресату прослеживается четко: *«Вниманию глухих.*

Богатая дама, излечившаяся от глухоты и шума в ушах, благодаря искусственной барабанной перепонке, изготовленной Институтом Никольсона, препроводила в означенный Институт 25000 франков с целью доставить всем неимеющим средств глухим особам возможность приобрести сказанные барабанные перепонки даром. Обращаться с требованиями по следующему адресу: Institut, Nicholson. "Logenett". Gunnersburg, Londres, W» [15]; «Ищу попутчика до Тюмени. Выезд не позже воскресенья. Спросить в магазине Константинова» [17]; «Внимание Г.Г. Любителей Садоводства. На короткое время прибыл из Саратова Садовник. Имеются в продаже разных пород яблони и другие фруктовые деревья. Тополя, цветущия растения: розы, пионы и другие деревья и цветы. Адрес: за Абрамовским мостом, по речке направо, д. Садовникова, спросить Кильдякова»; «Нужна девушка к детям в отъезд на лето. Адрес. Кузнечная улица, д № 4, кв. Самойлович» [14].

Следует отметить, что в данных рекламных объявлениях указание адресата – необходимость. Конкретизация в данных случаях помогает читателям лучше сориентироваться среди избытка информации, а самым адресантам призвать нужных адресатов.

6. **Название действия** – необходимый реквизит объявлений. Иначе, читателю просто трудно понять, с какой целью дано объявление. Данный реквизит целиком и полностью связан с целевой установкой адресанта, иными словами, то, что хочет донести до читателя адресант, то, собственно, и является названием действия.

По исследуемым нами объявлениям можно выделить основные действия, на которые нацелены адресанты:

- во-первых, это продажа: «Продается дом с переводом долга. Там же продается ножная швейная машина Зингер. Кузнечная ул, № 27» [14];

- во-вторых, это востребованность работодателей в рабочих лицах или же поиск рабочих мест этих же самых лиц: «Нужна девушка к детям в отъезд на лето. Адрес. Кузнецкая улица, д № 4, кв. Самойлович» [16]; «Желаю получить место экономки или домовницы. Новая ул., д. № 5. Е. Филимонова» [15];
- в-третьих, это все процессы, связанные с арендой и недвижимостью: «Сдается дом с торговым помещением, недорого. М. Петропавловская, № 10» [13];
- в-четвертых, это выполнение различного вида услуг: «В мастерских дома трудолюбия принимается ремонт зимних экипажей» [17].

Заключение

Подводя итог, скажем, что употребление реквизитов широко представлено в текстах объявлений. Их использование шире, чем в современных объявлениях, и имеет специфические черты, связанные, главным образом, с частотой употребления реквизитов, их стилистическими особенностями, вызванные неэкспрессивным представлением информации.

Ученые полагают, что печатные объявления конца XIX – начала XX вв. демонстрируют динамику в становлении трафаретности содержания и синтаксической структуры текста источников. Не исключение и информационные жанры газеты «Сибирский листок».

С развитием печатной рекламы появление временной и пространственной дистанции, точные параметры места и времени становятся условием эффективности рекламного сообщения. В рекламных текстах разных жанров обязательным уже с XVIII в. было документальное указание на временную и пространственную ориентацию для адресата относительно адресанта.

Главная особенность объявлений состоит в неэкспрессивном представлении информации в нейтральной форме, в отсутствие таких стилевых принципов, присущих рекламным объявлениям, как оригинальность и выразительность, и преобладание других, таких как краткость, конкретность и точность, логичность, простота и доходчивость.

Информация в объявлениях лишена какой-либо эмоциональной окраски, ей не присуще употребление тропов и других выразительных средств. В силу этого, нужно отметить, что тексты объявлений составлены весьма лаконично, клишировано, используя по минимуму информации.

Отметим, что в объявлениях, согласно их стилистической форме, характерно употребление глаголов. Однако преимущественное использование глаголов в объявлениях нельзя назвать как призыв потребителя к действию, а в большей мере, глаголы выражают действие адресанта относительно адресата, они не носят призывного характера. Это, например, глаголы, подобия «продаю», «ищут», «поступила», «нужен», «репетирую», «получены» и т. д.

К концу XIX в. происходит жанровое расслоение рекламного дискурса. Обычное сухое объявление вырастает до *развернутого рекламного объявления*. Оно становится более информативным, дополненным информационными, эмоционально-экспрессивными и прагматическими подробностями, и уже позднее превращается в *консультацию специалиста*, нередко подписанную известным лицом. Консультация специалиста имела несколько иное направление: она подчеркивала не просто потребность в товаре или услуге, но и жизненную необходимость в них определенной категории потребителя. В случае, если акцент делается не столько на эмоциональный, сколько на рациональный компонент сознания, объявление расширялось за счет перечисления имеющихся товаров или

услуг. Так появился в печатной рекламе XIX в. жанр каталога: «Производительность по каталогу фирмы 50 ведеръ молока въ часъ; сепараторъ останавливается лишь черезъ 45 минутъ, что подтверждаетъ легкость его хода...» [15].

Таким образом, газетная реклама уже в XIX в. обозначила себя как быстро развивающаяся сфера бизнеса. Тогда, более ста лет назад, она уже создавалась по определенным языковым правилам особым законам и технологиям. Анализ рекламных текстов газеты «Сибирский листок» показал, что в создании русской рекламы прошлых столетий использовались те же приемы, что и сейчас, которые способствовали достижению главной цели – вызывать запланированный отклик у потребителей.

Список литературы

1. Бровкина Ю.Ю. Газетное объявление как речевой жанр: риторический аспект: Автреф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000. 18 с.
2. Выхрыстюк М.С. Прецедентные тексты в структуре заголовков современных газетных статей (на материале газет г. Тобольска «Содействие» и «Тобольская правда») // Газета – черновик истории: сборник статей. Северодвинск. 2014. С. 168-175.
3. Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй пол. XIX – нач. XX вв. М., 1999. 153 с.
4. Денисова Н.В. Рекламные жанры научно-образовательного дискурса: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 207 с.
5. Евстафьев В.А., Пасютина Е.Э. История российской рекламы. М.: ИМА-Пресс, 2002. 392 с.
6. Еремеева О.Н. Приемы исследования рекламной коммуникации // Человек коммуникация – текст. Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. С. 211–215.

7. История журналистики Тюменского региона: (1789–1929): учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки ВПО 030600 «Журналистика» / А.А. Андреева, О.А. Петрова. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 182.
8. Клушина Н.И. Композиция рекламного текста // Русская речь, 2000. №5. С. 85–87.
9. Лазарева Э.А. К вопросу о специфике рекламного текста // Человек – коммуникация – Текст. Вып. 3. Барнаул, 2000. С. 34–41.
10. Миронова А.А. Реклама в справочных изданиях XIX–XX начала вв.: историко-лингвистический аспект: монография. Челябинск, 2011. 216 с.
11. Миронова А.А. Жанры рекламы: к проблеме квалификации // Вестник Челябинского государственного университета, 2012. № 32 (286). С. 22–26.
12. Сибирский листок: 1890–1894 / сост. В. Белобородов. Тюмень: Мандрика, 2003. С. 5-25.
13. Сибирский листок. 1890. № 1. 19 декабря
14. Сибирский листок. 1891 № 13. 17 февраля
15. Сибирский листок. 1893 № 5. 21 января.
16. Сибирский листок. 1905. № 91. 20 ноября
17. Сибирский листок. 1906. № 37. 8 октября.
18. Cook G. The Discourse of Advertising. London, Routledge, 1996. 342 p.
19. Gronau R. Das Buch der Reklame. Leipzig, 1887. 290 p.
20. McQuail Denis. Mass Communication Theory. An Introduction. SAGE Publications, 1987. 352 p.
21. Tanaka Keiko. Advertising Language. A Pragmatic Approach to Advertisements in Britain and Japan. Rout ledge, 1994. 369 p.
22. Wilson Stan le Roy. Mass Media / Mass Culture. An Introduction. NewYork. McGraw-Hill, Inc., 1992. 460 p.

References

1. Brovkina Ju.Ju. *Gazetnoe objavlenie kak rechevoj zhanr: ritoricheskij aspekt* [Newspaper classified as a speech genre: the rhetorical aspect]. Barnaul, 2000. 18 p.
2. Vyhrystjuk M.S. *Gazeta – chernovik istorii*. 2014. Pp. 168–175.
3. Goncharov Ju.M. *Kupecheskaja sem'ja vtoroj pol. XIX – nach. XX vv.* [Merchant family of the second floor. XIX – beg. XX centuries]. M., 1999. 153 p.
4. Denisova N.V. *Reklamnye zhanry nauchno-obrazovatel'nogo diskursa* [Sponsored genres of scientific and educational discourse]. Tomsk, 2008. 207 p.
5. Evstafiev V.A., Pasjutina E.E. *Pasyutina History of the Russian advertising* [Istorija rossijskoj reklamy]. M.: IMA-Press, 2002. 392 p.
6. Eremeeva O.N. *Chelovek kommunikacija – tekst*. Issue 3. Barnaul Univ Alt. state. University Press, 2000. Pp. 211–215.
7. Andreeva A.A., Petrova O.A. *Istorija zhurnalistiki Tjumenskogo regiona: (1789–1929): uchebnoe posobie dlja studentov vuzov, obuchajushhij po napravleniju podgotovki VPO 030600 «Zhurnalistika»* [The history of journalism of the Tyumen region (1789–1929): training in Training Manual for students enrolled in the direction of preparation 030600 VPO «Journalism»]. Tyumen: Publishing house TYuM PG-2013. P. 182.
8. Klushina N.I. *Russkaja rech*, 2000. №5. P. 85–87.
9. Lazareva Je.A. *Chelovek – kommunikacija – Tekst*. Vol. 3. Barnaul, 2000. P. 34-41.
10. Mironova A.A. *Reklama v spravocnyh izdanijah XIX–XX nachala vv.: istoriko-lingvisticheskij aspekt* [Advertising in reference books XIX–XX centuries: beginning of the historical and linguistic aspect]: monograph. Chelyabinsk, 2011. P. 66.

11. Mironova A.A. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012. № 32 (286). P. 22–26.
12. *Sibirskij listok* [Siberian leaf] : 1890–1894 / sost. V. Beloborodov. Tjumen: Mandrika, 2003. pp. 5-25.
13. *Sibirskij listok* [Siberian leaf]. 1890. № 1. December 19.
14. *Siberian leaf* [Siberian leaf]. 1891 № 13. February 17.
15. *Siberian leaf* [Siberian leaf]. 1893 № 5. January 21.
16. *Siberian leaf* [Siberian leaf]. 1905. № 91. November 20.
17. *Siberian leaf* [Siberian leaf]. 1906. № 37. October 8.
18. Cook G. *The Discourse of Advertising*. London, Routledge, 1996. 342 p.
19. Gronau R. *Das Buch der Reklame*. Leipzig, 1887. 290 p.
20. McQuail Denis. *Mass Communication Theory. An Introduction*. SAGE Publications, 1987. 352 p.
22. Tanaka Keiko. *Advertising Language. A Pragmatic Approach to Advertisements in Britain and Japan*. Rout ledge, 1994. 369 p.
23. Wilson Stan le Roy. *Mass Media / Mass Culture. An Introduction*. NewYork. McGraw-Hill, Inc., 1992. 460 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Выхрыстюк Маргарита Степановна, профессор кафедры филологического образования, доктор филологических наук, профессор; старший научный сотрудник

Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И. Менделеева Тюменского государственного университета; Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН

ул. Знаменского, 58, г. Тобольск, Тюменская область, 626150, Российская Федерация; ул. Академика Осипова, 8, г. Тобольск, Тюменская область, 626152, Россия

margaritavv@mail.ru

Федотова Дарья Юрьевна, аспирант кафедры филологического образования; научный сотрудник

Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И. Менделеева Тюменского государственного университета; Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН

ул. Знаменского, 58, г. Тобольск, Тюменская область, 626150, Российская Федерация; ул. Академика Осипова, 8, г. Тобольск, Тюменская область, 626152, Россия

dashulya-23@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vykhrystyuk Margarita Stepanovna, professor of literary education, Doctor of Philology, professor; Senior Researcher

Tobolsk State Pedagogical Institute, Mendeleev Tyumen State University; Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

58, Znamensky Str., Tobolsk, Tyumen region, 626150, Russian Federation; 8, Academician Osipov Str., Tobolsk, Tyumen region, 626152, Russia

margaritavv@mail.ru

Fedotov Daria Yurevna, Student of literary education; Researcher

Tobolsk State Pedagogical Institute, Mendeleev Tyumen State University; Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

58, Znamensky Str., Tobolsk, Tyumen region, 626150, Russian Federation; 8, Academician Osipov Str., Tobolsk, Tyumen region, 626152, Russia

dashulya-23@bk.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-107-126

УДК 398

СОВРЕМЕННЫЕ СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ БАШКИР В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН XX в.

Галиева Ф.Г.

Целью статьи является анализ современного состояния свадебной обрядности башкир в контексте социальных перемен XX столетия. Актуальность исследования объясняется значительным местом, которое занимает свадьба в жизни любого человека, и тем, что именно свадебный ритуал стал маркером социально-политических и экономических перемен. Он есть продукт соединения этнических традиций и заимствованных, адаптации народных обычаев, сформировавшимся в сельской среде, к меняющимся реалиям. Работа написана на основе авторских полевых этнографических материалов последних лет с привлечением архивных источников и опубликованной литературы. Использован сравнительно-исторический анализ разновременных источников, характеризующих культуру башкир и других народов. Показан процесс реанимации в последние годы этнических традиций, утраченных в советский период. Сделан вывод о том, что свадебные обычаи эволюционировали вслед за социальными изменениями.

Ключевые слова: башкиры; свадебный обряд; свадебные обычаи; этническая идентичность; инокультурное влияние; калым; кража невесты; приданое.

MODERN WEDDING CUSTOMS OF THE BASHKIRS IN THE CONTEXT OF SOCIAL CHANGE XIX CENTURY

Galieva F.G.

The aim of the article is the analysis of the modern state of the wedding ceremonies of Bashkirs in the context of the social changes of the XX century. The relevance of the study is the significant place occupied by the wedding in the life of any person, and the fact that the wedding ritual has become a marker of socio-political and economic change. It is the result of ethnic traditions and other ethnic, cultural influences, adapting folk traditions to the new realities. The work is based on the author's field of materials in recent years with the involvement of archival sources and published literature. Used comparative-historical analysis of multi-temporal sources, describing the culture of Bashkirs and other peoples. Shows the process of resuscitation in recent years, ethnic traditions lost during the Soviet period. It is concluded that wedding customs have evolved after social change.

Keywords: *Bashkirs; wedding ceremony; wedding customs; ethnic identity; cultural influence; the dowry; the stolen bride; the dowry.*

Исследование показало, что одинаковые сценарии свадеб могут быть лишь в ныне популярных книгах в помощь тамаде. На деле каждое торжество уникально, потому что его организаторы исходят из местных традиций и современных модных тенденций, личного опыта и пожеланий участников, финансовых и сезонных условий, социального статуса и т.д. В Башкортостане, помимо этого, по-прежнему важным фактором остается этнический, что отражается даже на количестве гостей. Например, армянская свадьба в Уфе насчитывает пять и более сотен человек: традиция диктует, чтобы праздник собрал всех

родственников; удаление от родины обостряет этническую идентичность, которая выражается в разнообразии исполняемых национальных песен и танцев под сопровождение музыкальных инструментов. Указанное явление объясняется тем, что «в кавказской культуре индивидуум реализуется через этничность (в отличие, например, от индивидуума в европейско-американской культуре) <...>. Духовное (душевное) состояние «кавказца» коррелируется с этнической идентичностью» [1, с. 310]. В многоуровневой системе идентичности многих башкир основную ступень также составляет этническая идентичность, сформировавшаяся в сельской среде и ныне поддерживаемая сильными семейно-родовыми отношениями, независимо от социального положения, профессии, проживания на селе или в городе. Это помогает не только сохранять этнические традиции, но и в последние десятилетия их возрождать в обновленных вариантах. Задача организаторов башкирской свадьбы – также собрать всех родственников (а также близких друзей). Размах башкирской свадьбы обычно зависит не только и не столько от количества родственников, сколько от толщины кошелька и социального статуса родителей брачующихся. Нередко также и от того, насколько пышно проводились обряды их близких, чтобы если не превзойти их, то хотя бы быть наравне. Впрочем, «быть не хуже других» – обычай не только башкир, но и, например, русских. Проявляется он в разных областях этнической культуры. В 1860 году А.А. Пекер, один из создателей Уфимского губернского музея, характеризует русские селения Уфимской губернии: «появилась ли в селе изба с навесом на воротах – через несколько времени на всех воротах вы найдете навесы. Раскрасит ли крестьянин свои ставни зеленою и желтою краскою – все ставни в селении окрасятся точно такой же краской. Приделает ли он резьбу на своей крыше, и все крыши украсятся резьбою» [17, с. 69]. Отличается характер свадьбы «мусульманской» (без распития спиртных напитков) и обычной,

внутриэтнической и межэтнической (предпочтение отдается русским традициям), единственной («на всю жизнь») и повторной (обычно скромнее). В редких случаях современники не проводят народного торжества вообще, получают свидетельство о регистрации брака в камерной обстановке (если живут вдали от родственников, в силу солидного возраста, финансовых обстоятельств и пр.). Возраст впервые брачующихся достиг 30 лет и старше. Многие стараются вначале «пожить для себя», получить образование, лишь затем создать семью. По традиции, «настоящей» считается только та свадьба, которая сопровождается народными гуляниями. В отличие от сельской местности, в городах нередко гражданские браки, частью населения они считаются целесообразными для создания крепкой семьи.

Целью статьи является анализ современных башкирских свадебных обычаев. Актуальность исследования объясняется значительным местом, которое занимает свадьба в жизни любого человека, и тем, что именно свадебный ритуал стал маркером социально-политических и экономических перемен. Он есть продукт адаптации народных обычаев, сформировавшимся в сельской среде, к меняющимся реалиям, соединения этнических традиций и иноэтнических, инокультурных влияний. Эволюцию свадебных обрядов обусловили также активная урбанизация башкирского населения в XX столетии и усиление взаимовлияния города и села. По переписи 1897 г., в Уфимской губернии зафиксировано лишь 0,8% горожан-башкир. Существенный рост произошел к 1979 г. – 28,2% и особенно к 1989 г. – 42,3%. По переписи 2010 г., удельный вес городского башкирского населения немного снизился, но остался значительным – 40,7%. Общее число башкир в рамках Республики Башкортостан – 1172287 чел., что составляет 74,0% всего башкирского населения в мире [15]. Основными источниками для написания работы стали полевые материалы автора последних лет, собранные в городах и селах Башкор-

тостана, которые сопоставляются с архивными и опубликованными. К числу последних относится научная, художественная, фольклорная литература и пресса прошлых столетий. Объектом исследования являются сельские и городские башкиры, а предметом – обряд впер-вые вступающих в брак, ориентированных на «настоящую свадьбу». В таких парах нередко невесты и их матери являются инициаторами того, чтобы были соблюдены все обычаи, неожиданно для окружающих становясь суеверными.

Исследование показало, что в начале XXI в. башкиры перестали соблюдать принципы заключения брака, которые в традиционном обществе были незыблемыми, в частности, экзогамии (запрет брака внутри рода или волости) [19, с. 218]. С последней четверти XX в. встречаются союзы с двоюродными сестрами и братьями, несмотря на резкое осуждение старшим поколением и рождение нездоровых детей. (Таковые нередко отправляются в специализированные клиники Москвы.) Строгой эндогамии (брак башкир с башкирами) в обозримом прошлом все же не было. С.И. Руденко приводит факты, когда башкиры во время набегов на казахов уводили к себе их жен, часто роднились с татарами, вплоть до выхода царского указа от 11 февраля 1736 года, изданного из опасения «влияния татар на башкир» [19, с. 219]. С 1930-х годов (образование колхозов, сселение из малочисленных в более крупные полиэтнические селения, политика создания общности «советский народ») неуклонно росло число союзов вначале с тюркскими, позднее – с восточнославянскими и другими народами, особенно в городах. В последние десятилетия нередко браки с представителями иностранных государств (Турция, Египет, Италия и пр.). Утрачены обычаи порядка женитьбы или замужества братьев и сестер по старшинству.

Если раньше знакомились на Сабантуях или других общественных праздниках, куда съезжалась молодежь из нескольких соседних

деревень, специально разъезжая в поисках невесты, на рубеже XIX – XX вв. также на посиделках, ярмарках и базарах, то сейчас – часто через Интернет. В прошлом бывало, что решение о браке детей принимали родители. Такую информацию дают научная [2: 5; 6; 20], художественная литература [13; 14] и башкирский фольклор [4]. В частности, Ш. Сюнчелей [20, л. 8-9] пишет, что девушек отдавали замуж в возрасте 10–13 лет из боязни захвата их в плен враждующими соседями (киргизы, казахи, ногайцы и др.). Если такой опасности не было, решение родителей исходило из экономического интереса получить калым. За солидное вознаграждение или «в целях сближения с влиятельными семьями и среды чиновничества или духовенства» могли свою малолетнюю дочь отдать замуж за 50–60-летнего мужчину. В таком случае девушка нередко становилась второй, третьей или даже четвертой женой, что разрешено шариатом. (За возвращение обычая многоженства сегодня, в условиях демографического кризиса, ратует часть не только мужчин, но и башкирских женщин. При этом забывается, что многоженец должен обеспечивать всех жен и детей.) Случай, когда молодые ни разу не видели друг друга до бракосочетания, в 1892 г. описан Б.М. Юлуевым [24, с. 222].

Экономической и социальной целесообразностью определялись обычаи левирата и сорората в традиционном башкирском обществе (брак с вдовой брата или сестрой умершей жены), чтобы после смерти одного из супругов дети и имущество оставались в семье. Обычное для кочевников «колыбельное сватовство» заключалось в том, что две семьи заранее договаривались о том, что в случае рождения у них мальчика и девочки, после достижения определенного возраста должны будут вступить в брак. Такой сговор был выгоден, как для отдельных семей, так и для башкирских родов в целом, так как, во-первых, обеспечивал постепенную уплату калыма, нередко достигавшего очень больших размеров, во-

вторых, на длительное время гарантировал мир и взаимопомощь двух башкирских общин.

Распространение обычая умыкания (кражи) невесты (*кыз урлау*) в традиционном обществе С.И. Руденко [19, с. 219] объясняет условием экзогамии, которое утрачивалось по мере роста численности населения родов. Нам представляется, что масштабы краж уменьшались и по мере оседлости бывших кочевников и вхождения в единое правовое поле России после присоединения к ней Башкирии (2 пол. XVI в.). При этом, по материалам Оренбургского духовного магометанского закона собрания (1797–1917 гг.), даже в случае умыкания девушка отстаивала право решать свою судьбу. Например, в «Деле о похищении дочери башкира М. Нугуманова из д. Габдулнасыровой Орского уезда Оренбургской губернии башкиром Хакимовым Х.», датированным 1889 г., описан случай, когда девушку удерживали восемь месяцев, а после освобождения она заявила: «В настоящее время я имею в роду 17 лет, и если желаю, я кому хочу пойду замужество» [16, д. 12205].

Умыкание у башкир продолжало практиковаться даже в первые десятилетия советские годы, несмотря на «Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР о дополнениях Уголовного Кодекса для Автономных республик» от 27 ноября 1924 г. Согласно этому документу вводилось уголовное наказание за похищение невесты (лишение свободы сроком до пяти лет), а также уплату калыма (до одного года), двоеженство и многоженство (до одного года и принудительные работы) [25, с. 157]. Особенно часто к умыканию башкиры обращались в тяжелые военные и послевоенные годы, когда не было финансовых и организационных возможностей проводить традиционную свадьбу [9–11]. Если кража была совершена, обе стороны стремились быстрее бесшумно оформить брак. Сторона жениха – из-за возможного уголовного преследования, а невесты – по причине того, что в глазах общественности она оказывалась в крайне сомнитель-

ном положении, даже если после похищения вызволялась, оставаясь девственницей. Невинность – необходимое требование к невесте согласно нормам ислама. Потеря невинности, по источникам XX в. расценивалась как большой грех и становилась предметом всеобщего осуждения, о чем говорит, например, обычай дегтем мазать ворота усадьбы, где живет согрешившая девушка, и подрезать хвост и гриву лошади [14, с. 145]. Тот факт, что вплоть до конца XIX в., согласно делам Оренбургского духовного магометанского закона собрания, даже длительное удержание невесты не мешало ей выйти замуж по желанию, дает основание предположить, что нормы ислама вошли в народную среду многих башкир лишь на рубеже XIX и XX вв. В подтверждение этого вывода – воспоминания ряда информантов о своих родителях. Некоторые из них в Мечетлинском районе, например, обращались не «О, Аллах!», а «О, Тенгри!» (Верховное божество неба политеистического пантеона тюрко-монгольских народов).

Информанты приводят случаи также похищения невесты с ее согласия, когда размеры калыма были непосильны семье жениха, либо родители возражали заключению брака. (В случае кражи и убегания невесты свадьба проводилась по сокращенной программе.) Исследователь свадебного обряда татар Башкортостана Э.В. Камалеев указал, что «со временем умыкание и добровольный уход девушки стали протестной формой молодежи против норм общества и социальной среды, в которой конечное решение принадлежало родителям. Информаторы различных районов Республики Башкортостан отмечают отсутствие подобных браков у татар в послевоенный период, связанный с демократизацией социальных отношений и роли детей в семье» [10, с. 12]. В современной интерпретации кражи невесты – это игра, развлечение. Ее проводят после никаха, перед поездкой в ЗАГС, в любой момент свадебного торжества, возвращают жениху после выкупа в виде денег.

На территории Башкирии умыкание практиковалось не только у башкир и татар, но и, по материалам прессы, у чувашей, «если девушка не отвечает взаимностью или у жениха нет денег на калым» [3], а также у марийцев [23, с. 375]. У местных удмуртов («закамских») «считается неприличным и даже осуждается, если девушка входит в дом не похищенной. Свадьба у них всегда начинается с обряда умыкания невесты [22, с. 404]. В наши дни шуточная кража стала неотъемлемым ритуалом свадьбы многих народов.

Исходя из стремления современников к успешной социокультурной коммуникации [18], свадьба у разных народов является инструментом налаживания отношений между роднящимися сторонами. В советские годы стало обычным на торжество приглашать также коллег, руководителей учреждений и организаций (опыт популярной в советские годы «комсомольской свадьбы»). Семейный по происхождению праздник стал семейно-общественным. Утрата общинных связей привела также к тому, что нагрузка по проведению свадьбы легла на плечи молодых и их родителей. Для увеселения публики устраивается шоу, раньше у зауральских башкир – с конными скачками, соревнованиями борцов, певцов, музыкантов, танцоров [7, с. 4], сейчас повсеместно – с конкурсами, мыльными пузырями, фокусниками, файер-шоу, праздничным салютом, воздушными шарами и пр. При этом привлекаются достижения индустрии развлечений в стране и за рубежом [8].

Традиционная свадьба растягивалась на несколько лет, включала продолжительные циклы досвадебных, непосредственно свадебных и послесвадебных ритуалов. С середины прошлого века даже в сельской местности не практикуют обряды, связанные с *димсе* и *яусы* – сватами, которые были посредниками между сторонами брачующихся. Сейчас молодые ставят в известность родителей, после чего следует знакомство сторон, решаются оргвопросы. Встреча сопровождается обменом подарков – платков, шарфов, полотенец.

Последние считаются традиционными обрядовыми; если на селе раньше практиковали домотканное и вышитое, то с 1960-х гг. повсеместно – фабричное махровое. В некоторых случаях возобновилась традиция символически выплачивать калым, за девушку с высшим образованием – в два раза больше, чем за другую невесту. По опросам, это примерно 10 тыс. руб. Нередко будущие родственники впервые встречаются на церемонии бракосочетания в ЗАГСе, предварительно решая вопросы по телефону, их представляют за свадебным столом. По-прежнему женщины остаются знатоками свадебных традиций. Они определяют время проведения обряда никах (на возрастающей луне, чтобы гарантировать успех во всех делах). Невесты обращаются к оберегам, например, на свадебное платье крепят булавки («чтобы не сглазили»). Избегают встречи с женщинами, которые не могут забеременеть. Суеверие объясняется психологическим давлением в данной ситуации [21].

В последние десятилетия башкирские невесты вновь, как и прежде, готовят приданое (*бирнэ*), в то время, как во второй половине XX в. этого не было. Бирнэ городской невесты во многом совпадает с приданым сельским девушки за исключением наличия скота (корова, теленок). Покупается сундук ручной работы, в который складываются: комплект постельного белья, шторы, набор полотенец, посуда и кухонные принадлежности. В некоторых случаях вместо сундука используют большие картонные коробки, украшенные лентами. В приданое входят и вещи, не вошедшие в сундук (коробку): постель (матрас фабричный или самодельный из овечьей шерсти, две подушки, одеяло, покрывало), ковер и т.п. Помимо этого многие родители наделяют дочерей не вещами, а деньгами.

Хлопоты молодоженов связаны с покупкой, а раньше – пошивом свадебной одежды. В 1930-е годы на смену домотканым и вышитым пришли изделия из фабричных тканей, часто зеленого или синего

цвета, тон-в-тон платье и рубашка. С 1970-х годов у большинства сельских и городских башкир свадебная одежда ничем не отличается от таковой у других народов и представляет собой белое платье с фатой у невесты и европейский костюм у жениха. Актуализация в последние годы этничности привела к тому, что некоторые городские невесты дополняют наряд национальным нагрудным украшением, выбирают закрытое платье, как подобает мусульманке. А ее подруги, напротив, на европейский манер шьют платья из одинаковой ткани; такого же цвета – галстуки у друзей жениха. Таким образом город стал местом реанимации этнических традиций.

Бракосочетание (*никах*) – форма юридического оформления брака по шариату – все чаще совершается в мечети, а завершается праздничной трапезой и весельем в доме невесты. Судя по описаниям традиционных свадебных обрядов, такого, как сейчас, разнообразия меню в прошлом не было даже на народных гуляниях; ограничивались мясом, супом салма, кумысом и сладостями. Последовательность *никах* и народных гуляний раньше варьировалась, с 1990-х годов обряд совершался за день до официальной регистрации и народных гуляний, ныне – за несколько месяцев. Изменения коснулись участников церемонии. По традиции это был праздник старшего поколения родственников сторон, вплоть до середины прошлого века за праздничным столом молодые не присутствовали. Невеста помогала готовить и обслуживать гостей. Аксакалы контролировали, чтобы молодые не уединялись вплоть до проведения основной свадьбы. После десятилетий советской власти, когда *никах* проводили часто по настоянию пожилых родственников и достаточно скромно, этот обряд превратился почти в такой же, как и собственно народная свадьба, с приглашением и пожилых, и молодых. Отличия – присутствие только родственников, отсутствие спиртных напитков (не всегда), более скромная развлекательная программа.

Собственно свадьба (*туй*) представляет собой новое народное гуляние, которое в условиях занятости населения сократилось во времени (по 2–3 дня на стороне невесты, затем жениха) и переместилось в места общественного питания (кафе, рестораны). На башкирской свадьбе молодым преподносят мед с маслом, чтобы жизнь была сладкой и успешной (тюркская традиция) и каравай – символ счастья, достатка и изобилия (как у русских). И на сельской, и на городской свадьбе бывают ряженые, которые стремятся занять место молодых. Аналогичные обычаи – на русской свадьбе. За свадебным столом стандартное европейское меню дополняют национальные блюда – гусятина, сладкие пироги, чак-чак. Полюбился обычай торжественного выноса свадебного торта и аукциона на первый кусок. Как и на селе, привозят ящик водки с бутылками, повязанными у горлышка красными ленточками («магия соединения») и портретами молодых.

Разные народы Башкирии объединяют обычаи ездить на свадьбу на украшенных автомобилях, преграждать путь свадебному картежу, а также жениху у дверей подъезда, требуя выкуп, заставлять его пройти ряд шуточных испытаний, посещать памятные места в городе, вешать замок счастья на мост влюбленных, пускать голубей, устраивать гуляния отдельно для молодежи, украшать помещения плакатами, цветами, шарами. На разных свадьбах молодых поздравляют стихами и песнями, вручают цветы, подарки, чаще деньги в конверте. Основные пожелания, звучащие на городской башкирской свадьбе со стороны старшего поколения, связаны с крепким здоровьем и рождением детей. Сверстники желают материального благополучия и хорошие отношения в семье и с друзьями. Подобные приоритеты характерны и для сельской башкирской молодежи [18].

Башкирская городская свадьба сохранила сельскую традицию исполнять танец «Каршы бейеу» или «Кара каршы», когда мужчина и женщина, притопывая и выбивая ногами дробь, попеременно

то приближаются, то удаляются друг от друга, женщины, при этом плавно взмахивают руками и прищелкивают пальцами. Потанцевав, пара становится в общий круг, а на ее место выходит следующая. Внутри круга исполняются и сольные танцы, для звонкого отбивания дробей используются различные металлические предметы. Невеста танцует на подносе, на который бросают деньги. Жених новым венком и с совком в руках их подметает и собирает при поддержке своих друзей. (Подобный обычай – на русской свадьбе.)

Послесвадебные обряды в основном утрачены (показ невесте водного источника, торжественный занос сундука с приданым, наряжание дома ее вещами). Иногда производится обряд встречи невестки свекровью у крыльца дома или дверей квартиры с выносом подушки, на которую молодая должна встать правой ногой («чтобы жизнь была правильной»). Некоторые устроители в 2010-е годы реконструируют обряд *килен һөйәу* (*любить невестку*), символизировавший включение молодой в круг женщин ее новой семьи. Он заключается в том, что на следующий день после свадебного пира в дом к молодым приходят гости и дарят подарки молодым с благопожеланиями. В прошлом было принято собираться женщинам-родственницам, сажать невестку посередине и, похлопывая ее по плечам, отрывать от своих нагрудников и вручать ей серебряные монеты или набрасывать на голову платки.

Таким образом, современный свадебный обряд представляет собой достаточно мобильное явление, развивающееся под влиянием социально-политических и экономических перемен, впитывающее инокультурные влияния, вплетающее в сюжетную канву религиозные, этнические, межэтнические, советские традиции. В современных условиях он представляет собой красочное театрализованное действие с песнями, танцами, выступлениями профессиональных артистов, салютами, свадебным тортом, подобно свадьбе других наро-

дов. В последние десятилетия происходит реконструкция утраченных в советское время этнических обычаев. В результате в современной башкирской городской свадьбе соседствуют национальные блюда и свадебный торт, проводится гражданская регистрация и религиозный обряд никах, звучат народные мелодии и музыка народов мира, на разных языках произносятся поздравления и приветствия. По западно-европейской традиции невеста бросает незамужним букет, ка жених неженатым – подвязку невесты. Все переплелось в яркое шоу.

Список литературы

1. Абдулаева М.Ш. Формирование этнокультурной, конфессиональной идентичности // Феномен социализации в этнической культуре. СПб., 2012. С. 310–314.
2. Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом: XVIII – первая половина XIX в. Уфа: Китап, 1997. 99 с.
3. Бакалинцев. Чувашский обычай похищения невест // Уфимские губернские ведомости. 1905. № 66 (23 марта). С. 3.
4. Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор (на башк. яз.) / сост. А.М. Сулейманов. Уфа, 1995. 556 с.
5. Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
6. Бурангулов М. Башкирские свадебные обряды (на башк. яз.) // Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 215-а. 50 л.
7. Галиева Ф.Г. Народная музыкальная культура башкир. Уфа: Гилем, 2006. 89 с.
8. Галиева Ф.Г. Общее и локальное в современной семейно-обрядовой культуре башкир и русских Башкортостана // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 1(21). DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-1-18>.

9. Камалеев Э.В. Никах как обязательное условие свадебной обрядности мусульманских народов // *Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе*. Уфа, 2010. С. 255–258.
10. Камалеев Э.В. Свадебный обряд татар Башкортостана (сохранение традиций в условиях трансформации общества в конце XIX – начале XXI в.). Автореферат дис.... канд. ист. наук. СПб., 2013. 23 с.
11. Камалеев Э.В. Свадебный обряд татар Башкортостана: сохранение традиций в условиях трансформации общества в конце XIX – начале XXI в. Дис. ... канд. ист. наук / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Уфа, 2013. 229 с.
12. Масалимов Р.Н., Стовба Е.В. Социальные и психологические проблемы молодежи сельских территорий (на примере Республики Башкортостан) // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2012. № 1(09). URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2012/1/stovba.pdf> (дата обращения: 11.08.2015).
13. Мустай Карим. В ночь лунного затмения // *Собр. соч. в трех томах. Том первый: Стихотворения, поэмы, сказки, трагедии*. Пер. с башк. М.: Худ. литер., 1983. С. 283–374.
14. Мустай Карим. Долгое-долгое детство // *Собр. соч. в трех томах. Том третий: Долгое-долгое детство: Повесть. Притча о трех братьях: Статьи, воспоминания, беседы*. Пер. с башк. М.: Худ. литер., 1983. С. 7–244.
15. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года. Статистический сборник. В 2 ч. Уфа, 2013.
16. Оренбургское духовное магометанское закона собрание. 1797–1917 гг. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Фонд И-295.
17. Пекер А.А. Несколько слов о домашнем быте русских крестьян // *Оренбургские губернские ведомости*. 1860. № 15 и 16 (16 апр.). С. 69.

18. Попова Г.С. Этнокультурная идентификация в условиях современного социума // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2013 № 2 (22). DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-2-30>.
19. Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 374 с.
20. Сюнчелей Ш. Этнографические материалы о башкирах. 1947 г. НА УНЦ РАН. Ф.3. Оп. 12. Д. 200. 103 л.
21. Ульяновченко А.Л. Изучение проблематики суеверий у студенчества и молодежи в работах русских и зарубежных исследователей в XX–XXI вв. // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2013 № 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-1-7>.
22. Христолюбова Л., Миннихметова Т. Удмурты // *Народы Башкортостана*. Уфа, 2002. С. 385–412.
23. Шитова С.Н. Марийцы // *Народы Башкортостана*. Уфа, 2002. С. 347–384.
24. Юлуев Б.М. Свадебные обряды в Орском уезде Оренбургской губернии // *Этнографическое обозрение*. М.: Издание Этнографического отдела императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1892. № 2–3. С. 216–222.
25. Юнусова А.Б. Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России: Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления XX–XXI вв. / Авт.-сост. А.Б. Юнусова; археограф Ю.М. Абсалямов. Уфа: ГУП РБ УПК, 2009. 384 с.

References

1. Abdullaev M.S. *Formirovanie etnokul'turnoi, konfessional'noi identichnosti* [Formation of ethno-cultural, confessional identity]. *Fenomen*

- sotsializatsii v etnicheskoj kul'ture* [Phenomenon of socialization in the ethnic culture]. St. Petersburg, 2012. Pp. 310-314.
2. Asfandiyarov A.Z. *Bashkirskaja sem'ia v proshlom: XVIII – pervaja polovina XIX v.* [Bashkir family in the past: XVIII – first half XIX century]. Ufa: Kitap, 1997. 99 p.
 3. Baselines. *Chuvashskii obyčaj pokhishčeniia nevest* [Chuvash the custom of bride abduction]. *Ufimskie gubernskie vedomosti* [Ufa provincial Gazette]. 1905. No. 66 (March 23). P. 3.
 4. *Bashkirskoe narodnoe tvorčestvo. Obriadovi fol'klor* [Bashkir folk art. Ritual folklore] / comp. A.M. Suleymanov. Ufa, 1995. 556 p.
 5. Bikbulatov N.V., Fatykhova F.F. *Semeinyi byt bashkir. XIX–XX vv.* [Family life of the Bashkirs. XIX–XX centuries]. Moscow: Nauka, 1991. 189 p.
 6. Burangulov M. *Bashkirskie svadebnye obriady* [Bashkir wedding rituals (basch. lang.)]. The scientific archive of Ufa scientific center of Russian Academy of Sciences. F. 3. Op. 12. D. 215-a. 50 L.
 7. Galieva F.G. *Narodnaja muzykal'naja kul'tura bashkir* [Folk musical culture of the Bashkirs]. Ufa: Gilem, 2006. 89 p.
 8. Galieva F.G. *Obshhee i lokal'noe v sovremennoj semejno-obriadovoj kul'ture bashkir i russkih Bashkortostana* [General and local in a modern household ritual culture of the Bashkirs and Russian Bashkortostan]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern research of social problems]. 2013, no. 1 (21). DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-1-18>.
 9. Kamaleev Je.V. *Nikah kak objazatel'noe uslovie svadebnoj obrjadnosti musul'manskih narodov* [Nikah as a prerequisite the wedding rituals Muslim Nations]. *Islamskaja civilizacija v Volgo-Ural'skom regione* [Islamic civilization in the Volga-Ural region]. Ufa, 2010. Pp. 255–258.
 10. Kamaleev Je.V. *Svadebnyj obrjad tatar Bashkortostana: sohranenie tradicij v uslovijah transformacii obshhestva v konce XIX – nachale*

- XXI v.* [Wedding ceremony Tatars of Bashkortostan: the preservation of traditions in the conditions of transformation of society in the late XIX – early XXI century] / Muzej antropologii i jetnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. Ufa, 2013. 229 p.
11. Kamaliev Je.V. *Svadebnyj obrjad tatar Bashkortostana: sohranenie tradicij v uslovijah transformacii obshhestva v konce XIX – nachale XXI v.* [Wedding ceremony Tatars of Bashkortostan: the preservation of traditions in the conditions of transformation of society in the late XIX – early XXI century]. The author's abstract dis.... candidate. East. Sciences. St. Petersburg, 2013. 23 p.
 12. Masalimov R.N., Stovba E.V. *Social'nye i psihologicheskie problemy molodezhi sel'skih territorij (na primere Respubliki Bashkortostan)* [Social and psychological problems of youth in rural areas (on the example of the Republic of Bashkortostan)]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern research of social problems]. 2012, no. 1 (09). <http://sisp.nkras.ru/issues/2012/1/stovba.pdf>
 13. Mustai Karim. *V noch' lunnogo zatmeniiia* [On the night of the lunar Eclipse] // *Sobranie sochinenii v trekh tomakh* [Works in three volumes]. Volume one: Poems, verses, tales, tragedy. Moscow: Fiction, 1983. Pp. 283–374.
 14. Mustai Karim. *Dolgoe-dolgoe detstvo* [Long, long childhood] // *Sobranie sochinenii v trekh tomakh* [Works in three volumes]. Volume three: Long-the long childhood: a Novel. The parable of the three brothers: Articles, memoirs, conversations. Moscow: Fiction, 1983. Pp. 7-244.
 15. *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo naselenija Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. Statisticheskij sbornik* [Ethnic composition and language skills, citizenship of the population of the Republic of Bashkortostan according to the national population census 2010. Statistical compendium]. In two parts. Ufa, 2013.

16. *Orenburgskoe dukhovnoe magometanskoe zakona sobranie. 1797–1917 gg.* [The Orenburg Mohammedan spiritual Assembly. 1797–1917]. Central historical archives of Republic of Bashkortostan. The Fund 295.
17. Pecker A.A. *Neskol'ko slov o domashnem byte russkikh krest'ian* [Few words about the home life of the Russian peasants]. *Orenburgskie gubernskie vedomosti* [Orenburg province news]. 1860. No. 15 and 16 (16 Apr.). P. 69.
18. Popova G.S. *Jetnokul'turnaja identifikacija v uslovijah sovremenno-go sociuma* [Ethno-cultural identification in the conditions of modern society]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern research of social problems]. 2013, no. 2 (22). DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-2-30>.
19. Rudenko S.I. *Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Bashkirs: the Historical and ethnographic essays]. Ufa: Kitap, 2006. 374 p.
20. Suncheley Sh. *Etnograficheskie materialy o bashkirakh. 1947 g.* [Ethnographic materials about the Bashkirs]. 1947 / Ufa Research Center of RAS. F. 3. Op. 12. D. 200. 103 L.
21. Ul'janchenko A.L. *Izuchenie problematiki sueverij u studenchestva i molo-dezhi v rabotah russkikh i zarubezhnyh issledovatelej v XX – XXI vv.* [Researching superstitions among students and youth in the works of Russian and foreign researchers in the XX – XXI centuries]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern research of social problems]. 2013. No. 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-1-7>.
22. Hristolubova L., Miniahmetova T. *Udmurty* [Udmurts] // *Narody Bashkortostana* [The Peoples of Bashkortostan]. Ufa, 2002. Pp. 385–412.
23. Shitova S.N. Mariitsy [Mari]. *Narody Bashkortostana* [The Peoples of Bashkortostan]. Ufa, 2002. Pp. 384–347.
24. Yuluev B.M. *Svadebnye obriady v Orskom uezde Orenburgskoi gubernii* [Wedding ceremonies in Orsk district of the Orenburg province].

- Etnograficheskoe obozrenie* [The Ethnographic review]. Moscow: Publication of the Ethnographic Department of the Imperial society of naturalists, anthropology and Ethnography. 1892. No. 2–3. Pp. 216–222.
25. Yunusova A.B. *Islam i musul'mane Iuzhnogo Urala v istoriko-pravovom prostranstve Rossii: Sbornik zakonodatel'nykh aktov, postanovlenii i rasporyazhenii tsentral'nykh i regional'nykh organov vlasti i upravleniia XX–XXI vv.* [Islam and the Muslims of the Southern Urals in the historical and legal space of Russia: Collection of legal acts, decisions and orders of Central and regional authorities and management of XX–XXI centuries] / author-composer A.B. Yunusova; historian J.M. Absalyamov. Ufa, 2009. 384 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Галиева Фарида Габдулхаевна, заведующая отделом этнографии, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент
*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук
ул. К. Маркса, 6, Уфа, Республика Башкортостан, 450077,
Россия
afg18@mail.ru
SPIN-код: 1912-4605.*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Galieva Farida Gabdulchaevna, the head of the Department of Ethnography, Ph.D. in Historical Sciences, D. in Philology Sciences
*Institute of ethnological researches, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences
6, K. Marksa street, Ufa, 450077, Bashkortostan, Russia
afg18@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-127-142

УДК 811.11-112

АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ ПАР С РАЗВИТОЙ ПОЛИСЕМИЕЙ

Доценко Д.В.

Цель: В статье описывается динамика изменений научной лингвистической мысли относительно того, что именно следует считать центром, обеспечивающим смысловое единство слова. Вопрос о природе семантического центра слова особенно актуален при анализе лексем с развитой полисемией. Целью настоящего исследования является практическое применение гипотезы о наличии так называемого лексического прототипа и методов, используемых прототипической семантикой для выявления искомой абстрактной схемы-образа, с целью выяснения того, в состоянии ли такая единица смысла объединить все лексико-семантические варианты конкретного многозначного слова.

Методология: Методы исследования в рамках данной научной работы предопределены характером объекта и поставленными задачами. Они включают дефиниционный и компонентный анализы, метод сплошной выборки, метод сопоставления и контекстуального анализа, в совокупности направленные на установление четкой иерархии лексико-семантической структуры значений лексем *house* и *home*.

Результаты: Многозначные лексемы *house* и *home* характеризуются тем, что, выступая центральными единицами лексико-семантического поля «жилище» современного английского языка,

являются синонимами, при изучении которых возможно возникновение непонимания относительно специфики смыслового наполнения каждого из указанных слов. Анализ структур лексико-семантических вариантов данных многозначных лексем позволяет установить лексические прототипы, лежащие в их основе, что, в свою очередь, способствует адекватному выбору контекстов употребления того или иного слова.

Область применения результатов: результаты исследования могут быть использованы в ходе лекционных и семинарских занятий по языкознанию, теории и практике межкультурной коммуникации, лексикологии.

Ключевые слова: лексический прототип; лексико-семантический вариант; многозначное слово; сема; номинативно-непроизводное значение.

CONTENTS ANALYSIS OF LINGUISTIC PAIRS WITH HIGHLY DEVELOPED POLYSEMY

Dotsenko D.V.

Purpose. The article covers the change of the linguistic concepts and ideas concerning what should be considered as the centre that provides for the meaning integrity of a particular lexical unit. The issue of searching for the semantic word centre is especially pressing when we take into consideration lexical units which are characterized by highly developed polysemy. The purpose of the study is to test both the lexical prototype hypothesis and methods applied by prototypical semantics in order to distinguish the required abstract scheme/image to establish whether such unit is capable of uniting lexical-semantic variants of a particular polysemantic word.

Methodology. The research methods applied are predetermined by both the nature of the object and tasks set by the study. The methods that include definition and component analyses, continuous sampling method as well as the method of matching and contextual analysis are used to establish the hierarchy of lexical-semantic structures of 'house' and 'home' lexical units.

Results. 'House' and 'home', being polysemantic lexical units, are characterized by the fact that, while being central elements of the 'dwelling' lexical-semantic field, they are considered as synonyms that might cause certain problems for those, who are not native speakers, should they try and establish the specific semantic features of each of the above-mentioned units. Once the lexical-semantic structures of these words have been analyzed, then it is possible to distinguish lexical prototypes that are the basis of such structures. Such prototypes make it easier to for a speaker to be more accurate while choosing a particular word depending on the context.

Application domain. The results of the study may be used as a part of lectures and seminars on general linguistics, intercultural communication, lexicology.

Keywords: lexical prototype; lexical-semantic variant; polysemantic word; seme; underived meaning.

Введение

В настоящее время проблема определения содержательного ядра слова и установление его места и функции в системе языка и речи исследуются многими лингвистами [5, 9, 20]. Необходимо, однако, признать тот факт, что понятие семантического стержня или центра до сих пор не было разработано в достаточной степени и оставалось, по сути дела, интуитивным, вследствие чего термины «семантический стержень, семантический центр, се-

мантическое ядро» стали использоваться по-разному. Введение в последнее время понятия «концепт», которое должно было стать ответом на запрос о необходимости объяснения того, каким образом конкретная лексема «схватывает» как объективные признаки обозначаемого явления или объекта, так и субъективные ассоциативные признаки, только осложнило ситуацию [8]. Хотя существует определенное понимание того, каким образом формируется и чем определяется структура лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слова, на данный момент отсутствует описание того, как в действительности функционирует в речи данный семантический центр.

Действительно, при рассмотрении проблемы разрешения многозначности в речи и определения семантической структуры слова возникает следующий вопрос: что «держит в голове» носитель языка при непосредственном общении? Исследователями полисемии предпринимались попытки составить список всех ЛСВ того или иного слова [14]. К примеру, имеется наиболее подробное описание денотативных значений слов с целью установления их различий, представленное в работах А. Вежбицка. Максимально полные описания каждого из таких лексем, как *cup*, *mug*, *glass* и т.п. занимают по 2–3 страницы, достигая, по словам автора, «гигантских размеров» [21]. Эти гигантские дефиниции составлялись в ходе поиска реальных единиц хранения информации о словах в памяти, но они едва ли подходят на эту роль [12]. Учитывая такое свойство языка как экономия, можно предположить, что единицы на уровне языка хранятся в сознании в ином, более компактном виде. Кроме того, при всей явной избыточности таких дефиниций «убедительным контрдоводом может послужить любое указание на какой-нибудь упущенный признак. С другой стороны, знакомство с ними, по разительному контрасту,

еще раз подсказывает, что реальное содержательное ядро следует искать в противоположном направлении» [1]. Логично предположить, что системная информация о единицах языка хранится у человека в компактной, свернутой форме, а не в виде развернутых словарных дефиниций [15].

В лингвистике существует традиционное представление о том, что носитель языка в качестве такой «компактной формы» оперирует тем ЛСВ слова, которое дается в словарях в качестве его первого значения. Данная позиция находит подтверждение еще в работах В.В. Виноградова, который писал о том, что номинативное значение слова – «опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений» [3]. Соответственно, по отношению к основному номинативному все другие значения объявляются производными. Такую производность вторичных номинативных значений не следует смешивать с метафоричностью или образностью [11]. В той мере, в какой эти значения не отрываются от основного, они понимаются соотносительно с ним и могут быть результатом сужения основного номинативного значения [6].

Согласно другой точке зрения, носитель языка при объяснении конкретного слова приводит его первое значение исключительно по причине того, что оно является наиболее частотным из всех ЛСВ, имеющих у данной лексемы. Исследователи, в частности И.К. Архипов, полагают, что на глубинном уровне мышления, связанного с речью, у носителя формируется определенная абстрактная идея, которая находит выражение в конкретной лексеме и объединяет все ЛСВ данного слова. Такая абстрактная идея может быть определена как лексический прототип.

В определение лексического прототипа (ЛП) входят следующие характеристики:

1. ЛП – это минимальный пучок интегральных и дифференциальных признаков, который необходим для отождествления предмета мысли;
2. признаки, находящиеся в составе ЛП, примитивны и, соответственно, не выводимы один из другого;
3. ЛП представляет собой содержательное ядро слова и поэтому выводится с учетом всех значений;
4. содержание ЛП определяется на уровне обыденного сознания [2].

Материалом для настоящего исследования послужили статьи соответствующих лексем, содержащиеся в словарях современного английского языка (CED, DCEOL, DELC, HIDEAL, MDEL).

Описание исследования

Настоящее исследование многозначных существительных английского языка *house* и *home*, являющихся центральными единицами лексико-семантического поля «жилище», с позиций прототипической семантики предпринято с целью получения конкретных примеров существования искомого лексического прототипа и анализа того, каким образом ЛСВ той или иной лексемы выступают его фактической реализацией в речи. Выбор конкретных лексем для исследования продиктован, в том числе, и методическими целями, так как предполагается использовать результаты настоящего исследования в ходе аудиторной работы со студентами и учащимися для объяснения сходства и различий семантического наполнения вышеуказанных синонимов.

Для исследования в качестве источников дефиниций языковых единиц было привлечено 5 толковых словарей английского языка. Целью первичного этапа исследования было формирование полного списка фиксируемых словарями ЛСВ лексем *house*

и home и формулирование их обобщенных номинативно-непроизводных значений путем отбора наиболее частотных компонентов дефиниций, указанных в словарях и выделение сем, составляющих данные значения. В результате анализа были определены следующие первые значения вышеуказанных существительных:

house – a building for a person/family to live in;

home – a place for a person to live in.

Следующим этапом исследования стало выяснение, все ли ЛСВ указанных многозначных слов мотивированы обобщенным первым значением. Методом сопоставления статей из различных толковых словарей английского языка был составлен список всех зафиксированных значений слова house (помимо первого):

2) a building used for shelter or storage;

3) a building having a specified function or making available a specified thing;

4) a dwelling for religious community or students;

5) a household;

6) a family line;

7) a commercial firm;

8) the management of a business establishment;

9) a theatre; a theatre audience;

10) hotel or bar; brothel;

11) a legislative/deliberative assembly; the hall where such an assembly meets;

12) (astrol.) one of the 12 parts into which the heavens are divided.

Значения (2) и (3) не могут считаться производными от первого значения, поскольку в них отсутствует сема «жилище человека», но выделяется сема «здание, выполняющее специфическую функцию» (к примеру, место хранения товаров (warehouse) или

место, где проводится обучение (а). В значении (4) присутствует сема «жилище человека», при этом происходит переосмысление семьи в группу единомышленников. Значение (5) несомненно является переносным, производным от значения (1), обозначая не сам дом, но организацию и быт семьи, живущей под одной крышей (run the house). Значение (6) также следует отнести к переносным, так как под в данном случае подразумевается семья как совокупность предков и ныне живущих ее членов, династия. Значения (7) и (9а) (a theatre) представляют собой ЛСВ, которые нельзя считать производными от значения (1), поскольку в них отсутствует сема «жилище человека». Данные ЛСВ указывают на место, где человек работает или отдыхает. В свою очередь, от вышеуказанных значений «отстраиваются» (по механизму метонимического переноса) значения (8) и (9b) (a theatre audience). Значение (10), сохраняя сему «место проживания» (a hotel), обозначает house как место отдыха и развлечений (a bar, pub, brothel). Значение (11) вновь не определяет house как место проживания, но обозначает место, где заседают представители законодательного или совещательного органов власти, а также и само собрание. В значении (12) присутствует сема «жилище человека», но в переосмысленном виде как участок неба, на котором расположены («живут») те или иные планеты и звезды.

В результате исследования выяснилось, что ЛСВ слова house распадаются на две группы (помимо первого значения):

- а) значения (4, 5, 6, 12), являющиеся производными от первого в результате метонимического или метафорического переноса;
- б) значения (2, 3, 7, 8, 9, 10, 11), которые, врезрез с традиционной точкой зрения на структуру многозначного слова, по результатам семного анализа не могут считаться произво-

дными от первого значения, так как в указанных ЛСВ отсутствуют семы номинативно-непроизводного значения.

Те же источники (DELС, HIDEЛ и другие) дает следующие значения home (помимо первого):

- 2) the physical structure or portion thereof within which one lives, as a house or apartment;
- 3) one's close family and one's self; a person's most personal relationships and possessions;
- 4) an environment or haven or shelter of happiness and love;
- 5) any valued place, original habitation, or emotional attachment regarded as a refuge or place of origin;
- 6) the place where one was born or spent his early childhood, as a town, state or country;
- 7) the native habitat of a plant, animal. etc.;
- 8) the place where something is discovered, founded, developed; traditional centrum; source;
- 9) a headquarters or base of operations from which activities are coordinated;
- 10) a goal or place of safety toward which players of a game, such as baseball, backgammon, or tag, progress;
- 11) an institution where people are cared for.

В значении (2) выделяется сема, конкретизирующая место обитания. В данном случае это сема «строение, используемое для жилья». Таким образом, значение (2) является производным от значения (1). Значение (3), будучи результатом метонимического переноса значения «место обитания» на живущих под одной крышей людей, отношения между ними, а также принадлежащее этим людям имущество, является производным от значения (1). В значении (4) выделяется сема «место, где царит счастье и любовь». Соответственно, данное значение нельзя считать производным от перво-

го значения. Равно и в значении (5) присутствует сема «дорогое сердцу место», что не позволяет отнести его к группе производных от первого. Значение (6) также определяет home не просто как место обитания человека, но как место его рождения либо место, где он провел детство. Следовательно, сема значения (1) «место проживания» в данном ЛСВ отсутствует. На первый взгляд, значение (7) может показаться результатом метонимического переноса значения «место проживания человека». Но помимо семы «место проживания» в данном ЛСВ также выделяется и сема «место происхождения», что ставит под сомнение производность значения (7) от первого. Данное утверждение следует отнести и к значению (8), так как значение лексемы home в примере 'Asia is the home of rice' едва ли соотносится с номинативно-непроизводным. Значения (9) и (10) имеют и вовсе сомнительное отношение к месту обитания человека: центр управления пусками ракет или особый участок поля в игре в бейсбол едва ли годятся на эту роль. Значение (11) является производным от первого через значение (2), так как в нем сочетаются семы «место проживания», «дом как место проживания» и «дом, за обитателями которого осуществляется постоянный уход».

Система ЛСВ многозначной лексемы home, как и в случае с house, распадается на две группы:

- а) значения (2, 3, 11), образованные от первого;
- б) и группа значений, которые традиционно считаются «стертыми метафорами».

Результаты настоящего исследования семантических структур лексем house и home указывают на то, что первое (номинативно-непроизводное) значение не может находиться в вершине пирамиды семантической структуры слова, поскольку оно оказывается не в состоянии обобщить все его ЛСВ. По мнению И.К. Архипова,

семантическим инвариантом слова является не его так называемое «главное» значение, а лексический прототип, обладающий меньшим количеством признаков и, следовательно, большим уровнем обобщения [2]. Для лексемы *house* таким лексическим прототипом было определено «здание как место пребывания»; лексический прототип для *home* – «место, которое для субъекта является естественным».

Признание существования лексических прототипов в центре структуры многозначных слов приводит к следующим выводам: во-первых, все значения слова, в том числе и первое, оказываются актуализациями, «проявлениями» его лексического прототипа, который характеризуется минимальным количеством признаком и тем самым выгодно отличается от номинативно-непроизводного значения. Во-вторых, в связи с наличием переносных, метонимических значений у многозначных слов, такие значения следует определить в особую группу значений, формирующихся в результате двух шагов семантической деривации: лексический прототип – значение (1) – переносные значения от значения (1). Также нельзя исключить возникновение некоторых значений на основе первого. Это наиболее вероятный механизм семиозиса на начальной стадии развития семантической структуры слова [7]. В дальнейшем, надо полагать, семантическая структура слова развивается на основе более абстрактного ядра, объединяющего все значения слова, а также и две вышеописанные модели. Соответственно, постепенно формируется механизм сосуществования данных типов видения.

Заключение

В своей основе лексический прототип имеет образ, но это скорее намек на него из-за своей мимолетности и схематичности. Тем

не менее, он помогает в построении образа нового значения, входя в него как основа [4]. Лексический прототип является тем набором минимально необходимых признаков, который очерчивает суть содержания слова и тем самым определяет его нишу в системе языка. Он помогает быстро понять содержание слова, оперировать им и хранить в памяти. То есть, лексический прототип - это зафиксированные в сознании носителей языка представления, использование которых обеспечивает экономный и эффективный процесс познания, для которого и существует язык. Прототипический подход к изучению проблемы взаимосвязи многозначных слов является лишь одной из гипотез в области содержательного значения, позволяющих по-новому взглянуть на процесс осмысления и образования слов в языке и роль номинативно-непроизводного значения в этом процессе.

Список литературы

1. Архипов И.К. Человеческий фактор в языке. СПб.: Невский институт языка и культуры, 2003. С. 15–19.
2. Архипов И.К. Коммуникативный цейтнот и прототипическая семантика. СПб.: Изд-во РГПУ, 2004. № 4 (7). С. 75–85.
3. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М.: Наука, 1977. С. 171–172.
4. Доценко Д.В. Роль когнитивного лингвистического направления в оптимизации учебного процесса в вузе // Социогуманитарное знание в условиях трансформации общества: мат-лы конф. преподавателей на XIV Межд. Балт. форуме «Глобальные и региональные коммуникации: настоящее и будущее». СПб.: СПбГУТ, 2012. С. 96–100.
5. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5–12.

6. Новиков Д.Н. К вопросу о метафоре и омонимии. Метафора в деривационной структуре слова. Метафора и термин // Сб. трудов молодых ученых Владимирского государственного педагогического университета. Владимир: ВГПУ, 2001. С. 126–129.
7. Песина С.А. Слово в понимании философии языка и лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2011. №2 (4). С. 122–139.
8. Песина С.А. Инвариантность когнитивной лингвистике и философии языка: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2014. С. 4–5.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия). М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. 314 с.
10. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962. 287 с.
11. Чудинов А.П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе. Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2011. №2. С. 26–32.
12. Journal of English linguistics, 1989. Vol. 22.2. URL: <http://eng.sagepub.com/content/22/2/249.full.pdf+html> (дата обращения 06.09.2015).
13. Rowell R & Hawkins R. Approaches to second languages acquisition. Clevedon: Multilingual Matters, 1994. 280 p.
14. Steinberg D.D. & Sciarini N.V. An introduction to psycholinguistics. London; New York; Boston etc.: Pearson Education Limited, 2006. 306 p.
15. Tarone E. Sociolinguistic approaches to second language acquisition research // The Modern Language Journal, 2007. Vol. 91. Pp. 837–848.
16. The Cambridge Essential Dictionary (в тексте CED). URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-british-english/> (дата обращения 06.09.2015).

17. The Dictionary of Contemporary English Online by Longman (в тексте DCEOL). URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения 06.09.2015).
18. The Dictionary of English Language and Culture (в тексте DELC). Harlow: Pearson Education Limited, 2005. 1620 p.
19. The Heritage Illustrated Dictionary of the English Language (в тексте HIDELE). New York: American Heritage Publishing Co. Houghton Mifflin Co. McGraw-Hill Int. Book Co., 1975. 1550 p.
20. The Macmillan Dictionary of the English Language (в тексте MDEL). URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/> (дата обращения 06.09.2015).
21. Wierzbicka A. *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma publakers, 1985. Pp 33–37.

References

1. Arkhipov I.K. *Chelovecheskiy faktor v yazyke* [Human factor in language]. Saint-Petersburg: The Nevsky institute of language and culture, 2003. Pp. 15–19.
2. Arkhipov I. K. *Kommunikativnyy tseytnot i prototipicheskaya semantika* [Communicative ‘Zeitnot’ and prototypical semantics]. SPb.: RGPU Publ., 2004. № 4 (7). Pp. 75–85.
3. Vinogradov V.V. *Leksikologiya i leksikografiya: Izbrannye trudy* [Lexicology and lexicography: Selectas]. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 171–172.
4. Dotsenko D.V. Rol’ kognitivnogo lingvisticheskogo napravleniya v optimizatsii uchebnogo protsesssa v vuze [Role of cognitive linguistics in improving both teaching and learning activities at university]. *Papers of XIV International Baltic Forum*. Saint-Petersburg: SPbGUT, 2012. Pp. 96–100.
5. Kubryakova E.S. V poiskakh sushchnosti yazyka [In search of the language essence]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2009. № 1. Pp. 5–12.

6. Novikov D.N. K voprosu o metafore i omonimii. Metafora v derivatsionnoy strukture slova. Metafora i termin [Concerning metaphore and homonymy. Metaphore and derivative word structure. Metaphore and term]. *Scientific papers of the young researchers at the Vladimir State Teacher Training University*. Vladimir: VGPU, 2001. Pp. 126–129.
7. Pesina S.A. Slovo v ponimanii filosofii yazyka i lingvistiki [Word from the point of view of language philosophy and linguistics]. *Papers of the Voronezh State University. Philosophy series*. 2011. №2 (4). Pp. 122–139.
8. Pesina S.A. *Invariantnost' kognitivnoy lingvistike i filosofii yazyka: uchebnoe posobie* [Invariability in cognitive linguistics and language philosophy: educational medium]. Moscow: Flinta: Nauka, 2014. Pp. 4–5.
9. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok – Zapad, 2010. 314 p.
10. Ufimtseva A.A. *Opyt izucheniya leksiki kak sistemy* [Concerning studying vocabulary as the system]. Moscow: Akademiya Nauk SSSR Publ., 1962. 287 s.
11. Chudinov A.P. Sportivnaya metafora v sovremennom rossiyskom politicheskom diskurse [Sports metaphore in the contemporary Russian political discourse]. *Papers of the VGU. Seriya Linguistics and intercultural communication series*, 2011. №2. Pp. 26–32.
12. Journal of English linguistics, 1989. Vol. 22.2. <http://eng.sagepub.com/content/22/2/249.full.pdf+html>
13. Rowell R & Hawkins R. *Approaches to second languages acquisition*. Clevedon: Multilingual Matters, 1994. 280 p.
14. Steinberg D.D. & Sciarini N.V. *An introduction to psycholinguistics*. London; New York; Boston etc.: Pearson Education Limited, 2006. 306 p.
15. Tarone E. Sociolinguistic approaches to second language acquisition research // *The Modern Language Journal*, 2007. Vol. 91. Pp. 837–848.

16. The Cambridge Essential Dictionary (в тексте CED). <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-british-english/>.
17. The Dictionary of Contemporary English Online by Longman (в тексте DCEOL). URL: <http://www.ldoceonline.com/>
18. The Dictionary of English Language and Culture (в тексте DELC). Harlow: Pearson Education Limited, 2005. 1620 p.
19. The Heritage Illustrated Dictionary of the English Language (в тексте HIDEI). New York: American Heritage Publishing Co. Houghton Mifflin Co. McGraw-Hill Int. Book Co., 1975. 1550 p.
20. The Macmillan Dictionary of the English Language (в тексте MDEL). URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/>
21. Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis. Ann Arbor: Karoma publishers, 1985. Pp. 33–37.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Доценко Дмитрий Васильевич, кандидат филологических наук,
доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков,
информатики и частных методик

*Филиал Красноярского государственного педагогического
университета им. В.П. Астафьева в г. Железногорске*

*ул. Молодежная, 7, г. Железногорск, Красноярский край,
662970, Россия*

dmitchina@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dotsenko Dmitry Vasilevich, PhD in Philology, Associate Professor
*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. As-
tafieva, Zheleznogorsk Branch*

*7, Molodezhnaya Str., Zheleznogorsk, Krasnoyarsk region, 662970,
Russia*

dmitchina@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-143-159

УДК 821.161.1

МЕХАНИЗМЫ ГЕНЕЗИСА ОБРАЗОВ ПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Кубракова Е.А.

В статье рассматриваются механизмы генезиса пространственных образов в лирике М.И. Цветаевой, на основании чего делается вывод о том, что структура топоса в произведениях поэта очень часто служит реализации мифотворческой функции и сопровождается сакрализацией пространства, характеризующейся подвижностью пространственных характеристик; интроверсией отдельных значимых для М.И. Цветаевой мест; фрагментацией пространства, с выделением наиболее существенных для развертывания мифа характеристик; метафоризацией пространства и места для акцентирования его сакральных черт; аффектацией и эмоциональным насыщением локусов, призванных поддерживать и углублять миф места, причем выделенные механизмы генезиса локусов могут применяться одновременно, создавая структурно сложный, многозначный образ, являющийся одновременно и символом.

Ключевые слова: художественный образ; топосы в лирике М.И. Цветаевой; локусы; образы пространства; мифотворчество; механизмы генезиса образов пространства.

IMAGES OF SPACE IN MARINA CVETAEVA'S LYRICS: THE GENESIS MECHANISMS

Kubrakova E.A.

The article handles the mechanisms applied by M. Cvetaeva to create images of space in her lyrics. Having analysed the above-mentioned,

the author comes to a conclusion that the topoi structure serves the purpose of creating a myth, and is often accompanied by a sacralisation of the space in M. Cvetaeva's literary works. Such sacralisation is based on intended instability of space characteristics; introversion of some places, which are of particular importance for the poet; fragmentation of the space with an emphasis on the most essential features, which help to create a myth; wide usage of metaphors of space and place to underline its sacral characteristics; strong affectation and emotionally intensive description for places, which are to support and develop the myth of a place. All these mechanisms of space images genesis can be used simultaneously, building up a complex, ambivalent image, which at the same time gains a symbolic meaning as well.

Keywords: *literary image; topoi in M. Cvetaeva's lyrics; loci; images of space; myth creation; space images genesis mechanisms.*

В работе Ю.М. Лотмана «Структура художественного текста», разветвленная сеть пространственных образов, которые объединены семантическими связями и отношениями, оставляет структуру топоса [1, с. 85]. В интерпретации Н.Е. Разумовой топографическая структура текста также определяется в категориальных признаках пространства на грани текста и контекста. По ее мнению, топос представляет собой «пространственный образ, который отложился в сознании, а точнее в подсознании писателя из впечатлений реального мира прямо или косвенно, временами с очень значительной мерой абстрагирования воплощается в произведениях как архитектурная модель» [2, с. 31].

В словаре поэтического языка М.И. **(предлагаю все же использовать полные инициалы при фамилии автора либо иным образом устранить различия в употреблении (Цветаева, М. Цветаева, М.И. Цветаева))** Цветаевой можно выделить несколько

групп локусов, которые наиболее часто встречаются в творчестве поэта и свидетельствуют о том, что для поэтапоэта эти места были носителями определенного смысла:

1) город и противопоставленный ему загород. Причем в городе следует отметить повторяемость таких локусов как дом, комната, храм/церковь, вокзал, железная дорога;

2) природные локусы, прежде всего, стихия воды: море, океан, река, лес, сад, луг, роща, степь;

3) средства передвижения/преодоления пространства: поезд, вагон, машина, корабль и т.д.

Говоря о топографической структуре цветаевской лирики, заметим, что эти пространства почти никогда не существуют независимо друг от друга, они всегда оказываются соположенными и взаимодополняющими. Взаимосоотносимость смыслообразов и сочетание противоположностей по принципу дополнительности (т.н. синтетичность образов) в целом является важной характерной чертой цветаевской поэтики. При этом речь идет и о поливалентности смыслов в их множественном взаимоотражении и взаиморазвитии. Практический механизм реализации данного принципа у М.И. Цветаевой – сочетание и взаимоналожение образов (гибридизация), что, однако, не отменяет их содержательного различия.

Интересной с нашей точки зрения находкой в плане генезиса образов пространства (тем не менее характерной для поэтики авангарда, и, в частности, футуризма) является механизм смыкания архетипической топологической семантики с идеей механизации и прогресса, некий гибрид архаики и современности, который нашел отражение в развитии урбанистической темы, мифа города и мифа машины в футуристическом ракурсе, соположенных с природной стихией, как, например, у М.И. Цветаевой, образ железнодорожного полотна в стихотворении «Рельсы» (1923):

*Час, когда отчаяньем как свахой
Простыни разостланы. – Твоя! –
И обезголовившая Сафо
Плачет как последняя швея.*

*Плач безропотности! Плач болотной
Цапли, знающей уже... Глубок
Железнодорожные полотна
Ножницами режущий гудок.*

[4, с. 208]

Подобный механизм создания образности В.Б. Шкловский называл «несходством сходного», В.В. Кандинский – энантиосемией, а в поэтике авангарда он получил название амбивалентности или бисемии (т.е. конвергенции двух разных смыслов одного порядка в пределах одного и того же семантического целого).

Добавим, что пространство в лирике Цветаевой часто мифологизируется и, помимо непосредственной географической локализации, обозначает некое сакральное пространство, связанное как с локальными мифами, так и с более широким культурно-историческим контекстом.

Сворачивание или разворачивание пространства – черта архаических мифов, которая присуща и мифотворчеству эпохи модерна, стоит вспомнить Миргород Н.В. Гоголя, организацию пространства в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», «Петербург» А. Белого, «Улисс» Дж. Джойса, «Замок» Ф. Кафки и т.д. В качестве примера не композиционного сворачивания и разворачивания пространства, а приема создания образности можно привести стихотворение «Старуха» из ранних произведений М.И. Цветаевой:

*Слово странное старуха!
Смысл неясен, звук угрюм,
Как для розового уха
Темной раковины шум.*

*В нем – непонятое всеми,
Кто мгновения экран,
В этом слове дышит время
В раковине – океан.*

[3, с. 171].

Соположение двух стихий – логоса и звука, соединяются в оригинальной метафоре: ухо (начало принимающее), раковина (передающее устройство) и шум океана (звуковая, природная стихия), причем соединение разнородных элементов происходит одновременно на нескольких уровнях. Во-первых, имплицитно, раковина, как передающее устройство – символ технического прогресса, природы, поставленной на службу человеку, нечто существующее предметно, вечно и потому выступающее своеобразным связующим звеном между слушающим «Я» и природной стихией (соположение-противопоставление «механизма» и «стихии»). Во-вторых, раковина – устройство, сближающее элементы пространства по вертикали и позволяющее наладить связь между тем пространством, в котором времени не существует (Вечность) и этим пространством, состоящим из мгновений и являющимся лишь проекцией Безвременья (пространство условного нахождения воспринимающего «уха» и лирического героя – наблюдателя). Это еще одно типичное для М.И. Цветаевой противопоставление-соположение – соположение по времени (мгновение и вечность). Интересно отметить, что метафора океан/морская стихия – вечность

встречается у Цветаевой и в других произведениях («Требовала та гора./ – Океан в ушную раковину» [5, с. 24]; «небосвод – цельным основан./Океан – скопище брызг...» [5, с. 29]; «Есть мир. Ему названье – бездна/И океан» [5, с. 14]; «...клича тебя, славословя тебя, я только//Раковина, где еще не умолк океан [3, с. 285]; «... так: Временем, как океаном//Прокрасться, не встревожив вод...» [4, с. 199]; «...море – седей времени...» [4, с. 330]; «...завтра! Не сразу! Когда над лбом - //Уж не temento, а просто *more!*» [5, с. 27] и др.), и, по-видимому, является для поэта концептуальной.

Помимо механизмов метафоризации, о которых мы говорили выше, примечательна и еще одна особенность – соположение в горизонтальной плоскости: сужение пространства до раковины и одновременное расширение его до размеров океана, реализуемое на уровне звуковой организации (чередование закрытых и открытых гласных: [o]-[a]-[a]-[a]-[йэ]-[a]-[y]-[a] в первой строке, которое затем сохраняется с вариациями на протяжении всего стихотворения и напоминает движение волны).

Аналогичный механизм бисемии использован М.И. Цветаевой и в раннем стихотворении «В Париже» (1909), где величественная урбанистическая картина соседствует с преуменьшенной и словно сплющенной природной стихией (расширение-сужение пространства в данном случае происходит по вертикальной оси). Этот образ дополнен и усилен аффектированной оппозицией «большой и радостный Париж» – «тайная тоска» (где задействуется и еще один механизм противопоставления локусов «внешнее» – «внутреннее»):

*Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.*

[3, с. 27].

Соположение-противопоставление локусов, часто сопровождающееся у Цветаевой негативной аффектацией, как, например, в одном из ее последних стихотворений, датированном 1940 г.:

*Не знаю, какая столица:
Любая, где людям – не житьь.
Девчонка, раскинувшись птицей,
Детеныша учит ходить.*

*А где-то зеленые Альпы,
Альпийских бубенчиков звон...
Ребенок растет на асфальте
И будет жестоким – как он.*

[4, с. 367].

Амбивалентные образы не обязательно являются статичными, напоминающими картинку, полные кричащего противоречия. В частности, влияние футуристов проявилось в том, что в отдельных стихотворениях М.И. Цветаева воспеваает скорость и быстроту передвижения, свободу преодоления пространства, как, например, в стихотворении «В Шенбрунне»:

*Мчимся! Цепи далеки,
Мы свободны. Нету плена.
Видишь, милый, огоньки?
Слышишь всплески: Это Сена!*

[3, с. 29].

Одновременно в этом стихотворении актуализируется и еще один важный и характерный для авангарда мотив, а именно, мотив невозможности коммуникации, которая становится либо спонтанной и хаотичной, либо ускоряющейся до потери смысла. Семантическое

поле эпитетов, сопровождающих мотив коммуникации, включает следующие определения: нежелательное, случайное, прерванное, незавершенное, неспособное осуществиться из-за движения на огромной скорости или по причинам, не зависящим от воли героев.

В первом стихотворении из цикла «Заводские» (1922) пространство города соположено с мифологическим пространством, и общение между этими локусами нарушено, оно оказывается невозможным. Укрупнение образов города, представляющего собой почти демоническое пространство, происходит на фоне «гвоздиков», которыми пригвожден распятый Христос «над койками больниц и тюрем» в этом мире, являя собой образ истерзанности и беспомощности и существующий одновременно в ином мифологическом пространстве, недоступном до скончания времен. Эти два пространства соприкасаются, и одновременно четко разграничены. Этой границей выступает образ заводских труб, символ демонического мира, изрыгающего черную копоть, в то время как «закуранный по самый лоб» Бог остается безмолвным. Будучи разделенными, эти пространства одновременно оказываются и соединенными теми самыми трубами, как только актуализируется другой смысл в «пучке смыслов» этого многозначного слова: зримая, «вещная» заводская труба по своему графическому облику соплагается со звуковой стихией трубы, провозглашающей Судный день и открывающей врата в мифологический мир, до тех пор недоступный:

<...>

*А Бог? – По самый лоб закурен,
Не вступится! Напрасно ждем!
Над койками больниц и тюрем
Он гвоздиками пригвожден.*

*Истерзанность! Живое мясо!
И было так и будет – до Скончания.*

– Всем песням насыть,
И всех отчаяний гнездо:

Завод! Завод! Ибо зовется
Заводом этот черный взлет.
К отчаянью трубы заводской
Прислушайтесь – ибо зовет

Завод. И никакой посредник
Уж не послужит вам тогда,
Когда над городом последним
Взревет последняя труба.

[4, с. 150].

Очень часто пространство оказывается непреодолимым, его граница представляется «глухой стеной», неподвластной даже всемогущему «логосу» как в стихотворении «Заочность» (1923):

<...>

В тебе удлиняясь,
Как эхо в гранитную грудь
В тебя ударяясь:
Не видь и не слышь и не будь –

Не надо мне белым
По черному – мелом доски!
Почти за пределом
Души, за пределом тоски –

...Словесного чванства
Последняя карта сдана.

Пространство, пространство

Ты нынче – глухая стена!

[4, с. 216].

Образ глухой стены в творчестве М.И. Цветаевой почти всегда символизирует отчаяние, одиночество, тоску и невозможность коммуникации: «Ты не услышишь. Надвинулись стены,/Все потухает, сливается все...» [3, с. 95]. К примеру, у М. Пруста, творчество которого М.И. Цветаева очень ценила, ту же функцию выполняла стеклянная перегородка, которая отгораживала любящего, находящегося по одну сторону перегородки (в своей собственной реальности) от мира, воплощающего «подлинную реальность», именуемую М. Прустом “la vraie vie” или “la réalité”. (Ср.: «Стенами темных слов, растущими во мраке,/Нас, нет, - не разлучить!» [3, с. 66]).

Не менее частой причиной невозможности коммуникации у М.И. Цветаевой являются:

1) мотив несовпадения локусов, как во внешнем мире (расстояние), так и в мире внутреннем (идеи, убеждения) – оппозиция по принципу «внешнее-внутреннее»:

<...>

*И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою – мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно мое место в мире:*

<...>

(из стихотворения «Хвала богатым» (1922) [4, с. 155];

2) мотив одиночества и потерянности в толпе, когда внешнее отсутствие границ, однако не означает отсутствия границ внутрен-

них (несколько иной механизм реализации все той же оппозиции «внешнее-внутреннее»):

<...>

*Боязливейший, ибо взяв на дыб –
Ноги лижете!
Заблудившийся между грыж и глыб
Бог в блудилище.*

*Лишний! Вышний! Выходец! Вызов! Ввысь
Не отвыкший... Виселиц
Не принявший... В рвани валют и виз
Веги – выходец.*

(из стихотворения «Эмигрант» (1923) [4, с. 163].

Все образы, лежащие в основе вышеперечисленных мотивов, порождают восприятие фрагментарного, разорванного пространства, не представляющего собой единого континуума. При этом единственной связующей нитью между элементами этого пространства часто становится способность героев перемещаться между локусами, в том числе и во времени, порой спонтанно или против их воли, а трагедия утраты связи ассоциируется с невозможностью преодоления пространства, возвращения или выхода за его пределы.

Фрагментация пространства выражается в сосуществовании как в реальности, так и на сакральном, мифологическом уровне мест, географически удаленных друг от друга, либо соположенных несмотря на временную разницу. Например, в стихотворении «Осень» (1918), где пространство парковой аллеи соположено с пределами царства Божия, охраняемого ангелами: «Осень. Деревья в аллее – как воины./Каждое дерево пахнет по-своему./Войско Господне» [3,

с. 431] или в стихотворении «Утро. Надо чистить чаши...» (1918): «Ночь. Чугунная решетка./Битва голосов и крыл.» [3, с. 432].

Метафоризация пространства и места выполняет в творчестве М.И. Цветаевой и космогоническую функцию. Город, улица, и даже дом может стать основой для локального мифотворчества, причем само пространство зачастую понимается как метафора, выступая неким переходом, связующим элементом бытия, а в более широком контексте, попыткой при помощи сакрализованного пространства укорениться в реальности, которая воспринимается как чуждая и неестественная. Эта же причина лежит и в основе механизма аффектации и эмоционального насыщения локусов.

Рассмотрим механизмы генезиса образов пространства в одном из ранних стихотворений М.И. Цветаевой «Маме» (1907–1910):

*В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.*

*Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.*

*К детским снам клонясь неутомимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.*

*С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...*

*Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!*

*Все бледней лазурный остров – детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!*

[3, с. 9–10].

В данном стихотворении присутствует как разворачивание пространства, реализуемое метафорой путешествия, так и дальнейшее сужение этого пространства до локуса, который хотя и отграничен, тем не менее, не подлежит буквальной трактовке, а, скорее, является аффектированным ощущением собственного положения в пространстве («Мы одним на палубе стоим...»), и при этом носит символический характер (задействован целый спектр барочных образов: жизнь как путешествие, жизнь – бурное море, мотив сна и конечности всего земного («Упиваясь близостью конца...»), а также мифологема острова как места блаженства и райской идиллии, с которой у лирической героини ассоциируется детство. Конечная локализация эксплицитно выражена статическим глаголом «стоим», а имплицитно подразумевает дальнейшее движение, удаление в пространстве от точки, которая может считаться точкой отсчета («Все бледней лазурный остров – детство...»). Помимо расширения-сужения пространства, наблюдается и двойная инверсия: сначала отчуждение себя от окружающего мира по модели «свои-чужие» («С той поры нам чужды все живые...», «Мы как ты приветствуем закаты...», «С ранних лет нам близок, кто печален...», «чужд домашний кров»), которая сжимается и локализуется до «Наш корабль» и «Мы одним на палубе стоим». Одновре-

менно реализуется модель «близь-даль»: «тихий зов», «К детским снам клонясь...», «вложено в сердца» – направленность внутрь, по направлению к лирической героине, тогда как вторая часть стихотворения изобилует лексическими маркерами движения вовне и удаления («Наш корабль не в добрый миг отчален...», «Все бледней лазурный остров – детство...», «...грусть оставила в наследство...»). Эти локусы можно считать достаточно фрагментарными и подвижными, и соединены они только движением лирической героини сквозь пространство и время, которое сначала более или менее организовано и направлено («Ты вела своих малюток мимо// Горькой жизни помыслов и дел...»), тогда как в дальнейшем становится все более хаотичным (Наш корабль <...>//плывет по воле всех ветров») и трудно предсказуемым (ср. со строками из стихотворения «Первое путешествие»: «Куда летим? Да и не знали мы!// Да и к чему? Не все равно ли?») [3, с.21].

Таким образом, можно сделать вывод, что структура пространственных образов в лирике Цветаевой очень часто служит реализации мифотворческой функции и сопровождается сакрализацией пространства, которая характеризуется:

1) подвижностью пространственных характеристик: разворачиванием и/или сворачиванием исходного пространства, что характерно для композиционной структуры текстов мифологического характера;

2) интроверсией отдельных значимых для М.И. Цветаевой мест, в результате которой происходит как бы «закрытие» места для всех посторонних, а иногда и сокрытие его для доступа извне; данный механизм часто реализуется по модели противопоставления. Три наиболее частотных оппозиции: «свой-чужие», «близь-даль», «внешнее-внутреннее».

3) фрагментацией пространства, с выделением наиболее существенных для развертывания мифа характеристик;

4) метафоризацией пространства и места для акцентирования его сакральных черт;

5) аффектацией и эмоциональным насыщением локусов, призванных поддерживать и углублять миф места.

Следует отметить, что выделенные механизмы генезиса локусов, как правило, применяются поэтом одновременно, создавая структурно сложный, многозначный образ, являющийся одновременно и символом.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста//О поэтах и поэзии. СПб.: «Искусство – СПб», 2006. С. 78–79.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
4. Маслова В.А. Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой. М.: Флинта; Наука, 2004. 256 с.
5. Неклюдов С.Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. М.: Индрик, 2004. Цит. по электронной публикации: URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov16.htm> (дата обращения: 15.06.2014).
6. Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. Томск: Томский государственный университет, 2001. 522 с.
8. Степанов Ю.С. Семиотика, философия, авангард//Семиотика и Авангард: антология. М.: Академический проект; Культура, 2006. С. 5–32.
9. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7-ми тт. Т. 1: Стихотворения/ Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. 640 с.
11. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7-ми тт. Т. 2: Стихотворения. Переводы / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. 592 с.

13. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7-ми тт. Т. 2: Стихотворения. Переводы/ Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 3. 816 с.

References

1. Lotman Y. M. *Analiz porticheskogo teksta* [Analysis of a poetic text]. // *O poetakh i poezii* [About poets and poems]. SPb.: «Iskusstvo – SPB», 2006. P. 78–79.
2. Lotman Y.M. *Structura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. М.: Iskusstvo, 1970. 384 p.
6. Maslova V.A. *Poet i kultura: Konceptosfera Mariny Cvetaevoy*. [Poet and Culture]. М: Flinta; Nauka, 2004. 256 p.
7. Neklyudov S.Y. *Motiv i tekst* [Motive and Text]. // *Jasyk kultury: semantika i grammatika*. М.: Indrik, 2004. Quoted from: URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov16.htm> (dated of 15.06.2014).
8. Razumova N.E. *Tvorchestvo A.P. Chekhova v aspekte prostranstva* [Works of A.P. Chekhov from the topical perspective]. Tomsk: Tomsky gosudarstvenny universitet, 2001. 522 p.
11. Stepanov Y.S. *Semiotika, filozofiya, avangard* [Semiotics, philosophy, avangarde]. // *Semiotika i Avangard: antologiya* [Semiotics and Avangarde: antology]. М.: Akademicheskij proekt; Kultura, 2006. Сpp. 5-32.
12. Cvetaeva M. I. *Sobraniye sochineny: v 7 tomakh* [Collected works: in 7 volumes]. М.: Ellis Lak, 1994. 640 p.
13. Cvetaeva M.I. *Sobraniye sochineny: v 7 tomakh* [Collected works: in 7 volumes]. Т. 2: *Stikhotvoreniya. Perevody* [V.2: Poems. Translations]/Ed. and comment. А. Saakyanc, L. Mnukhin. М.: Ellis Lak, 1994. 592 p.
14. Cvetaeva M.I. *Sobraniye sochineny: v 7 tomakh* [Collected works: in 7 volumes]. Т. 3: *Poemy* [V.3: Poems] / Ed. and comment. А. Saakyanc, L. Mnukhin. М.: Ellis Lak, 1994. 816 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кубракова Екатерина Александровна, ст. преподаватель кафедры Теории и практики перевода Института филологии и истории, магистр филологии

Российский Государственный Гуманитарный Университет (РГГУ)

Миусская площадь, 6, г. Москва, 125993, Россия

ekubrakova@ya.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kubrakova Ekaterina Alexandrovna, senior lecturer, Institute for Philology and History Department for Translation/Interpreting and Translation Studies, Master of Arts

Russian State University for the Humanities (RSUH)

6, Miusskaya ploshad, Moscow, 125993, Russia

ekubrakova@ya.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-160-172

УДК 323:94(470.41)

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ РОССИИ
И СТРАН СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО РЕГИОНА:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА**

Славина Л.Р.

В многонациональных странах использование родного языка – это вопрос самоидентификации, сохранения самобытности и традиций этнического сообщества. В статье подчеркивается, что в настоящее время в мировой практике существуют различные программы поддержки языков и способы их реализации на различных институциональных уровнях. Но подходы к реализации данных концепций требуют модернизации. Актуальность сопоставительного анализа языковой политики регионов России и Северной Америки определяется возможностью выявления рисков языкового менеджмента и использования положительного опыта изучаемых регионов для решения задач, стоящих перед языковой политикой и языковым планированием в регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: *многонациональность; модель языковой политики; язык образования; социолингвистика; языковое планирование; этническое сообщество; мультикультурализм.*

**REGIONAL LANGUAGES OF RUSSIA
AND THE NORTH AMERICAN REGION: PROSPECTS
FOR COMPARATIVE ANALYSIS**

Slavina L.R.

In the multinational countries, the use of the native language is a matter of self-identification, aimed at protecting the identity and tra-

ditions of the ethnic community. The article stresses that at present in the world there are various programs to support language and ways of their implementation at the various institutional levels. But approaches to the implementation of the concept and practical steps for it need to be modernized. The significance of the comparative analysis of Russian and North American regions in terms of language policy and language planning is defined by the opportunity to identify positive trends in language management as well as its risks and use the results of the analysis in the development of efficient models of language policy and planning.

Keywords: *multi-ethnicity; model of language policy; language education; sociolinguistics; language planning; ethnic community; multiculturalism.*

Глобализация, связанная с информационной открытостью, корпорациями, миграцией, напрямую или опосредованно влияет на миропорядок и затрагивает практически все государства. Появляются новые модели гражданских, национальных и этнических сообществ. Структурные изменения в обществах и реалии, предложенные в контексте би- и мультикультурализма, ставят перед государством задачу создания модели политически стабильного и сплоченного гражданского общества. Вопрос функционирования языка в би- и многонациональных обществах, затрагивающий все слои социальной жизни, рассматривается на уровнях идеологии, политического процесса и все чаще выходит за рамки определенных регионов и даже стран, становясь проблемой межгосударственных, межнациональных отношений. Процессы возникновения, развития, угасания и вымирания культур и языков являются эволюционными и могут рассматриваться как естественный сопутствующий процесс модернизации общества и национального строительства. Однако в современных условиях глобального мира, когда функциональность язы-

ков во многом зависит не от исторически сложившихся условий, миноритарные языки становятся особенно уязвимыми и процессы их развития должны быть взяты под контроль государства. Во многих государственных образованиях таких как Россия, Канада, Евросоюз и т.д. доминирует идея защиты и сохранения культурного и языкового многообразия как национального наследия. Президент России В.В. Путин в своих выступлениях неоднократно подчеркивает, что для России «характерна региональная специфика, этнокультурное и религиозное многообразие, которое на протяжении столетий не подавлялось, а сберегалось. И сегодня его сохранение – это не только залог прочности российской государственности, но и ... великое конкурентное преимущество» [11]. В би- и мультикультурных пространствах сохранение и развитие родного языка является вопросом самоидентификации этнического сообщества и сохранения самобытности и традиций, передачи их следующим поколениям. Сложившиеся языковые модели устаревают, перестают работать, и нахождение приемлемой для данного государственного образования или региона концепции языковой политики приобретает стратегически важное значение в контексте государственной безопасности. Об этом говорит создание в марте 2015 г. согласно указу Президента №168 Федерального агентства по делам национальностей, одной из функций которого является защита права на пользование родным языком [10]. Несмотря на существующие идеи и программы поддержки языков и опыт практической их реализации на различных уровнях, в настоящее время в мировой практике сложно найти четкие, работоспособные модели языковой политики и планирования. Поэтому необходимость и актуальность анализа, заключающегося в сопоставлении языковых ситуаций на уровне государственных образований и регионов, выявление идей, пригодных для практической реализации в регионах Российской Федерации очевидны.

Согласно количественным и качественным показателям функциональной мощности титульного и русского языков как государственных Татарстан, находится в числе лидирующих регионов России, который предлагает свою концепцию языковой политики. Этот вывод основывается на результатах комплексного анализа функционального развития татарского языка и других региональных языков Российской Федерации, предложенного в исследованиях Д.Н. Мустафиной [8]. Д.Н. Мустафина, исследуя вопросы развития региональных языков России, подчеркивает, что на современном этапе Российская Федерация стремится к интеграции с международными, в том числе общеевропейскими, организациями. Для паритетного сотрудничества в любой сфере стимулирующим и перспективным фактором является единая система стандартов. В международной кооперации единые принципы реализации любого вида деятельности, соответствие прав и гарантий их защиты создают благоприятную базу для успешного и продолжительного партнерства [6, с. 64]. Татарстан, как один из наиболее эффективно работающих регионов в сфере защиты и сохранения региональных языков, постоянно актуализирует проблемы языковой политики и языкового планирования в рамках республики, так как «модернизация татарского языка, приведение его в соответствие с требованиями времени – одна из основных целей процесса возрождения и развития языка» [7, с. 63].

В контексте данной статьи предлагается сопоставительный анализ «Учебно-воспитательной сферы Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013» (в дальнейшем «Государственная программа РТ») [4] и документа под названием «План 2013. Национальный стратегический план реализации образования на втором (официальном) языке. Программа по защите официальных языков

Министерства по защите наследия Канады» («Plan Twenty Thirteen. Strategies for a National Approach in Second Language Education. Official Languages Support Programs Department of Canadian Heritage») (в дальнейшем «План 2013») [12], который реализуется на территориях и провинциях Канады в соответствии с протоколами договора по образовательным программами на миноритарных языках и вторым (официальном) языке (The Protocol for Agreements for Minority-Language Education and Second-Language Instruction) [13, 14]. Язык обучения в образовании является наиболее чувствительным вопросом в контексте языковой политики любого многонационального государства. Целью статьи является сопоставительное исследование степени вовлеченности миноритарных и региональных языков в сферу образования и погруженности данных языков в образовательные программы в контексте региональной языковой политики, выполняемое через анализ программ развития миноритарных и региональных языков и механизмы их реализации в изучаемых регионах.

Методы исследования

При выборе методологии исследования основополагающим было представление о том, что языковая политика и планирование рассматриваются в междисциплинарном поле и требуют понимания и использования мультифункциональных методов объяснений важных вопросов о статусе языка, идентификации языка, использовании языка в контексте исследования. Предполагаемый комплекс методов определяется спектром вопросов, предложенных для исследования в данном проекте, а именно: метод сбора и обработки первичной информации, метод анализа документов, заключающийся в интерпретации и толковании данных, значимых с точки зрения исследователей, метод сопоставительного описания (параллельного и последовательного).

Обсуждение

Предложенные для анализа документы являются исторически значимыми, так как они представляют собой дорожные карты языковой политики развития государственных и миноритарных языков на региональном и государственном уровнях как Российской Федерации (на примере Татарстана), так и Канады. Судя по паспортным данным и цели программ, приведенным в Таблице №1, документы вполне сопоставимы, хотя масштабы и механизмы реализации цели и задач отличаются. «Государственная программа РТ» затрагивает все аспекты развития функциональной мощности языков в контексте одного региона Российской Федерации – Татарстана, тогда как «План 2013» является программой развития второго государственного языка образовательной сфере Канады на федеральном уровне, но реализуется в регионах (провинциях и территориях) Канады.

Таблица №1

Наименование программ	Государственная программа Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004-2013	План 2013. Национальный стратегический план реализации образования на втором (официальном) языке. Программа по защите официальных языков Министерства по защите наследия Канады»
Основание для разработки Программ	Закон Республики Татарстан от 28 июля 2004 г. № 44-ЗРТ «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан»	«Закон об официальных языках», от 7 июля 1969 г., где английский и французский языки имеют равноправный статус в парламенте, в федеральном суде и государственных учреждениях.
Государственный заказчик	Кабинет Министров РТ	Министерство по защите наследия Канады (Department of Canadian Heritage)

Окончание табл. 1

Основной разработчик Программ	Академия наук РТ	Центр обучения второго языка (The Second Language Education Center)
Сроки реализации Программ	2004–2013	2003–2013
Цель и задачи Программ	Создание условий для сохранения и развития государственных языков Республики Татарстан и других языков РТ; обеспечение оптимального функционирования татарского и русского языков как государственных языков РТ; последовательная реализация Закона РТ «О государственных языках РТ и других языков в РТ»	Создать условия для развития различных функций официальных (государственных) языков в обществе, в образовании, в предоставлении государственных услуг.
Объем и источники финансирования	Прямые бюджетные ассигнования из бюджета Республики Татарстан и текущее финансирование по сметам соответствующих исполнительных органов государственной власти РТ. Для реализации программных мероприятий на 2004-2013 годы предлагалось потратить всего 121802,7 тыс. руб.	Финансирование из федерального бюджета и бюджета провинций и территорий Канады

Поэтому целесообразно в «Государственной программе РТ» подвергнуть анализу часть программы, касающейся только сферы образования. Обзор и анализ проблем и стратегий в «Государственной программе РТ» [4, с. 32–33] и в «Плане 2013» [12, р. 3], показал их, в целом, близость, так как они направлены на: 1. нахождение общего вектора целей для защиты региональных и со-официальных языков на федеральном и региональном уровнях; 2. определение разумной стратегии развития образовательных программ, укрепленной учебно-методической базой для реализации коммуникативной компетенции и формирования реального двуязычия учащихся; 3. формиро-

вание мотивации учащихся на изучение второго (государственного) языка; 4. подготовку и повышение квалификации преподавательских кадров; 5. обеспечение преемственности и непрерывности процесса обучения на различных уровнях образования.

Различные подходы в определении стратегии и реализации механизмов в обучении второму (государственному) языку рассматриваемых программах предлагается в сопоставлении в Таблице №2.

«Государственная программа РТ»	«План 2013»
<p>Достаточно высокая степень вовлеченности государственных и образовательных институтов, формализация процесса приобретения языковых компетенций в контексте «учитель – ученик» (детский сад, школа, высшая школа) при достаточно низкой степени получения неформального образования.</p>	<p>Наряду с работой представителей образовательных учреждений (начальной, средней и высшей школы) использование других форм обучения с привлечением общественности (программа обмена в семьях второго языка; тьюторы- носители второго языка, не являющиеся профессиональными педагогами; театральное сообщество; волонтеры, оказывающие как финансовую, так и организационную помощь в проведении различных мероприятий; привлечение старшеклассников с более высоким уровнем для обучения учащихся с низким уровнем владения вторым языком и т.д.)</p>
<p>Разработка учебно-методического комплекса преподавания одного из государственных языков как родного или неродного и внедрение типовых, одинаковых учебных моделей образовательных стандартов на каждый этап обучения.</p>	<p>Уровневый подход к обучению на каждом этапе образовательного процесса; оценка знаний по окончании средней школы через определение уровня владения вторым языком; предложение возможностей выпускникам-билингвалам использовать свои навыки; материальное поощрение и предложение специальных программ обучения.</p>

Выводы

1. «Государственная программа РТ» и «План 2013» являются этапами дорожной карты языкового планирования на уровне как регионов Российской Федерации (на примере программы развития языков РТ), так провинций и территорий Канады соответственно.

2. Хотя обе программы направлены на создание условий для «сохранения, изучения и развития государственных языков» [4, с. 21], в «Государственной программе РТ» особое внимание уделяется и поддержке языков, не являющихся государственными в Республике Татарстан.

3. В «Государственной программе РТ» затронуты все контексты языкового менеджмента (нормативно-правовое обеспечение, организационно-структурное обеспечение, координация и организация научных исследований, продолжение изучения языков в образовательной системе, национально-языковая среда семьи, институты общественного мнения, ресурсное обеспечение [4, с. 29–30]. В свою очередь, содержание «Плана 2013» имеет наполнение с большей привязкой к образовательной сфере, то есть результатом данного проекта является «би или полилингвальный канадец» [12, р. 2–3] – продукт в большей степени образовательной системы Канады, созданный при поддержке всех других механизмов языкового менеджмента.

Заключение

Подобного рода документы отражают языковую ситуацию – реалии, в которых существует язык, основные цели, желаемый образ будущего языка; языковую политику и тактические задачи государства. Они представляют собой исторически объективный материал для комплексного сопоставления, анализа сходств и различий условий социального функционирования языка не только в различных исторических и временных рамках в контексте одного региона, но и в различных территориальных пространствах.

На наш взгляд, параллельный анализ документов, отражающих языковую политику федеративных многонациональных государств способен дополнить комплексный сравнительный анализ языковых процессов в сопоставляемых регионах. Наряду с сопоставлением количественных и качественных показателей языковой ситуации и исторически сложившихся условий для развития язы-

ков, сравнительное изучение содержательной части нормативных документов является одним из наиболее перспективных направлений современной социолингвистики, способным предложить новые пути оптимизации процессов языкового планирования.

Список литературы

1. Байрамова Л.К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 267 с.
2. Горячева М.А. Современная социолингвистика и проблемы функциональной классификации языков России // *Онтология языка и его социокультурные аспекты: Материалы конференции аспирантов и молодых ученых Института языкознания РАН (1998)*. М., 1999. С. 35–41.
3. Закиев М.З. О ходе подготовки проектов Закона о языках народов Татарстана // *Формы взаимодействия татарского и русского языков на современном этапе*. Казань, 1992. С. 3-8.
4. Закон Республики Татарстан от 11 октября 2004 г. N 52-ЗРТ «Об утверждении Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004-2013 годы». <http://bazazakonov.ru/doc/?ID=499711> (дата обращения: 4.01.2016).
5. Михальченко В.Ю. Концепции законов о языках в республиках Российской Федерации: проблема социально-лингвистической адекватности // *Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках*. М., 1994. С. 147–150.
6. Мустафина Д.Н. К вопросу подготовки ратификации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации // *Вестник челябинского университета*. Изд-во Чел. гос. ун-та, 2011, № 14. С. 62–70.
7. Мустафина Д.Н. Историческая ретроспектива регулирования языковых вопросов в Республике Татарстан / *Язык и культура*, Изд-во Нац. исслед. ин-та Томского гос. ун-та, 2011 г., № 1. С. 62–69.

8. Мустафина Д.Н. Функциональное развитие татарского языка и других региональных языков РФ и Европы в свете социолингвистической парадигмы / Д.Н. Мустафина; ФГБОУ ВПО «Кам. гос. инж.-экон. акад.». Наб. Челны: Изд-во Кам. гос. инж.-экон. акад. 2012. 158 с.
9. Славина Л.Р., Мустафина Д.Н., Мустафина Л.Р. Мультикультурализм. Мультилингвизм. Канадский опыт // Филологические науки. Вопросы истории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12(42): в 3-х ч. Ч. I. С. 182–184.
10. Стенографический отчёт о заседании Совета по межнациональным отношениям. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16292> (дата обращения: 10.01.2016).
11. Указ Президента РФ от 31.03.2015 N 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177296/ (дата обращения: 6.01.2016).
12. Plan Twenty Thirteen. Strategies for a National Approach in Second Language Education. Official Languages Support Programs Department of Canadian Heritage. <http://publications.gc.ca/collections/Collection/CH14-8-2005E.pdf> (accessed January 06, 2016).
13. Protocol for Agreements for Minority-Language Education and Second-Language Instruction, 2009-2010 to 2012-2013. <http://www.cmec.ca/Publications/Lists/Publications/Attachments/211/protocol-for-agreements-2009-2013.pdf> (accessed January 06, 2016).
14. Protocol for Agreements for Minority-Language Education and Second-Language Instruction, 2005-2006 to 2008-2009. <http://www.cmec.ca/Publications/Lists/Publications/Attachments/200/protocol-for-agreements-2005-09.pdf> (accessed January 06, 2016)

References

1. Bajramova L.K. *Tatarstan: jazykovaja simmetrija i asimmetrija* [Tatarstan: language symmetry and asymmetry]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2001. 267 p.

2. Gorjacheva M.A. *Ontologija jazyka i ego sociokul'turnye aspekty: Materialy konferencii aspirantov i molodyh uchenyh Instituta jazykoznanija RAN (1998)* [Ontology of language and its socio-cultural aspects: Proceedings of the conference of graduate students and young scientists of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (1998)]. M., 1999. Pp. 35–41.
3. Zakiev M.Z. *Formy vzaimodejstvija tatarskogo i russkogo jazykov na sovremennom jetape* [Forms of interaction between the Tatar and Russian languages at the present stage]. Kazan', 1992. Pp. 3–8.
4. *Zakon Respubliki Tatarstan ot 11 oktjabrja 2004 g. N 52-ZRT "Ob utverzhenii Gosudarstvennoj programmy Respubliki Tatarstan po sohraneniju, izucheniju i razvitiju gosudarstvennyh jazykov Respubliki Tatarstan i drugih jazykov v Respublike Tatarstan na 2004–2013 gody"* [Law of the Republic of Tatarstan dated 11 October 2004 N 52-ZRT "About approval of the State of the Republic of Tatarstan on conservation programs, research and development of the official languages of the Republic of Tatarstan and other languages in the Republic of Tatarstan for 2004–2013"]. <http://baz zakonov.ru/doc/?ID=499711>.
5. Mihal'chenko V.Ju. *Jazykovye problemy Rossijskoj Federacii i zakony o jazykah* [Language problems in Russian Federation and the laws on languages]. M., 1994. Pp. 147–150.
6. Mustafina D.N. *Vestnik cheljabinskogo universiteta. Izd-vo Chel. gosud. un-ta*, 2011, № 14. Pp. 62–70.
7. Mustafina D.N. *Jazyk i kul'tura*. Izd-vo Nacion. issled. Tomskogo gos. un-ta, 2011, № 1. Pp. 62–69.
8. Mustafina D.N. *Funktional'noe razvitie tatarskogo jazyka i drugih regional'nyh jazykov RF i Evropy v svete sociolingvisticheskoj paradigmy* [Functional development of the Tatar language and other regional languages of Russia and Europe in the light of sociolinguistic paradigm]/ D.N. Mustafina; FGBOU VPO «Kam. gos. inzh.-jekon. akad.» Nab. Chelny: Izd-vo Kam. gos. inzh.-jekon. akad. 2012. 158 p.

9. Slavina L.R., Mustafina D.N., Mustafina L.R. *Filologicheskie nauki. Voprosy istorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014. № 12(42). Part I. Pp. 182–184.
10. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16292>.
11. *Ukaz Prezidenta RF ot 31.03.2015 N 168 "O Federal'nom agentstve po delam nacional'nostej"* [Presidential Decree of 31.03.2015 N 168 "On the Federal Agency for Nationalities"]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177296.
12. Plan Twenty Thirteen. Strategies for a National Approach in Second Language Education. Official Languages Support Programs Department of Canadian Heritage. <http://publications.gc.ca/collections/Collection/CH14-8-2005E.pdf>
13. Protocol for Agreements for Minority-Language Education and Second-Language Instruction, 2009-2010 to 2012-2013. <http://www.cmec.ca/Publications/Lists/Publications/Attachments/211/protocol-for-agreements-2009-2013.pdf>
14. Protocol for Agreements for Minority-Language Education and Second-Language Instruction, 2005-2006 to 2008-2009. <http://www.cmec.ca/Publications/Lists/Publications/Attachments/200/protocol-for-agreements-2005-09.pdf>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Славина Лилия Рустамовна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Набережночелнинский институт КФУ
ул. Мира, д. 68\18, г. Набережные Челны, РТ, 423812, Россия
Lilisl@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Slavina Liliia Rustamovna, Ph.D. in Philological Science
Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny Institute
68\18, Mira str., Naberezhnye Chelny, 423812, Russia
Lilisl@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-173-188

УДК 81; 81:23

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ-ЭТАЛОНЫ РАЗМЕРНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТОВ

Федяева Е.В.

Целью данной статьи является анализ функционирования существительных в английском языке в качестве эталонов пространственных признаков, отражающих количественные свойства физических объектов.

Поскольку объекты, находящиеся в пространстве, человек воспринимает одновременно с их ингерентными свойствами такими как, например, ширина, длина, высота, толщина и т.д., то представления о параметрических отношениях приводят к формированию в языке системы параметрических прилагательных. Однако в отличие от указания на размер в терминах прилагательных, объем содержания которых кажется не вполне определённым, ввиду того, что прилагательные, обозначая отвлечённые от конкретных объектов свойства, характеризуются более сложной для осмысления структурой категориального значения по сравнению с существительным, номинация размерности в терминах существительных является вполне определённой и точной, что обусловлено способностью существительного актуализировать сразу несколько признаков и формировать целостный образ.

Анализ фактического материала позволяет сделать следующие выводы: использование существительных в качестве «инструмента оценки» физических свойств объектов в пространстве

обусловлено особенностью человеческого сознания воспринимать окружающую действительность прежде всего в сущностных, т.е. «опредмеченных» образах; высокая частотность использования существительных в качестве эталонов размерности в английском языке наиболее ярко отражает одну из специфических особенностей английского языка, а именно, тенденцию к номинативному представлению мысли; – предметность уточняет, конкретизирует и облегчает переработку поступающей информации когнитивными структурами; образность может рассматриваться как один из способов концептуализации пространственных характеристик объектов действительности.

Ключевые слова: *образ; образность; концептуализация; пространство; существительное; прилагательное.*

NOMINAL MEASUREMENT ARCHETYPES AS THE REPRESENTATION OF THE PERCEPTION RESULTS OF THE OBJECTS' SPATIAL ATTRIBUTES

Fedyayeva E.V.

The purpose of the article is to analyze certain aspects of the functioning of nouns as archetypes for some attributes such as objects' basic spatial characteristics. One of the universal methods of the world cognition representation is known to be the explication of the objects' spatial qualitative and quantitative specifics. Since objects are perceived as possessing certain inherent qualities such as width, length, height, thickness etc., the concepts of parametric relations lead to the formation of parametric adjectives system in a language. However, there is a lack of definiteness in adjectives' categorial meaning stipulated by their character, being more abstract and non-related to exact objects, and thus more difficult to

comprehend. In contrast to adjectives, nouns are able to actualize several characteristics at once and construct an integral image of the object including its definite spatial characteristics.

The results of the factual data analysis has revealed the use of nouns as “assessment instruments” of the object’s physical criteria, which is conditioned by the peculiar feature of the human mind to perceive the world essentially in material, tangible “objectified” images. The high frequency of the measurement archetypes expressed by nouns explicitly signifies the tendency to the nominal thought representation in the English language as one of its distinctive traits. The thingness, as it were, appears to define, specify and facilitate the incoming data processing by the cognitive structures. Consequently, imagery or visualization may be treated as one of ways of reality conceptualization.

Keywords: *image; imagery; conceptualization; space; noun; adjective.*

Введение. Вследствие того, что все объекты реальной действительности имеют некоторое местоположение и вписываются в свое пространственное окружение, указание на положение предметов в пространстве является естественным для человека стремлением. Так, Е.С. Кубрякова отмечает, что различия в понимании пространства сводятся, в конечном счете, к тому, что «одно – отвлечено от человека наблюдателя, другое, напротив, “одушевлено” его присутствием» [7, с. 92].

Одной из отличительных характеристик когнитивного подхода к исследованию языковых единиц является возможность рассмотрения известных уже явлений в новом ракурсе. Так, например, представляющаяся вполне очевидной оппозиция «предмет» и «признак», представляющая собой основание для формирования базового категориального значения таких кардинальных частей речи как существительное и прилагательное, в рамках когнитив-

ного подхода обнаруживает, как представляется, некоторый новый потенциал для анализа.

Цель данной статьи – на материале английского языка проанализировать способность существительных выступать в качестве эталонов пространственных признаков, отражающих количественные свойства физических объектов и выявить специфику структуризации знаний в семантике существительных через анализ признаков, актуализирующихся в процессе репрезентации пространственных характеристик объектов.

Как известно, исторически существительное восходит к базисной диффузной категории имени, которая объединяла в себе значения собственно предметности, признаковости и количественности, на основе которых позднее выделились собственно объект, его признаки, а также число [5, с. 14]. Роль предметных существительных заключается в именовании и категоризации объектов и явлений действительности. Стратегия же отнесения к категории и приведение примеров той или иной категории, столь распространенные у существительных, с прилагательными «не работают» [8, с. 70]. Будучи признаковым именем, прилагательные в языке отражают качества и свойства, придавая субстанциональным сущностям различные оценки, свойства и качества. Роль существительного, таким образом, заключается в категоризации объектов и явлений действительности, а прилагательного – в осуществлении дескрипции.

Отметим, что сама идея предметности соотносима, прежде всего, с такими свойствами объектов реального мира, как форма, размер, цвет и т.д., чем и обусловлено наличие в языке прилагательных соответствующей семантики, приписывающих данные характеристики предметному имени.

Познавательный процесс, как известно, включает в себя обобщение, анализ, синтез, сравнение, противопоставление, воображе-

ние и т.д. Обобщение – это процесс отвлечения от различающихся признаков объектов при одновременном выделении их общих свойств. Воображение предполагает дорисовку, добавление не существующих в данный момент, но присутствующих в сознании признаков. Сравнение и противопоставление как неотъемлемые части процесса обобщения предполагают операции с признаками объектов. Сравнение состоит в выделении сходных признаков при отвлечении от различительных. Поскольку эти процессы основаны на операциях с признаками, то и понятие предметности тоже можно рассматривать как способ актуализации некоторых структур признаков. Предметность, образность восприятия и знания, познавательных процессов как таковых занимает важное место в речевой организации индивида, так же как и в психической организации в целом [1, с. 24–25].

Именно способностью существительных актуализировать сразу несколько признаков, конституируя целостный образ, вероятно и объясняется их использование во вторичной для данного класса слов атрибутивной функции. Рассмотрим пример:

1) *Susie, a savory, unfailingly sweet friend with short blond hair and a **toothpaste** smile, paid me amorous visits more and more often* [13, p. 4].

В данном примере выдвигание на роль эталона сравнения существительного **toothpaste** обусловлено актуализацией качественных сем в импликационале значения данного существительного, отражающих характерные для всего класса предметов «**toothpaste**» признаки, одним из которых, как представляется, можно считать признак «белый», что и позволяет интерпретировать сочетание **toothpaste smile** в терминах «белоснежная улыбка».

Поскольку человеку свойственно постоянно анализировать и сравнивать, то результатом сравнения некоторых образцов или

эталонов, которые, являясь результатом эмпирического познания окружающего мира, могут репрезентировать способ миропонимания и интерпретации окружающей действительности. Эталоны – это «то, в чем образно измеряется мир» [9, с. 44].

Выдвижение существительных на роль эталонов признака, вероятно, обусловлено наличием в лексическом значении существительного двух компонентов: предметного и признакового, что приводит к тому, что при семантическом анализе существительного само предметное понятие (семантема) предстает как «предметно-предикатное», т.е. часть сем на более глубинном уровне оказывается непредметной – нарастает количество «признаков» и уменьшается «предметная» основа значения существительного [4, с. 68–69].

Далее отметим, что без внимания исследователей не осталась способность существительных выступать в роли интенсификаторов признака, называемого прилагательным. Рассмотрим примеры подобного использования:

2) *He pulls back the **mint-green** bedspread and the **forest-green** blanket, and he pushes the small, square **mint-and-forest green** decorative pillows, the ones Meyer just bought, onto the floor, rolling his eyes* [2, p. 34].

3) *His silent temperament had kept him apart from the joking of the ministerial drivers in the courtyard; his **ice-cold** nerves and ability to drive fast and safely kept him De Gaulle's personal driver* [9, p. 13].

Как отмечает И.А. Везнер, в словосочетаниях адъективного типа, построенных по модели N – Adj интенсификация признака, называемого прилагательным, осуществляется за счёт использования имени, служащего эталоном данного признака. Обладая большой степенью выразительности, существительные, выступающие в роли интенсификаторов признака, способны выражать дополнительную информацию, показывая словесный

образ в новом, неожиданном аспекте или акцентируя, обогащая уже известные черты. Кроме того, в семантике данных существительных могут отражаться универсальные, присущие всему человечеству знания, а также идиоэтнические и индивидуальные знания [2, с. 7–12].

Подобные конструкции адъективного типа, указывающие, например, на наличие у характеризуемого предмета/лица определенных качеств, достаточно частотны в английском языке:

4) *She watches a man feed oysters to a beautiful red-haired woman...* [2, p. 56].

5) *There was one of a moon-faced boy gazing with shattered patience at the camera* [5, p. 259].

Как известно, одним из универсальных способов отражения результатов познания окружающего мира является экспликация пространственных качественных и количественных характеристик объектов. Поскольку объекты, находящиеся в пространстве, человек воспринимает одновременно с их ингерентными свойствами такими как, например, ширина, длина, высота, толщина и т.д., то представления о параметрических отношениях приводят к формированию системы параметрических прилагательных, мотивирующей основой семантики которых можно считать ментальную операцию вычленения у различных объектов реальности количественно измеримых свойств. Однако анализ фактического материала показал, что и существительные в английском языке способны достаточно ярко и нетривиально передавать и количественные характеристики такие как размерность за счёт конституируемого ими образа.

Так, знания о количественных свойствах объектов живой и неживой природы, полученные в процессе познания при помощи органов чувств, находят свою языковую репрезентацию в суще-

ствительных, выступающих в роли неконвенциональных эталонов размерности, отражающих субъективную параметрическую оценку, в основе которой лежит образное сравнение с неким типичным образцом какого-либо класса предметов. Обратимся к примерам:

6) *Keys didn't seem gratified when I handed him the **encyclopedia-thick** stack of curling sheets; he looked disappointed, and sent me off with a warning that next time it would be beating without the option* [7, p. 56].

7) *I watched as he approached the immigration official, who carefully studied Felipe's **bible-thick** Australian passport, scrutinizing every page, every mark, every hologram* [10, p.10].

В приведенных примерах достаточно неопределенный объем содержания дименсионального прилагательного **thick** как носителя признака размерности конкретизируется за счёт существительного, выступающего в роли эталона. Опора на предшествующее знание, на прецедентный образ-эталон, связанный с представлениями о параметрических характеристиках энциклопедии или какого-то внушительных размеров руководства являющегося своеобразной «библией» в определенной области знания, помогают осмыслить размерность объекта (или группы объектов) не в «размытых» терминах прилагательного, а в терминах конкретных предметов. Мыслительная операция категоризации по эталону способствует не только более точному, но и более простому и понятному для осмысления способу репрезентации знания. Заметим, что в качестве примера «развернутого» сравнения с тем же эталоном можно привести следующий контекст:

8) *Everyone had a **file thick as the Bible** in French police HQ* [9, p. 35].

Неконвенциональным эталоном толщины, отражающим различные аспекты индивидуального восприятия объектов действи-

тельности, можно считать и существительное *milk* в следующем примере:

9) *Esther sips her tea from her Spode cup. The cups, which are milk-thin and gilded and slide the tea into your throat as from a porcelain spoon, are a great comfort to her* [2, p. 78].

Известно, что в конце XVIII века Джозайа Споуд совершил переворот в истории фарфоровой промышленности, выведя совершенную формулу костяного фарфора, высочайшее качество которого стало классикой, отличаясь особенной блестящей белизной и изящной просвечиваемостью. Поскольку образ, в виде которого познаваемый объект или явление отражается в сознании, содержит некоторый набор признаков, именно профилирование признаков белизны и просвечиваемости обуславливает сравнение фарфора с молоком, выдвигая существительное *milk* на роль образного эталона сравнения.

Подобным образом функционирует и существительное *insect* в следующем примере:

10) *The frontier itself was one of those noble, striking barriers between one country and another; a high, long mountain up whose farther side we had toiled, insect-small and hardly moving in the vastness of landscape, all the morning* [14, p. 68].

Ментальные механизмы трансформации образов, связанных с представлениями об одном из самых маленьких по размеру классов животных – насекомых, лежат в основе формирования нового значения «маленький, как насекомое», выдвигая существительное *insect* на роль эталона размерности, языковым знаком, осуществляющим номинацию одной предметной области для обозначения другой. Отметим, что в подобных сочетаниях прилагательное выступает в роли сателлита, комплементирующего идею «маленький».

Для более наглядного сравнения функционирования существительных и прилагательных в качестве параметрических маркёров, приведём пример с использованием прилагательного:

11) *In the bottom right-hand corner was a decent-sized color photo of Mr. and Mrs. Carl Trudeau posing with their new acquisition* [11, p. 69].

Данные, полученные субъектом в процессе зрительного восприятия фотографии, способствовали формированию суждения о её размере как о ‘достаточном’, ‘приличном’, что не позволяет с точностью осмыслить реальные параметры фотографии, поскольку представления о некоей точке отсчёта, относительно которой происходит отклонение в направлении увеличения или уменьшения в значительной степени субъективны, а эталон соотносения отсутствует.

В отличие от номинации посредством прилагательного в примере № 11, указание на размер в терминах существительного в приведённом ниже примере кажется вполне определённым и точным:

12) *But I suppose that's what Cordelia and I looked like then, to older people, crossing the street right here with our collars turned up... swaggering in our rubber boots... on our way down to Union station where the trains came in, to put our quarters into the photo machine, four shots in monochrome, wallet-sized* [1, p. 132].

Отметим, что в качестве эталонов размера могут быть задействованы, как представляется, практически любые предметы повседневной жизни:

13) *Tyler's office was exactly the same as the one next door, except that the shelves had been half filled with files and coffee-table-sized books* [3, p. 27].

14) *The most accurate, I was surprised to see, was the little pocket-sized Sun* [7, p. 89].

15) *Ruth and Dara's houses on Snowdrop Park looked exactly the same on the outside: small, two-storey redbrick houses with a post-it-sized piece of garden at the front and a yard at the back* [12, p. 274].

Так, в примере № 13 в качестве эталона размерности выбран кофейный столик. Поскольку норма размерности у каждого класса объектов своя – это обычный, привычный для говорящих размер объектов данного класса, то использование существительного *coffee-table* позволяет интерпретировать размер книги скорее как ‘нетипично большой для данного класса предметов’. В примере № 14 представления о возможности размещения газеты внутри кармана становится определяющим для интерпретации её размера в терминах ‘маленький’. Сравнение же размеров сада в примере № 15 со стикерами – листками для заметок в виде блокнотов с клейкой стороной, которые впервые были произведены торговой маркой канцелярских товаров ‘Post-it’, позволяет осмыслить размеры сада как ‘крошечные’.

Результаты. Таким образом, представляется, что конструкция N – Adj, где существительное выступает в роли эталона пространственных признаков, является не только наиболее емкой и точной по сравнению с параметрической оценкой в терминах прилагательного, но и наиболее выпукло отражающей номинативный характер английского языка. Использование английских существительных в качестве эталонов размера, синкретично представляющих целый набор признаков за счёт конструируемого ими образа, вероятно, обусловлено общей тенденцией английского языка к номинативному представлению мысли как одной из его специфических особенностей, связанной с исторически сформировавшимся в рамках британской культуры уважением к факту и научной точности (см. [6]).

Отметим, что опора на эталон прослеживается и в других конструкциях в английском языке, связанных с выражением размерности. Так, сравнение размеров комнаты с ангаром в примере № 16 формирует образ очень просторного помещения:

16) *The doors parted silently, letting Bond, Darius and Zohreh into an enormous room, **the size of an air-craft hangar**, whose furthest wall contained a water-fall cascading over crimson-illuminated rocks into a pool of turquoise water in which a dozen naked women were swimming* [6, p. 137].

Напротив, на роль эталонов маленького размера традиционно выдвигаются существительные, обозначающие мелкие объекты. Профилирование признака 'очень маленький размер' задаёт образ, обуславливая их функционирование в качестве инструментов измерения различных по своей природе сущностей:

17) *My brain is **the size of a grape!*** [1, p. 279].

18) *What remains? Something nevertheless: **the size of a dried pea**, or even smaller* [14, p. 271].

Заметим также, что зачастую в основе номинации посредством существительных-эталонов размерности лежат сугубо индивидуальные смыслы, позволяющие количественно охарактеризовать не только физические свойства объектов реального мира, но и 'ненаблюдаемые', абстрактные понятия:

19) *Even if innocence had not been conclusively proved, there was now **a doubt the size of a barn door*** [8, p. 299]

Заключение. Подводя итог, отметим, что поскольку пространственные представления активно участвуют в формировании языковой картины мира, восприятие пространства прочно утвердилось в языке в разнообразных способах номинации параметрических характеристик.

Концептуализация параметрических характеристик объектов включает акт количественной оценки с точки зрения воспринима-

ющего субъекта, результатом которой становится описание пространственных и физических свойств объектов не только в конвенциональных единицах измерения, но и в образных индивидуально-авторских терминах – существительных-эталонах размерности, релевантных для субъекта оценки. В данных языковых единицах заключено знание или мнение наблюдателя об объекте действительности. Образы предметов внешнего мира, имеющиеся в сознании человека, есть не отражение объективно существующего материального мира, а его интерпретация субъектом познающим. Образность при этом можно может интерпретироваться как «особый способ концептуализации действительности, т.е. познание на базе зримых, визуально воспринимаемых признаков» [3, с. 72].

Поскольку параметрические характеристики типа размерности есть признаковость, способность существительного называть свойства объектов объясняется диффузностью границ между частями речи и наличием общих семантических зон, а также корреляцией концептуальных доменов качества, количества и пространства, непрерывностью концептуального пространства и континуальностью мышления в целом.

В отличие от существительного, прилагательные, обозначая отвлечённые от конкретных объектов свойства, характеризуются более сложной для осмысления структурой категориального значения. Предметное же имя, характеризуясь сложным набором признаков, уточняет, конкретизирует и облегчает переработку поступающей информации когнитивными структурами.

Список литературы

1. Барсук Л.В., Залевская А.А. Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. Тверь: ТГУ, 1999. 190 с.

2. Везнер И.А. Ассоциативный потенциал существительных и его реализация в процессах метафорической интенсификации (на материале английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол.наук. Барнаул, 2004. 21 с.
3. Гольдберг В.Б. Образность как способ концептуализации действительности (на материале образных глагольных сравнений) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №1. С. 64–75.
4. Гуревич В.В. О семантике глагола и существительного // Язык: теория, история, типология. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. С. 69–73.
5. Козлова Л.А. Неоднородность семантического пространства предметности и её экспликация в синтаксисе // Современное лингвистическое образование: Мир изучаемого языка. Барнаул, 2000. С. 12–19.
6. Козлова Л.А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего: монография. Барнаул: АлтГПА, 2009. 183 с.
7. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–92.
8. Лачина И.С. Исследование обратных ассоциаций ряда английских прилагательных // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. Сборник научных трудов. Тверь: ТГУ, 1991. С. 66–73.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Atwood M. *Cat's Eye*. Lnd.: Virago Press, 2004. 498 p.

2. Bloom A. *Away*. N.Y.: Random House, 2008. 275 p.
3. Clarke S. *Merde happens*. Transworld Publishers, 2008. 384 p.
4. Faulks S. *A Week in December*. Lnd.: Vintage, 2010. 392 p.
5. Faulks S. *Birdsong*. Lnd.: Vintage, 1994. 504 p.
6. Faulks S. *Devil May Care*. N. Y.: Vintage books, 2009. 386 p.
7. Faulks S. *Engleby*. Lnd.: Vintage Books, 2008. 342 p.
8. Forsyth F. *The Cobra*. Lnd.: Corgi Books, 2010. 447 p.
9. Forsyth F. *The Day of the Jackel*. Lnd.: Arrow Books, 2011. 412 p.
10. Gilbert E. *Committed*. Lnd.: Penguin Books, 2011. 344 p.
11. Grisham J. *The Appeal*. Lnd.: Arrow books, 2008. 501 p.
12. Kelly C. *Once in a Lifetime*. Lnd.: Harper, 2012. 469 p.
13. Millman D. *Way of the Peaceful Warrior*. New World Library, 2000. 217 p.
14. O'Brian P. *Collected Short Stories*. Lnd.: Flamingo, 1995. 276 p.

References

1. Barsuk L.V., Zalevskaya A.A. *Psikholingvisticheskie Problemy Funk-tsionirovaniya Slova v Leksikone Cheloveka* [Psychological Problems of Words Functioning in Human Lexicon]. Tver: TGU, 1999. 190 p.
2. Vezner I.A. *Assotsiativnyy potentsial sushchestvitel'nykh i ego realizatsiya v protsessakh metaforicheskoy intensifikatsii (na materiale angliyskogo yazyka)*. Avtoref. dis...kand. filol.nauk. [Noun Associative Potential and its Realization in the Processes of Metaphoric Emphasis Exemplified by the English Language. Abstract of theses cand. of Phil. Sci.]. Barnaul, 2004. 21 p.
3. Gol'dberg V.B. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Cognitive Linguistics Problems], no1 (2013): 64–75.
4. Gurevich V.V. *Yazyk: teoriya, istoriya, tipologiya* [Language: Theory, History, Typology]. Moscow: Editorial URSS, 2000: 69–73.

5. Kozlova L.A. *Sovremennoe lingvisticheskoe obrazovanie: Mir izuchae-mogo yazyka* [Modern Linguistic Education: the World of the Language under Study]. Barnaul, 2000: 12–19.
6. Kozlova L.A. *Etnokul'turnyyu potentsial grammaticheskogo stroya yazyka i ego realizatsiya v grammatike govoryashchego* [Ethno-cultural Potential of a Language Grammatical Structure and its Realization in the Grammar of the Speaker] Barnaul: AltGPA, 2009. 183 p.
7. Kubryakova E.S. *Logicheskyy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of a Language. The Languages of Space]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000:84-92.
8. Lachina I.S. *Problemy semantiki: psikholingvisticheskie issledovaniya* [The Problems of Semantics: Psycholinguistic Research]. Tver: TGU, 1991: 66–73.
9. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguocultural Studies]. Moscow: «Akademiya» Publ., 2010. 208 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Федяева Елена Владимировна, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, к. филол.н., доцент
*Новосибирский государственный технический университет
пр-т К. Маркса, д.20, г. Новосибирск, 630073, Россия
fedyaeva_lena@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Fedyaeva Elena Vladimirovna, Associate Professor of foreign languages Department, Humanities Faculty, Candidate of Philology
*Novosibirsk State Technical University
20, Prospekt K. Marksa, Novosibirsk, 630073, Russia
fedyaeva_lena@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-189-202

УДК 81-2

ХАРАКТЕРИСТИКИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ И ЕЁ ОТНОШЕНИЕ К СОЧЕТАНИЯМ СЛОВ

Цаголова Т.Т.

Цель: в статье излагается история осмысления категориальных отличий аналитических структур от свободных словосочетаний. Проводится внутренняя дифференциация аналитизмов на структуры дофразеологического и фразеологического уровней. Обсуждаются структурно-семантические характеристики аналитической единицы и её отношение к свободным и несвободным сочетаниям слов. Пересматривается традиционный взгляд на роль строевого элемента аналитической единицы как десемантизированного компонента. Определяются условия принятия знаменательным словом служебной функции при сохранении им лексико-семантического содержания в процессах означивания окружающей действительности и построении дискурса.

Метод проведения работы (предлагаю оставить м1 или м2): исследование проводилось в синхронно-сопоставительном плане на материале словосочетаний французского и русского языков, которые отмечены существенными различиями как собственно языковой, так и культурно-исторической природы.

Результаты: приобретение единого смысла на фоне распада синтаксических связей слов, когда эти связи становятся несущественными для восприятия смыслового содержания какого-либо сочетания, и делают это последнее аналитической единицей.

Исходной единицей становится слово, за которым следуют свободные словосочетания, характеризующиеся переменными со-

ставляющими. Завершают эту цепочку аналитические образования в их двух основных вариантах: а) аналитические структуры, отмеченные первичным импульсом лексической устойчивости; б) аналитические структуры, условно определяемые как завершившие разрушение внутренних синтаксических отношений и достигшие в лексической консолидации высшего предела.

Инвариантным принципом, дистанцирующим в двух сопоставляемых языках аналитические структуры и свободные словосочетания, является перераспределение ролевой и функциональной значимости между двумя конструктами: смысловым содержанием словосочетания и его синтаксическим обликом в пользу первого.

Область применения результатов: изложенный материал может быть использован в практической и теоретической лексикографии, в преподавании общей и сравнительной семасиологии. Исследование может оказать помощь учителю-словеснику в преподавании французского языка учащимся средних школ и вузов, учебные программы которых предполагают включение в них курсов культурологии и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: аналитическая конструкция; свободное сочетание слов; фразеологический фонд; лингвокультура; межъязыковые параллели; синтаксическая организация; грамматическая трансформация; преобразования, лексемы.

CHARACTERISTICS OF ANALYTICAL UNITS AND THEIR RELATION TO WORD COMBINATIONS

Tsagolova T.T.

Purpose: the article outlines the history of conceptualization of categorial differences between analytical structures and free collocations.

Analytisms are internally differentiated into structures of phraseological levels. The article discusses structural-semantic characteristics of analytical units and their relation to free word combinations and phraseological units.

Traditional view of the role of structural elements in analytical units as nonsemantic components is being redefined. Conditions of notional words assuming syncategorematic functions while retaining their lexical-semantic content in processes of designating the surrounding world and creating discourse are determined.

Methodology: the research was conducted by way of synchronized analysis and comparison on the material of word combinations in the French and Russian languages, which are characterized by substantial differences of purely linguistic, as well as cultural and historical nature.

Results: acquiring uniform meaning in the context of dissociation of syntactic links between words, when those links become irrelevant for perception of semantic content of any collocation and make the latter an analytical unit.

To conclude, words become basic units, which are followed by free collocations characterized by variable components. This chain is completed by analytical formations in their two basic variants: a) analytical structures distinguished by a primary impulse of lexical stability; b) analytical structures which can be tentatively defined as those that completed dissociation of internal syntactic relations and reached the highest point in lexical consolidation. The invariant principle, in accordance with which analytical structures and free collocations differ in two compared languages, means rearranging thematic and functional values between the two constructions – semantic content of a word combination and its syntactic form – in favour of the former.

Practical implications: the material set out in the article can be applied in theoretical and practical lexicography, in teaching general and

comparative semasiology. The research in question can be useful for teachers of the French language to students of secondary schools and higher educational institutions, where educational programmes can include cultural studies and intercultural communication courses.

Keywords: *analytical structures; free collocations; phraseological fund; linguoculture; interlinguistic parallels; syntactic organization; grammatical transformation; lexical items.*

Изучение аналитических структур имеет достаточно давнюю традицию. Известно, что одним из наиболее распространённых критериев разграничения свободного сочетания слов и аналитических конструкций служит разведение «лексических» и «формальных» слов, предлагаемое А.А. Потебней [14], «полных» и «частичных» слов в теории Ф.Ф. Фортунатова, а также слов «знаменательных» и «служебных», вводимое В.В. Виноградовым [8]. В капитальном труде, посвящённом описанию русской языковой системы, В.В. Виноградов пишет, что слова, способные к вычленению номинативной функции, лежат в основе формирования синтаксических единиц (словосочетаний, предложений) и фразеологических образований. Словам данного типа противостоят лексемы, лишённые номинативной функции и называемые по этой причине служебными. Этот тип лексических единиц соотносится с миром действительности лишь опосредованно, через слова-номинаторы. Подобные элементы, доказывает учёный, лежат на грани словаря и грамматики [8, с. 28-30, 41].

Отличительным признаком таких элементов является их явная десемантизация. Присутствие одного из них в любом словосочетании возводит это последнее в ранг аналитического построения. В наиболее зримой форме соотношение между свободным сочетанием слов и аналитической конструкцией обнаруживается в глагольных перифразах (начать бороться с чем-то / начать борьбу; commencer a

faire qch / commencer qch). Интерпретация глагольных компонентов как слов, лишённых (пусть даже частично) номинативной функции, и послужила основанием для определения таких моделей как аналитические конструкции [2, с. 48–54, 78–91], а это способствовало, в свою очередь, выведению этих структур за рамки обычных, то есть свободных словосочетаний, объединяющих какое-либо знаменательное и незнаменательное слово. Уместно привести в связи со сказанным мнение Г.А. Золотовой. Она полагает, что соединения таких однозначных слов, как «хотеть читать», «желание читать», «возможность прийти» и т.д. есть не что иное, как регулярные структурно-семантические модификации одного обозначения, представляющего определённый семантический класс явлений. Чтобы мысль Г.А. Золотовой стала более убеждающей, приведём один её аргумент в защиту аналитизма перечисленных соединений слов в виде цитаты: «Признав, что эти более или менее аналитические конструкции не являются сочетанием двух однозначных слов, мы получаем основание расценивать их связь как связь особого рода, не собственно синтаксическую» [13, с. 38–39].

Большую поддержку среди исследователей получило мнение Н.Н. Прокоповича о целесообразности объединения вспомогательных средств языка и слов, выполняющих в глагольных перифразах или именных сочетаниях роль модификатора, ориентированного на изменение основного признака семантического значения ключевого слова. Необходимость предлагаемой интеграции исследователь мотивирует тем, что средства такого рода не могут быть полноценными компонентами предложения без опоры на те слова, при которых они состоят, когда характер связующего их синтаксического отношения определяется отчасти либо как морфолого-синтаксический, либо как лексико-фразеологический [15, с. 129]. Роль слова в его связанных значениях оказывается, таким образом, совершенно

иной, чем функция этого же слова, выступающего в своём свободном употреблении. Основными признаками несвободного значения слова выступают 1) синсемантическая его лексического содержания; 2) неавтономность его узуальной функции; 3) необходимость в опорном элементе в процессах а) моделирование действительности и б) организация лексико-грамматического состава предложения; 4) прозрачность сопровождающих его пресуппозиций.

В.Н. Телия, развивая теоретические положения Н.Н. Прокоповича, утверждает, что слова в их связанных значениях, действительно, не могут выступать в качестве потенциального минимума предложения, но это их свойство обусловлено прежде всего их синсемантическим характером вследствие утраты (полной или хотя бы частичной) их вещественного содержания, способствуя, таким образом, вхождению этих слов в класс вспомогательных элементов языка, хотя далеко не всегда они лишаются номинативной функции.

В.Н. Телия доказывает, что глаголы в таких, например, сочетаниях, как «оказывать» (влияние), «вызывать» (гнев) должны быть включены, в соответствии со своей семантикой, в разряд служебных элементов, у которых вещественное содержание и грамматическая функция совпадают. Напротив, глагольные компоненты в сочетаниях типа «впасть в немилость», «взять реванш», «выбросить из памяти» описывают признаки определяемых ими субстантивных элементов за счёт своего лексического (вещественного) содержания. Совершенно ясно, считает В.Н. Телия, что, в отличие от подлинных аналитических конструкций, где роль служебного слова сводится к указанию на грамматическую модификацию знаменательного слова, в приведённых словосочетаниях (развязать войну, придти к решению и т.д.), глагол способен изменить значение ключевого слова не только грамматически, но и лексически «выбросить из памяти > забыть» [2, с. 89]. Н.С. Дмитриева, описывая подобные сочетания

(автор именует их глагольными перефразами), отмечает, что их наличие в системе языка оправдывается одним существенным фактом: они выражают какие-то новые оттенки смысла, фиксируют в своём значении один и тот же референт в каком-то новом ракурсе, под каким-то обновлённым углом зрения [11, с. 37].

Мнение Н.С. Дмитриевой об однореферентности (конечно же, несколько условной) сочетаний приведённого образца представляется настолько важным, что позволяет несколько усомниться в правомерности поставить под сомнение их аналитическую сущность, как это делает В.Н. Телия.

К сожалению, изучение аналитических конструкций продвигается достаточно медленно. Остаются ещё нерешёнными два существенных вопроса: 1) роль вспомогательных слов в аналитических сочетаниях и 2) характер синтаксической связи между компонентами этих последних. В своё время ещё Л.В. Щерба писал о том, что не выявлены полностью строевые элементы ни в одном, хорошо изученном языке (учёный имел в виду европейские языки) [16]. Вспомним также мнение В.Г. Гака, полагающего, что синтаксисты редко включают аналитические структуры в круг своих интересов, так как видят в них либо обычные словосочетания, либо элементы фразеологии. Учёный полагает, что роль аналитических построений в языке велика, и их использование составляет одну из его типологических характеристик.

Особенность аналитических структур, заключается, как полагает В.Г. Гак, не только в том, что в них реализуются такие элементы, для которых строевая функция является смыслом их бытия в языковой системе, но и в том, что в них могут обнаружиться даже знаменательные слова, тоже выступающие в служебной функции. Этот факт, по мнению В.Г. Гака, и затрудняет выделение строевых элементов, так как автономные по смыслу слова, обретая служебную роль, никогда не превращаются в элементарный синтаксический знак, семантиче-

ски полностью опустошённый. При этом В.Г. Гак подчёркивает, что инвариантным признаком аналитических структур является наличие в их составе одного компонента, который десемантизируется и, таким образом, превращается в строевой элемент. Учёный считает, что выявление строевых ресурсов лексики – это, прежде всего определение закономерностей приобретения словами служебной функции и нахождение тех семантических и синтаксических условий, которые этому способствуют [9, с. 150–234; 10, с. 114].

Но трудно утверждать, что задача, очерченная В.Г. Гаком, выполнена. Кроме уже упоминавшихся работ и разрозненных замечаний по поводу аналитических образований [1, с. 3–8; 4, с. 149–154; 3, с. 3, 136; 5, с. 168; 6, с. 152–166], а также сборника статей «Аналитические конструкции в языках различных типов» [2], в современных лексико-грамматических разысканиях не имеется специального исследования, посвящённого аналитическим единицам. Основную причину сложившегося положения вещей мы усматриваем в неоднородном характере самих аналитизмов. Всё дело в том, что наряду с аналитизмом собственно грамматической природы, допустимо говорить об аналитизме лексическом и грамматическом одновременно. Основным условием формирования такого типа аналитизма (то есть лексико-грамматического порядка) является наличие в составе словосочетания особого компонента, который служит не только строевым элементом, но, не утрачивая своего лексико-семантического значения, по-прежнему выполняет номинативную функцию для обозначения какого-либо отрезка окружающей действительности. Аналитизм этого вида проявляется в том, что один из компонентов словосочетания, сохраняя своё вещественное содержание, одновременно несёт в себе информацию о категориальных признаках ключевого слова и, следовательно, словосочетания в целом.

На основании сказанного можно сделать вывод, что аналитические отношения слагаются не только в словосочетаниях глагольно-

го типа, но и в сочетаниях именной природы, в которых слово не десемантизируется (хотя и претерпевает при этом ощутимые переосмысления), выполняя номинативную функцию и участвуя, таким образом, в процессах моделирования реального мира: белое вино, белый билет, красное колесо и т.д. Вместе с тем, следует учитывать, что эти элементы, сохраняя своё однозначное лексическое содержание, способны выполнить номинативную функцию лишь совместно с другим компонентом сочетания — ключевым словом, который всегда предстаёт как семантически определяемый конструкт.

Итак, изложенные суждения позволяют сделать ряд выводов:

1) в комплексе аналитических структур допустимо выделить два основных вида: глагольные и именные;

2) глагольные аналитические конструкции являют собой такой вид синтаксических единиц, в которых смысловой и грамматический фокус сосредоточен в двух неоднородных элементах: один из них (глагол), подвергаясь десемантизации, выполняет строевую функцию, становясь носителем категориальных признаков ключевого слова и, таким образом, всего словосочетания;

3) оба компонента смыслового и грамматического фокуса именных аналитизмов, сохраняя своё однозначное лексическое содержание, способны выполнить номинативную функцию лишь в их совместном взаимодействии;

4) следует поддержать мнение тех исследователей, которые утверждают определённые сходства между аналитическими структурами и фразеологическим фондом языка.

Основное внимание обращается на выявление сходств и различий, характеризующих аналитические структуры французского и русского языков. Конкретным материалом исследования выступают аналитические структуры, включающие в свой состав слова-номинаторы **белого, чёрного и красного** цветов. По мере необходимости,

используются также те структуры, которые строятся на номинации других сегментов цветового спектра: очевидно, уже а priori можно утверждать, что к числу словесных средств, требующих раскрытия внутренней формы или элементарного объяснения, допустимо отнести также и аналитические единицы. Вспомним, однако, общеизвестный факт, что ранние академические словари фиксируют их сравнительно редко, а именно – лишь в тех случаях, когда те или иные сочетания слов нуждаются в особом толковании. Зато поздние академические словари развили широкую практику включения в них аналитических единиц. С большой полнотой приводятся, когда речь идёт о характеристике всего спектра узуальных смыслов какого-л. слова, все допустимые с этим последним сочетания, образующие, например, сложные термины или же реализующие его несвободные значения. Аналитические единицы, связь которых со значением толкуемого слова оказывается не столь очевидной, выносятся за пределы лексических значений в особый раздел – в конец словарной статьи.

Несвободное значение составных элементов аналитической единицы – это её ведущий признак, непременно отмечаемый лексикографическими трудами. О высокой степени связанности составных элементов аналитической структуры пишет также А.И. Ефимов, выдвигающий в качестве основного критерия аналитичности какого-либо сочетания его непереводаемость или, по крайней мере, невозможность точного перевода на иные языковые системы. Причём, исследователь обращает исключительное внимание лишь на аналитические образования идиоматизированной природы [10].

Критерий полной или же частичной непереводаемости остаётся, бесспорно, одним из важных признаков в определении природы аналитической структуры, но, не будучи подкреплённым другими признаками, он оказывается не очень прочным, чтобы с достаточной достоверностью отличить аналитическую модель от свободного со-

четания слов, сформированного, как это известно, из переменных составляющих. Чтобы как можно яснее представить себе облик составных элементов аналитической единицы, необходимо обратиться к рассмотрению её смысловых и структурных особенностей.

Любые сочетания слов, равным образом, как и отдельное слово, строя дискурс, служат для обозначения каких-либо отрезков действительности или для выражения отношения к ней говорящего лица.

Список литературы

1. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения. М.: Наука, 1971. 293 с.
2. Аналитические конструкции в языках различных типов: Сборник статей. Отв. ред. В.М. Жирмунский и О.П. Суник. М., Л.: Наука, 1965.
3. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции. Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика. М.: Прогресс, 1982. Вып. 13. 432 с.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
5. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: ЛГУ, 1977. 204 с.
6. Бородина М.А. Синтез и анализ в современной и исторической грамматике французского языка. Аналитические конструкции в языках различных типов: Сборник статей. Отв. ред. В.М. Жирмунский и О.П. Суник. М., Л.: Наука, 1965. С. 152–166.
7. Будагов Р.А. История слов и история общества. М.: Просвещение, 1971. 270 с.
8. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Просвещение, 1972. 614 с.
9. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.

10. Гак В.Г. Беседы о французском слове: Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. Изд. 2-е, исправленное. М.: УРСС, 2004. 334 с.
11. Дмитриева Н.С. Процесс десемантизации глагола в составе субстантивных описаний. Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971. 37 с.
12. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1969. 262 с.
13. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Просвещение, 1973. 352 с.
14. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968. т. 3. 551 с.
15. Прокопович Н.Н. Об устойчивых сочетаниях аналитической структуры в русском языке советской эпохи. Мысли о современном русском языке. М.: Просвещение, 1969. С. 47–51.
16. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии словообразованию. История советского языкознания: Некоторые аспекты общей теории языка. М., 1988. С. 288-305.

References

1. Alisova T.B. *Ocherki sintaksisa sovremennogo ital'yanskogo yazyka: Semanticheskaya i grammaticheskaya struktura prostogo predlozheniya* [Essays on the modern Italian language syntax: Semantic and grammatical structure of a simple sentence]. М.: Nauka, 1971. 293 p.
2. *Analiticheskie konstrukcii v yazykax razlichnyx tipov* [Analytic design languages in different types] / V.M. Zhirmunskij, O.P. Sunik (ed.). М., L.: Nauka, 1965.
3. Arutyunova N.D. *Lingvisticheskie problemy referencii. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Logika i lingvistika* [Linguistic problems of reference. New in foreign linguistics. Logic and linguistics]. М.: Progress, 1982. Вып. 13. 432 p.

4. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problem* [The proposal and its meaning: Logical and semantic problems]. M.: Nauka, 1976. 383 p.
5. Bogdanov V.V. *Semantiko-sintaksicheskaya organizaciya predlozheniya* [The semantic and syntactic organization proposals]. L.: LGU, 1977. 204 p.
6. Borodina M.A. *Sintez i analiz v sovremennoj i istoricheskoy grammatike francuzskogo yazyka. Analiticheskie konstrukcii v yazykax razlichnyx tipov* [Synthesis and analysis of contemporary and historical grammar of the French language. Analytical design languages in different types] / V.M. Zhirmunskij, O.P. Sunik (ed.). M., L.: Nauka, 1965. Pp. 152–166.
7. Budagov R.A. *Istoriya slov i istoriya obshhestva* [History of words and the history of society]. M.: Prosveshhenie, 1971. 270 p.
8. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: grammar teaching of the word]. M.: Prosveshhenie, 1972. 614 p.
9. Gak V.G. *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1977. 264 p.
10. Gak V.G. *Besedy o francuzskom slove: Iz sravnitel'noj leksikologii francuzskogo i russkogo yazykov* [Conversations about the French word: From comparative lexicology of the French and Russian languages]. M.: URSS, 2004. 334 p.
11. Dmitrieva N.S. *Process dessemantizacii glagola v sostave substantivnyx opisaniy. Oчерki po semantike russkogo glagola* [Process dessemantizatsii verb as a part of the substantive descriptions. Essays on the semantics of the Russian verb]. Ufa, 1971. 37 p.
12. Efimov A.I. *Stilistika russkogo yazyka* [The style of the Russian language]. M.: Prosveshhenie, 1969. 2264 p.
13. Zolotova G.A. *Oчерk funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay functional syntax of the Russian language]. M.: Prosveshhenie, 1973. 352 p.

14. Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoj grammatike: ob izmenenii znacheniya i zamenax sushhestvitel'nogo* [From the notes on Russian grammar: to change the values and replace the noun]. M.: Prosveshhenie, 1968. T. 3. 551 p.
15. Prokopovich N.N. *Ob ustojchivykh sochetaniyax analiticheskoy struktury v russkom yazyke sovetskoj e'poxi. Mysli o sovremennom russkom yazyke* [Stable combinations of analytical framework in the Russian language of the Soviet era. Thoughts of the modern Russian language]. M.: Prosveshhenie, 1969. Pp. 47–51.
16. Shcherba L.V. *Opyt obshhej teorii leksikografii slovoobrazovaniyu. Istoriya sovetskogo yazykoznanija: Nekotorye aspekty obshhej teorii yazyka* [The experience of the general theory of lexicography, word-formation. The history of Soviet linguistics: Some aspects of the general theory of language]. M., 1988. Pp. 288–305.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Цаголова Татьяна Тамбиевна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Горский государственный аграрный университет
ул. Кирова, 37. г. Владикавказ, республика Северная Осетия – Алания, 362040, Россия
tsagolova@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tsagolova Tatiana Tambiyevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences
Gorskiy State Agricultural University
37, Kirova street, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362040, Russia
tsagolova@bk.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-203-212

УДК 811.161.1

СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ РОДСТВА В РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Чеботникова Т.А., Якимов П.А.

Статья посвящена анализу функционирования слов со значением родства в речевой практике носителей русского языка. Описывается динамика их выбора и употребления, обусловленная коммуникативной ситуацией. Выявляется факт перемещения названных слов из одной сферы употребления в другую, что приводит к ослаблению их прямого номинативного значения и десемантизации. Ставится вопрос о создании толковых словарей функционального типа, включающих информацию о коммуникативном потенциале слов и рекомендации для их адекватного использования в речевой практике.

Ключевые слова: *наименования лиц со значением родства; коммуникативная ситуация; коммуникативные обстоятельства; коммуникативный потенциал.*

THE KINSHIP WORDS FUNCTIONING IN THE NATIVE RUSSIANS' SPEECH PRACTICE

Chebotnikova T.A., Yakimov P.A.

The article analyzes the kinship words functioning in the native Russians' speech practice. It describes their selection dynamics and use, conditioned by the communicative situation. It reveals the fact of the words shift from one sphere to another, which leads to both their di-

rect nominative value weakening and desemantization. The point of the functional type dictionaries creation is raised that would include information on the words communicative potential as well as recommendations for appropriate use in speech practice.

Keywords: *naming of kinship personalities; communicative situation; communicative circumstances; communicative potential.*

Антропоцентричность современной научной парадигмы вообще и лингвистической в частности демонстрирует приверженность исследователей к изучению не языка как такового, «существующего в самом себе и для себя», а к исследованию языковых фактов с точки зрения функциональной, предполагающей учет коммуникативных обстоятельств, в состав которых включаются говорящий, слушающий, их возрастные, гендерные, социально-ролевые и иные особенности, а также внешние факторы. Такой подход представляется весьма актуальным, поскольку может позволить выявить тенденции развития современного русского литературного языка, прежде всего его лексического состава, наметить и оценить перспективы.

Настоящая статья посвящена анализу функционирования словнаименований со значением родства в устной речевой практике носителей русского языка.

Очевидно, что наименования лиц по родству встречаются преимущественно в бытовой обстановке, в ситуациях общения родных, знакомых, близких, где названная группа слов фиксируется прежде всего в позиции обращения, используемого с целью побудить собеседника слушать, привлечь его внимание, а также для выражения эмоционального состояния говорящего.

Наше внимание привлекло слово «мать», а также производные от него, функционирующие в речевой практике различных по статусу, возрасту, месту жительства, уровню образования и культуры носителей

русского языка: мать, мама, мамаша, мамка, матушка. Приведенный синонимический ряд может быть значительно расширен посредством включения в его состав диминутивов, экспрессивов, пейоративов.

Анализ показал, что перечисленные слова различаются не только сферой распространения, частотностью употребления, но и становятся «яркими диагносцирующими пятнами» портрета носителя региональной просторечной культуры [6, с. 113].

Так, для современного Оренбуржья свойственно активное использование слова «мамка», но не в значении, приведенном в толковом словаре как «кормилица», «нянька», а в значении «мать», т.е. «женщина по отношению к ее детям» [7, с. 277]. До 90-х годов XX века слово «мамка» в последнем значении встречалось преимущественно в речевой практике сельских жителей. В настоящее время не только в области, но и в областном центре (г. Оренбург) в связи с миграционными процессами, активным включением бывших сельских жителей в городскую жизнь частотность употребления слов «мама» (нейтр., лит.) и «мамка» (прост.) фактически равновелика. Причем в использовании слов «мама» и «мамка» имеется определенная специфика: просторечное безоценочное «мамка» употребляется в значении третьего лица: «мамка сказала», «мамка велела», «мамка купила», «мамка прислала», «мамка болеет», «скажи мамке своей», «как мамка себя чувствует?», «как мамка твоя?» и т. п. При непосредственном, контактном общении те же носители языка регулярно используют нейтральное слово «мама».

В детской речи в отрицательно-противительной конструкции: «Ты не мама, не мамочка, а мамка» слово «мамка» приобретает негативно-оценочное значение. Такое значение закреплено за «областным» словом «мамышна», зафиксированным Б.А. Моисеевым на территории Оренбургской области: «У, мамышна, что ты надела-ла?», «Ах, мамышна, зачем ты все рассказала соседям» [5, с. 91; 12].

Как видим, речевая практика предъявляет такие факты употребления языковых единиц, которые в очередной раз подтверждают правоту умозаключения Е.А. Земской, что живая разговорная речь/просторечие представляет собой «особый языковой, ментально-психологический и социальный мир, имеющий своеобразный кодекс речевого поведения» [2, с. 243].

Кроме этого, семантико-стилистические синонимы мать, мама, мамаша, матушка [1, с. 221] в речевой практике носителей русского языка в связи с использованием их в новом функциональном назначении в определенных коммуникативных ситуациях приобретают дополнительные оттенки значений. Так, утратив значение родства, слово «мать» (точно так же, как «отец») приобретает значение обобщения и используется в качестве ты-обращения к молодой женщине носителями языка, по терминологии О.Б. Сиротининой [9], фамильярно-разговорного типа речевой культуры: «Скажи, мать, как к речке пройти?», а наименование «мамаша» (так же, как и «папаша») используется как Вы-обращение: «Скажите, мамаша, как к речке пройти?». Обращение «мать»/«мамаша» социально маркировано: указывает на статус, уровень культуры, степень образованности, возраст адресата и адресанта.

Слово «мать» появляется также в позиции обращения в симметричной ситуации, а именно, в обиходно-разговорной речи ровесников, например, в диалоге шестнадцатилетних подруг: «Ну, ты, мать, даешь!», «Ты, мать, попала!», «Да ладно, мать, не расстраивайся ты так!» Также фамильярно-дружеское «мать» зафиксировано в финальной реплике диалога между юношей и девушкой: «Ну, пока! Не пропадай, мать!». Слово «мать», переместившись из одного пласта в другой, становясь компонентом молодежного жаргона, сленга, является не столько обращением, сколько маркером тональности общения, симметричности ситуации, равнозначности социальных позиций говорящих, а также весьма близких приятельских отношений

[4, с. 137]. Следует отметить, что слово «отец» в такой позиции не встречается. В аналогичной ситуации молодыми людьми используется слово «старик», которое так же, как и «мать» утрачивает свое прямое номинативное значение: «Ну, пока! Не пропадай, старик!»

Интересно, что в речевой практике носителей русского языка в словах «мать»/ «отец», «матушка» в случае присоединения к ним в постпозиции притяжательного местоимения «моя»/«мой» нивелируется значение родства и появляется (или проявляется?) качественно-оценочное значение неодобрения: «А ты (говорит бабушка внучке) скажи мне, кто надоумил тебя, а, мать моя?»; «Ты, матушка моя, думать должна, а не языком болтать что ни попадя!», «Ты об этом, матушка моя, и думать забудь!», «Ты, отец мой, выброси дурь-то из головы!». Такие формы наименований-обращений используются применительно к любому лицу женского/мужского пола, в том числе и к собственным детям и внукам, если их поведение не вызывает одобрения.

Слова «матушка»/ «батюшка» встречаются и при обращении к ребенку: «Что, ручку зашиб? Ой, ба-атюшко! Дай подую на ручку, и все пройдет!» Или: «Ой, ма-атушка! Ягодку тетке принесла? Ну, спасибо!» [8, с. 521]. Междометие «ой», специфика интонационного рисунка слов «матушка», «батюшка», а именно, удлинение в них ударного гласного, произнесение его на низких регистрах создает особый эмоциональный фон нежности, положительной оценочности, в результате чего появляется нечто среднее между обращением и междометным эмоционально-экспрессивным оборотом со значением жалости или умиления. Подобное употребление слов «матушка»/ «батюшка» отличается от традиционно используемых для передачи удивления, одобрения, восхищения, страха, испуга, изумления и т.п. эмоционально-экспрессивных оборотов живой речи: мамочка(-и) моя(-и)! Матушки!; Батюшки! Батюшки мои!, семантически и функционально равнозначных междометиям «Ах!»/«Ох!». Ср.: «Батюшки!/Матушки! Как хорошо-то здесь!; Ах!/Ох! Как хорошо-то здесь!»

Совершенно новое функциональное назначение в разговорно-фамильярной речи приобретает диминутив «мамочка»: «Ты заврался, мамочка Иван Григорьевич». В диминутиве «мамочка» происходит полная утрата семы родства: десемантизированное фамильярное «мамочка» применительно к лицу мужского пола выступает в значении, близком к словам «любезный», «дорогой», в качестве нейтрализатора слова «заврался», обладающего пейоративной оценочностью, и участвует в нивелировании потенциально возможной речевой агрессии и оптимизации речевого процесса [10, с. 182].

Варьирование наименованием лица со значением родства становится также способом формирования социального образа говорящего, своеобразной речевой тактикой самопрезентации, технологией речевого поведения. Так, подросток в разговоре с приятелем говорит: «Как же! Буду я мать (мамашку, маменьку, маман, мутер слушать!», «Моя мать (мамашка, маменька, маман, мутер) на дачу съехала! Хата свободна!», демонстрируя свою мнимую независимость, способность принимать самостоятельные решения. Интересно, что А.И. Куприным в рассказе «Святая ложь» зафиксирована аналогичная модель поведения:

– Вид у тебя неважный, Ванек, – говорит старушка и сухой рукой гладит руку сына, лежащую на столе. – Побледнел ты, усталый какой-то.

– Что поделаешь, маман. Служба. Я теперь, можно сказать, на виду. Мелкая сошка, а вся канцелярия на мне. Работаю буквально с утра до вечера. Как вол. Согласитесь, маман, надо же карьеру делать? [3, с. 324]. Комментарии автора, представленные в тексте рассказа, позволяют понять, что здесь мы имеем дело с типичной самопрезентацией, которая осуществляется посредством внесения изменений в привычную модель речевого поведения: «Этот робкий, забитый жизнью человек всегда во время коротких визитов к матери держится развязного независимого тона, подражая тем

светским «прикомандированным» шалопаем, *которых он прежде видел в канцелярии. Отсюда* и дурацкое слово «маман». Он всегда звал мать и теперь мысленно называет «мамой», «мамусенькой», «мамочкой» и всегда на «ты». Но в названии «маман» есть что-то беспечное и аристократическое» [11, с. 176].

Как видим, функциональная направленность исследования слов со значением родства позволяет выявить факт их перемещения из одной сферы употребления в другую. В частности, наблюдается тесное взаимодействие не только между разговорной и книжной разновидностями литературного языка, образующих разговорно-литературный стиль или тип, но и с некодифицированными компонентами национального языка – просторечием и жаргоном, в результате чего получают реализацию скрытые, порой неожиданные потенции их семантики и фактически неограниченные возможности употребления. При этом ни один из имеющихся словарей не содержит полной информации о ситуативных переменных лексических значений слов и их функционального назначения. Отсутствие таковых затрудняет практическое освоение языка и, как следствие, снижает уровень владения языком. В связи с этим представляется необходимым, значимым и своевременным создание толковых словарей функционального типа, включающих информацию о коммуникативном потенциале слов и рекомендации для адекватного их использования в речевой практике.

Список литературы

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1969. 600 с.
2. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. 668 с.
3. Куприн А.И. Святая ложь // Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1982. Т. 4. С. 316–328.

4. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.
5. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь / Б.А. Моисеев. Мин-во образования и науки РФ, Оренбург. гос. пед. ун-т. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 192 с.
6. Николаева Т.М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С. 112–131.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз. 1987. 750 с.
8. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
9. Сиротинина О.Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000. С. 240–251.
10. Чеботникова Т.А. Функциональные особенности обращения по признаку родства / Язык. Система. Личность: Материалы докладов и сообщений международной научной конференции. Екатеринбург, 23-25 апреля 1998 г. С. 183–185.
11. Чеботникова Т.А. Речевое поведение личности в дискурсе художественного произведения: роли, маски, образы: монография / Т.А. Чеботникова; Мин-во образования и науки РФ, Оренбург. гос. пед. ун-т. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 300 с.
12. Якимов П.А. Хрестоматия говоров Оренбуржья / П.А. Якимов. Оренбург: ГБУРЦРО, 2012. 31 с.

References

1. Alexandrova Z.E. *Slovar sinonimov russkogo yazyka* [The Russian Language Thesaurus]. Moscow. “Sov. Encyclopedia”, 1969. 600 p.
2. Zemskaya E.A. *Yazyk kak deyatelnost: morfema* [Language as Activity: Morpheme]. Word. Speech. Moscow, 2004. 668 p.
3. Kuprin, A.I. *Svyataya lozh* [Sacred Lie]. *Sobr. soch.:* in 5 v. Moscow. 1982. V. 4. Pp. 316–328.

4. Krysin L.P. *Sociolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka* [Sociolinguistic Aspects of the Study of Modern Russian Language]. Moscow: Nauka, 1989. 188 p.
5. Moiseev B.A. *Orebugsky oblastniy slovar* [Orenburg Regional Dictionary]. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Orenburg state ped. Univ. Orenburg Univ. Pub. House, 2010. 192 p.
6. Nikolaeva T.M. *Rechevye, kommunikativnye i mentalnye stereotypy: sociolingvisticheskaya distributsiya* [Speech, Communicative and Mental Stereotypes: Sociolinguistic Distribution]. Language as a Means of Broadcasting Culture. Moscow, 2000. Pp. 112–131.
7. Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka* [The Russian Language Dictionary]. Moscow: Russian language, 1987. 750 p.
8. Sannikov V.Z. *Russii yazyk v zerkale yazykovoi igry* [Russian Language in the Mirror of the Language Game]. Moscow: Slavic Culture Languages, 2002. 552 p.
9. Sirotinina O.B. *Russii yazyk v raznykh tipakh rechevykh kultur* [Russian Language in Different Types of Speech Culture]. Russian Language Today. Ed. L.P. Krysin. Moscow, 2000. Pp. 240–251.
10. Chebotnikova T.A. *Funktsionalnye osobennosti obrashcheniya po priznaku rodstva* [Functional Features of the Treatment on the Basis of Kinship]. Language. System. Personality: The Papers and Reports of International Academic Conference. Ekaterinburg, 23–25 April 1998. Pp. 183–185.
11. Chebotnikova T.A. *Rechevoe povedeniye lichnosti v diskurse hudozhestvennogo proizvedeniya: roli, maski, obrazy* [Speech Behavior of the Individual in the Discourse of Art: the Role of Masks, Images]: monograph. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Orenburg state ped. Univ. Orenburg Univ. Pub. House, 2011. 300 p.
12. Yakimov P.A. *Hrestomatiya govorov Orenburzh'ya* [Reading book of Orenburg Region Dialects]. Orenburg: GBU RCRO, 2012. 31 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Чеботникова Татьяна Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка, риторики и культуры речи
Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, 460014, Россия
chebotnikoff2@yandex.ru
SPIN-код в SCIENCE INDEX: 1920-5811

Якимов Петр Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи
Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, 460014, Россия
chebotnikoff2@yandex.ru
SPIN-код в SCIENCE INDEX: 7466-9326

DATA ABOUT THE AUTHORS

Chebotnikova Tatiana Alekseevna, Doctor of Philological Sciences, Docent, Head of the Department of Modern Russian Language, Rhetoric and Speech Culture
Orenburg State Pedagogical University
19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460014, Russia
chebotnikoff2@yandex.ru

Yakimov Petr Anatolyevich, Candidate of Pedagogic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Modern Russian Language, Rhetoric and Speech Culture
Orenburg State Pedagogical University
19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460014, Russia
chebotnikoff2@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ STUDIES IN PHILOSOPHY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-213-225

УДК 378.18

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Дорохина Р.В.

Студенческие организации – это не только форма самовыражения, это постоянная борьба за права и свободы всего студенчества. Главной ценностью которого была академическая свобода. Почему возникали студенческие сообщества, какие преследовали цели и добровольно возлагали на себя миссии, против чего боролись и чего добились? Это вопросы, которыми задавалось всё студенчество в целом. Лишь в России данные вопросы приобрели не форму диалога, а борьбы.

Ключевые слова: *студенческие организации; академическая свобода; товарищество; образование.*

THE ACTIVITIES OF STUDENT ORGANIZATIONS OF THE MOSCOW UNIVERSITY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Dorokhina R.V.

Student organizations are not only a form of personal expression; it is a constant struggle for the rights and freedoms of all students. Their

main value was the academic freedom. Why did student communities occur? Which goals did they pursue and which missions did they willingly commit themselves? What did they fight against? And what they have achieved? These are the questions which were set by all students in general. But only in Russia these issues were transformed not in the form of dialogue but in the form of struggles.

Keywords: *student organizations; academic freedom; partnership; education.*

Студенческая жизнь Московского университета, начиная с первых лет его существования, ознаменовалась созданием различных студенческих обществ: союзов, корпораций, землячеств. Создавались подобные организации как самими студентами, так и преподавателями. Само функционирование студенческих организаций говорит о желании академического сообщества активно участвовать в научной и общественной жизни университета. Все студенческие организации в Московском университете изначально преследовали просветительские цели. Просвещение через литературный обзор, написание критических статей, обсуждение литературных новинок, написание словарей и учебников. Много позднее студенческие организации, такие как землячества, союзы, кассы взаимопомощи, ставили своей целью оказание помощи членам организации, попавшим в сложное материальное положение. Студенческие организации Московского университета представляли собой не стихийно сложившиеся, а четко продуманные по своим целям, деятельности и составу общества, куда помимо студентов и профессоров входили аристократы-интеллектуалы.

Во второй половине XVIII века, в 1757 году, на базе Московского университета образовалась первая студенческая организация, имевшая своей целью ведение диспутов по научной проблематике.

Данное интеллектуальное сообщество, таким образом, изначально преследовало академические цели. Помимо секционных выступлений, в конце каждого месяца выбирались самые лучшие, а по окончании учебного года проводилась конференция с изданием статей в университетских журналах. Но, как отмечает русский историк и политический деятель рубежа XIX–XX вв. С. Мельгунов: «Мысль организовать студентов для более успешной их научной и просветительной деятельности приняла реальную форму только через двадцать лет...» [5, с. 7]. Студенческие корпорации как формы студенческих организаций в Российской империи существовали лишь в Тартуском университете. В Московском, Санкт-Петербургском, Киевском, Харьковском и др. университетах как форме студенческих организаций можно было говорить о землячествах, научных клубах и кружковой деятельности.

Вольное Российское Собрание

В 1771 году куратор Императорского Московского Университета И.И. Мелиссино опубликовал в еженедельном журнале «Ведомости» объявление, что «вознамерился для исправления и обогащения Российского языка, через издание полезных, а особливо к наставлению юношества потребных, сочинений и переводов, стихами и прозой, учредить в Москве Вольное Российское Собрание» [8, с. 182]. Цель общества: Разработка русского языка, сбор и публикация исторических источников. Работы над словарем русского языка. Председателем данного общества был сам Мелиссино, его заместителем директор М.В. Приклонский, секретарем профессор красноречия А.А. Барсов. Вольное Российское Собрание создало ограниченное количество членских мест, лимит которых не должен был превышать 51, в число которых входили студенты университета, число же почетных членов не ограничивалось. В почетном членстве данного

научно-литературного общества состояли П.А. Алексеев, княгиня Е.Р. Дашкова, М.М. Херасков, Г.Р. Державин и др.

Первое заседание Вольного Российского Собрания состоялось 2 августа 1771 года, с этого момента официально началась история литературного научного общества. Вольное Российское Собрание занималось исключительно академическим трудом на литературной ниве, в частности составляли словари: «Словарь церковный», «Введение к Астраханской топографии», «Географический словарь», «Словарь Российский»; с 1774 по 1778 годы было выпущено 4 тома «Опыт трудов Вольного Российского Собрания». Помимо составления словарей, ценнейших трудов научного общества, его члены занимались переводами книг с языка оригинала трудов известных философов, поэтов, писателей, исторических хроник, публиковали старинные документы, летописи, статьи и собственные произведения.

Студенты Вольного Российского Собрания в свою очередь не отставали в научной деятельности от своих наставников и профессоров. Коллежский ассессор Н.И. Батыш-Каменский издал два латинских учебника «Риторику Бургия» – 1776 г., внесший существенные дополнения в виде русских примеров и примечаний, куда также внес список книг, вышедших на русском языке вместо книг на немецком; второй учебник – «Латинская философия Баумейстера», достаточно ценная и редкая книга в студенческой среде, что и послужило поводом для ее издания. Другой студент И. Грибнер перевел «Сто четыре Священные истории из Ветхого и Нового Завета»; Р. Гвоздиковский с французского языка перевел работу юриста де Лашалота, в русском варианте звучащую как «Опыт народного воспитания или чертеж наук, в пользу юношества»; А. Байбаков издал «Правила политические» для студентов, обучающихся в Академии (духовной).

Эти студенты являлись теми из немногих, кто занимался научно-просветительской деятельностью, видя в ней свое призвание. Прделанная же работа со стороны студентов тем не менее была мотивирована предложением князя П.И. Репнина, который в 1771 году, т.е. в самом начале работы общества, предложил учредить премии за лучшие работы. Премий было три, за две лучшие работы давалось по 100 рублей серебром, а за третью работу – 50. «Первая задача была: указать ближайшие и лучшие средства и правила к усовершенствованию и обогащению языка, в особенности Российского; вторая: изготовить нравоучение, на подобие катехизиса, которое для юношества могло бы служить верным руководством; третья: Латинские технические термины по приложенному списку, или совершенно удобными для постоянного употребления способом перевести по-русски равнозначными словами, или по крайней мере достаточно объяснить» [8, с. 203]. Предложение подобного рода, поступившее от князя Репнина, послужило отправной точкой в конкуренции между студентами.

Функционировало Вольное Российское Собрание вплоть до 1783 года. Одновременно с ликвидацией литературно-научного общества возникает новая организация «Дружеское ученое общество» под руководством Н.И. Новикова.

Дружеское ученое общество

Начиная с 1781 года профессор И.Г. Шварц основывает студенческое общество «Собрание университетских питомцев для упражнения в сочинениях и переводах», целью которого было «усовершенствование российского языка и литературы через сочинения и переводы» [7, с. 203] и, немного позже «Дружеское ученое общество», дату основания последнего Мельгунов указывает 1787 год. По мнению А.А. Бахтиярова – автора труда «История книги на

Руси» – студенческое объединение «Дружеское ученое общество» официально было открыто в 1782 году. Основателем же данного общества, по мнению Бахтиярова, был не профессор Шварц, а Новиков Н.И. – известный общественный деятель, издатель и журналист, который был также основателем «Собрания университетских питомцев». Заслуга Новикова состоит в том, что он учредил два данных общества благодаря вовремя поданной идеи профессора Шварца.

Членами «Дружеского ученого общества» были представители знатнейших фамилий русского дворянства – это князья Трубецкие, князь А.А. Черкасский, князь А.И. Вяземский, А.М. Кутузов, Н.М. Карамзин, князь М.П. Репин, князь А.Н. Долгоруков, И.В. Лопухин и др. Как основатели и идейные руководители «Дружеского ученого общества» Н.И. Новиков и И.Г. Шварц, так и другие члены данного студенческого общества, а их больше половины, принадлежали к интеллектуальному течению – франкмасонству. Также, как и американское студенческое братство «Phi Beta Карра», образованное шестью годами ранее в Вильямсбурге (штат Вирджиния, США), «Дружеское ученое общество», как организация, всячески отрицало свою связь с масонами и другими подобными объединениями позиционируя себя исключительно как академическое общество.

Цель «Дружеского ученого общества» – «издавать книги духовные и наставляющие в нравственности и истине евангельской, переводя глубочайших о сем писателей на иностранных языках, и содействовать хорошему воспитанию, помогая особо готовившимся на проповедь Слова Божия» [1, с. 133]. Несмотря на то, что студенческое общество изначально поставило своими целями академическое и нравственное ориентирование, это не мешало ему заниматься филантропией. Так как в членстве состояли люди не

только знатные по происхождению и по заслугам, но и состоятельные, соответственно они и помогали нуждающимся. «Притчей во языцех» стал член данного общества миллионер Г.М. Походяшин, который отдал всё свое состояние (по сведениям современников оно составляло 1 млн рублей, по другим данным – 3 млн рублей) для помощи бедным и нуждающимся.

«Дружеское ученое общество» в полной мере оправдало свое название. Помимо того, что члены общества занимались переводом книг, анализом как русских, так и иностранных произведений, в 1784 году общество открыло свою типографию, где издавало книги не только разных авторов и мыслителей, но и произведения своих членов.

По примеру европейских студенческих корпораций и обществ «Дружеское ученое общество» купило дом по улице Садовой, где разместило свою типографию, аптеку и прочие учреждения. В это время стали с опаской относиться к франкмасонскому учению, подозревая его в сектантстве, проповедующем оккультизм и мистицизм. Под подозрение попала не только деятельность общества, но и сами его члены. Н.И. Новикова за причастность к масонской организации в 1792 году арестовали и сослали в Шлиссельбургскую крепость. С этого момента деятельность типографии остановилась, а вместе с ней и «Дружеского ученое общества».

После войны 1812 года в Российской Империи, как и в европейских странах, не только в студенческой среде, но, можно сказать, повсеместно происходили одинаковые процессы – формирование тайных обществ с целью изменения действующего политического строя и введения Конституции. В это время происходил небывалый подъем патриотизма в стране, и те, кто, разгромив армию Наполеона, прошедшие половину Европы, вернувшись в Россию, увидели все недостатки в родной стране: бесправное положение крестьян, мел-

кой и средней буржуазии, собственническое отношение дворянства, цензура, безграмотность населения. Подобные проблемы увидели не только образованная интеллигенция, но и обычные солдаты. Пришло время вопросов «почему у нас так?». Именно с этого момента для решения данных проблем в России стали возникать тайные общества (масонские ложи в данный перечень не входят, в русскую землю они пришли раньше, в 1731 году и имели другие цели и задачи), к ним мы можем отнести «Союз Спасения», «Союз Благоденствия» разделившийся на «Северное» и «Южное тайное общество».

Для первой четверти XIX века в академической среде характерно создание различных научных обществ и кружков, отличительной особенностью которых был состав членов. Это были не только студенты и профессура, но и жаждущие до знания люди (преимущественно дворянство и интеллигенция), которым была небезинтересна судьба отечественной науки и страны в целом.

Landsmanchafft

В 30-е гг. XIX века в Московском университете появилась первая студенческая корпорация. Я.И. Костенецкий (русский писатель, участник Кавказских походов) на страницах журнала «Русский архив» описывает события, происходившие в ту пору в студенческой среде. Студенческий корпоративный дух, характерный для немецкого студенчества, привезли в Московский университет дерптские студенты «... по случаю каких-то строгостей в Дерптском университете, перешли из этого университета в Московский человек до двадцати студентов юридического факультета. Они, соединясь с Московскими студентами немцами, образовали свое Landsmanchafft...» [3, с. 334]. Студенты-корпоранты привезли в Москву не только дух академической свободы, но и все обычаи и традиции, свойственные корпоративному укладу европейского студенчества. Костенецкого поразило

обращение в товарищеской среде друг к другу на ты, независимо от социального статуса, где все в корпорации являются братьями.

Корпоранты нанимали большое просторное помещение для частых (почти ежедневных) встреч, где занимались фехтованием, устраивали по вечерам пирушки, «варили глентвейн, который потом пили, пели разные немецкие песни и знаменитое *Gaudeamus*» [3, с. 334]. Помимо столь демократичного обхождения в кругу товарищей и подобных пирушек, приглашенных студентов из Московского университета, а их в данной корпорации было двое (Костенецкий и его друг П.А. Антонов), привлекали тренировки ума, где на собраниях обсуждались политические идеи и поднимались философские вопросы, велись дискуссии и прения, можно было выступить со своим сочинением и обсудить его. Столь чуждый дух академической свободы, характерный для европейского студенчества был воспринят московскими студентами в условиях цензуры и надзора как глоток свежего воздуха. Именно академическая свобода, выступающая как главная ценность самовыражения, была привлекательна для российских студентов. Немаловажную роль в формировании положительного мнения о корпорации сыграл дух товарищества, проявляющийся не столько во взаимопомощи, сколько в стремлении к общей цели, направленной как на благо всей корпорации, так и каждого ее члена в частности.

«Тайное студенческое общество»

В Московском университете в 1827 году студент Н. Лушников был арестован за попытку возмутить солдат и офицеров кремлевской гауптвахты, предупреждая таковых, что «тайное студенческое общество» готовится выпустить листовки с прокламациями, возбуждая таким образом ненависть в народе против монархической формы правления. По этому делу под арест попало много студентов, среди кото-

рых были братья Критские, они и дали имя этому делу «Дело братьев Критских». Студенты настаивали на том, что состоят в тайном обществе, но комиссия, призванная заниматься рассмотрением этого дела не нашла следов «тайного общества», а лишь то, что студенты, находящиеся под следствием, «сближаясь с разными лицами, выдавали себя за членов тайного общества и желали конституционного образа правления» [6, с. 195]. Комиссия дело посчитала не столь значительным и студентов не стали предавать суду, некоторых просто отправили в Шлюссельбург, Швартольм и Соловки, а остальных сослали.

Немаловажную роль в принятии решений о создании в студенческой среде разнообразных кружков, союзов и обществ сыграло «Дело братьев Критских», именно это дело стало отправной точкой для создания таковых. Стоит отметить, что изначально все студенческие союзы и кружки в Российской империи имели политическую окраску, а сами студенты участвовали в политическом движении. В 30-х годах XIX века довольно большая часть студентов объединялась в союзы. Существовали кружки А. Герцена и Н. Огарева, Н.В. Станкевича, помещика Тамбовской губернии Н.П. Сунгурова, который организовал кружок, завязавший отношения со студентами. Убеждая студентов, что тайное общество, по делу которого проходили братья Критские, не уничтожено, призывал вступить в него с целью введения республиканского строя в России. Данный кружок имел чисто политическое ориентирование, где обсуждались вопросы о взяточничестве чиновников, их казнокрадстве, несправедливости судей и бедствиях простого народа. Подобный строй мыслей и проблемы, выносившиеся на обсуждение, в конечном итоге привлекли внимание властей, вследствие чего кружок закрыли в 1832 году. Решение суда по делу Сунгурова было следующим: Сунгурова сослать на каторгу, Гурова (его родственника – *Р.Д.*) – в Сибирь на поселение; «нас пятерых, лишив дворянского достоинства, записать

в рядовые: меня (Костенецкого Я.И. – Р.Д.) и Антоновича – в Кавказский корпус, Кноблоха и Кольрейфа – в Оренбургский, а Кошевского – в Тобольский корпус; остальных же (а нас всех набрали подсудимых человек до тридцати, разного звания людей) то под аресты в крепости, то на гауптвахты и проч...» [4, с. 234]. Дело помещика Сунгурова было достаточно запутанно, были даны абсолютно разные показания всех участников его кружка. Основная его масса состояла из студентов, но те вообще отрицали свое участие в данном кружке, настаивая на том, что заходили лишь послушать Сунгурова и поговорить исключительно о проблемах студенчества, почему стали увольнять лучших профессоров, перестали читать лекции по праву и истории, не более того, выказывая тем самым свое возмущение против подобных решений, которые и так еще слабую систему образования подрывают такими кардинальными действиями.

В начале XX века студенчество приобретает новую конфигурацию «студенческую политическую субкультуру» [2, с. 286]. Российское студенчество из университетского поля переместилось на политическую арену. Студентов как интеллектуалов и как будущую элиту страны пытались заполучить к себе различные политические партии. В партиях различного толка студенты наконец-то смогли найти идейных союзников и свободу самовыражения. С одной стороны, студенчество нашло для себя площадку где возможно было не только вслух говорить о назревших в обществе и стране проблемах, но и пытаться решать таковые. С другой стороны, с появлением подобных площадок для активных действий по преобразованию существующего политического строя, к чему стремился каждый образованный человек, привело к тому, что в студенческих обществах, землячествах и корпорациях отпала надобность. Таким образом деятельность студенческих объединений сама по себе сошла на нет. Все вопросы касательно российского студенчества стали ре-

шаться в партиях. После октября 1917 года большевистская власть полностью ликвидировала все студенческие объединения, а вместе с ними старые университетские порядки, разрешив поступать в высшую школу рабочим и крестьянам, поставив таким образом новую систему образования на «новые пролетарские рельсы».

Список литературы

1. Бахтияров А.А. История книги на Руси. СПб., 1890. С. 133.
2. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца IX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. С. 45.
3. Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни// Русский архив. 1887. №3. С. 321–350.
4. Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни// Русский архив. 1887. №6. С. 217–242.
5. Мельгунов С. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М.: Издание журнала «Правда», 1904. 71 с.
6. Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700–1895). Ростов на Дону: Донская речь, 1905. 187 с.
7. Феофанов А.М. Студенчество Московского университета второй половины XVI – первой четверти XIX в. Диссертация канд. ист. наук: 07.00.02, М., 2006. С. 203.
8. Шевырев С.П. История Императорского Московского Университета. М.: Университетская типография, 1855. С. 182.

References

1. Bahtiarov A.A. *Istoriya knigi na Rusi* [The history books in Russia]. SPb., 1890. P. 133.
2. Ivanov A.E. *Studencheskaya korporaciya Rossii konca IX – nachala XX veka: opyt kul'turnoj i politicheskoy samoorganizacii* [Student Russian cor-

- poration end IX – beginning of the twentieth century: the experience of the cultural and political self-organization]. M.: Novyj hronograf, 2004. P. 45.
3. Kosteneckij Ya.I. *Russkij arhiv*. 1887. №3. Pp. 321–350.
 4. Kosteneckij Ya.I. *Russkij arhiv*. 1887. №6. Pp. 217–242.
 5. Mel'gunov S. *Iz istorii studencheskikh obshchestv v russkikh universitetah* [From the history of student societies in Russian universities]. M.: Izdanie zhurnala «Pravda», 1904. 71 p.
 6. Svatikov S.G. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii (1700–1895)* [Social Movement in Russia (1700-1895)]. Rostov na Donu: Donskaya rech', 1905. 187 p.
 7. Feofanov A.M. *Studenchestvo Moskovskogo universiteta vtoroj poloviny XVI – pervoj chetverti XIX v.* [Students of the Moscow University of the second half of XVI – first quarter of XIX century]. M., 2006. P. 203.
 8. Shevyrev S.P. *Istoriya Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta* [History of the Imperial Moscow University]. M.: Universitetskaya tipografiya, 1855. P.182.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Дорохина Римма Викторовна, старший преподаватель, кандидат философских наук
Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
ул. 20-летия Октября, 84, г. Воронеж, 394006, Россия
dor-rimma@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dorokhina Rimma Viktorovna, Senior Lecturer, Ph.D. in Philosophy
Sociology and History Chair
Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
84, 20 years of October str., Voronezh, 394006, Russia
dor-rimma@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-226-233

УДК 1 (091)

(МЕТА)ФИЗИКА ТЕЛА ТОМАСА ГОББСА

Никулина А.Г.

Цель. Статья посвящена актуальной в условиях современной политико-экономической реальности теме архитектоники государства. Предметом анализа выступают физико-онтологическая и социально-политическая доктрины Т. Гоббса. Автор ставит целью раскрыть категорию тела в качестве исконного понятия гоббсовской метафизики.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют герменевтический, феноменологический и компаративистский методы, а также принцип историко-философской реконструкции.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор эксплицирует сущность гоббсовской максимы о том, что человек в полной мере может познать лишь то, что он сам способен сделать. В качестве такого артефакта в философии Т. Гоббса выступает тело, причём не природно-физическое, а социально-политическое, учреждаемое самим человеком. Автор делает предположение, что новоевропейский проект «социальной физики» можно считать прообразом деятельностной теоретико-эпистемической модели описания социальной реальности.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере социально-политического проектирования и прогнозирования.

Ключевые слова: *тело; человек; общество; государство; артефакт; свобода; метафизика тела.*

(META)PHYSICS OF THE BODY THOMAS HOBBS

Nikulina A.G.

Purpose. The article is devoted to the topical in modern political-economic reality theme of architectonics of the state. The subject of analysis is the physical-ontological and social-political doctrines T. Hobbes. The author aims to reveal the category of the body as the primordial concept of Hobbes' metaphysics.

Methodology. The basis of the research is the hermeneutic, phenomenological and comparative methods and the principle of the historical-philosophical reconstruction.

Results. The results of the study are that the author explicates the essence of Hobbes' maxim that man can fully know only what he himself can do. As such an artifact in the philosophy of T. Hobbes is the body, and the social-political body, established by the man himself. The author supposes that the modern European project "social physics" can be considered a prototype of active theoretical-epistemic model describing social reality.

Practical implications. The results of the study can be applied in the sphere of socio-political planning and forecasting.

Keywords: body; man; society; state; artifact; liberty; metaphysics of the body.

Понятие тела относится к разряду тех, которые мы вроде бы знаем, но объяснить не можем именно в силу их фундаментальности и простоты. Это первый парадокс, с которым мы сталкиваемся в тщетных попытках ответить на «пустячный», казалось бы, вопрос «что такое тело». Каждый из нас, вопреки Картезию, знаком с телом, прежде всего, как с априорной данностью собственной экзистенции, утратив которую перестаёшь существовать. Р. Декарт, усомнившись

в основаниях человеческого бытия и поставив под вопрос факт своего существования, отбросил тело как чужеродный придаток и вынес его за скобки метафизики. Наперекор ему Т. Гоббс утверждал, что единственной материей, с которой имеет дело философия, является тело. Под последним он понимал «всё то, что не зависит от нашего мышления и совпадает с какой-нибудь частью пространства, то есть имеет с ней равную протяжённость» [1, с. 146]. Таким образом, тело представляет собой такую *res extensa*, которая характеризуется теми или иными количественными показателями. Главным атрибутом тела выступает вещественность, отождествляемая мыслителем с протяжённостью. Следовательно, философия Т. Гоббса оказывается на деле физикой тела, раскрывающей его истинную природу и законы, по которым оно функционирует.

Однако Т. Гоббс пошёл дальше. «Физика тела» – лишь первый шаг, задуманный мыслителем. Программа-максимум – раскрыть сущность тела как такового. Он утверждает, что в опыте человек соприкасается с данностью тела, причём само тело бытийственно: «Видя какой-нибудь дальний предмет неясно и не будучи ещё в состоянии определить, что это такое, мы всё-таки уже ощущаем в этом предмете то, в силу чего он называется телом» [2, с. 75]. Другими словами, сущность сущего открывается нам как тело. Следовательно, тело понимается Т. Гоббсом не в анатомическом и даже не физическом, а в предельном, метафизическом смысле как субстанция и первофеномен. Он приходит к парадоксальному на первый взгляд заключению: «Слова субстанция и тело означают одно и то же» [1, с. 304]. Перед нами уже не физика тела, имеющая дело с телом как субстратом, постигаемым только в количественном аспекте, а метафизика тела [5, с. 119–152], раскрывающая тело в ином качестве – как праснову бытия. Итак, философия Т. Гоббса впервые обосновывает тело в статусе субстанции: даже мысли как идеальные образования – тоже тела, поскольку их можно конструировать и исчислять.

От понятия тела как такового мыслитель переходит к различным проекциям тела. Согласно Т. Гоббсу, универсум представляет собой совокупность всех тел – как естественно возникших (природные явления), так и искусственно созданных (социум и государство). Очевидно поэтому трактат «Основы философии» он задумал как трилогию, раскрывающую принципиальные отличия функционирования различных видов тел. В первой главе «О теле» говорится о бытии физических тел. За ней следует раздел «О человеке», толкующий об уникальных природных телах, обладающих атрибутом мышления. В заключении «О гражданине» речь идёт о социально-политических телах, сознательно конструируемых *res cogito* для решения своих проблем. Тело как объект физики постигается лишь постольку, поскольку оно обладает различными атрибутами и акциденциями – протяжением, формой, величиной. Особый род тел образуют тела, наделённые мышлением и речью. Уникальность человека заключается ещё и в том, что в нём «уживаются» две природы: во-первых, человеческий организм представляет собой физическое тело и в этом смысле изучается с точки зрения естественных наук, во-вторых, он выступает неотъемлемой частью политического тела, а значит, социогуманитарные науки тоже делают человека предметом своего исследования. Отличительным атрибутом человека, выделяющим и даже возвышающим его среди прочих природных тел, выступает мышление. Благодаря последнему он способен продуцировать знаки и метки, выступающие в качестве соответствующих наименований мысли. Те и другие выполняют эвристическую и координирующую роль в философии, науке, культуре, обществе и государстве.

Т. Гоббс приходит к парадоксальному, на первый взгляд, заключению о том, что «рассуждать значит то же самое, что складывать и вычитать» [2, с. 74]. Он объясняет это тем, что тело в его эмпири-

ческой данности предстаёт как геометрическая фигура, атрибуты которой поддаются счёту и измерению: тело можно разложить на составляющие и комбинировать их на основе строго определённых правил. Таким образом, в Новое время мышление приобретает статус исчисляющего логоса, познание артикулируется как суждение, а философия эксплицируется как логика. Неслучайно в иерархии наук Т. Гоббса первостепенное значение отводится логике. Сохраняя со времён Аристотеля статус органа познания, логика в Новое время эксплицируется, выражаясь терминологией И. Канта, как «критика чистого разума», направленная на осмысление и реорганизацию его познавательных потенций.

В Новое время человек посредством меток придавал всему существу онтологический смысл – будь то физические, природные тела или же социально-политические и гражданско-правовые. Согласно Т. Гоббсу, человечество как субъект и агент истории в своём бытии прошло две стадии: догосударственную и государственную. Первая стадия знаменуется «войной всех против всех», когда господствует «естественное состояние», свойственное от природы всем людям. В «естественном состоянии» свобода оборачивается произволом и беспорядками, а деятельность разума блокирована различного рода идолами и аффектами. В догосударственный период свобода становится разрушительной, обременительной для самого человеческого существования, поскольку она ведёт человека к небытию и погружает его в сферу Ничто. Согласно М. Хайдеггеру, именно Ничто образует проблему смысла [4, с. 23–28]: человек посредством меток и знаков как бы заново учреждал окружающий мир – и бытие природных тел, и гражданское тело совместного общежития. В результате исчисляющей деятельности разума и заключения «общественного договора» возникает государство, которое Т. Гоббс предпочитает называть политическим телом.

Согласно Т. Гоббсу, договор представляет собой конвенцию, заключённую «разумными» хищниками под давлением взаимопасных для них жизненных обстоятельств. В гражданском состоянии на смену произволу приходит моральный логос разума, а анархия сменяется естественным законом и системой правосознания. Разум на правах естественного закона не только организует жизнь отдельно взятого индивида, но и реорганизует социальную систему совместного общежития. Каждый гражданин государства должен строго следовать букве закона. Законы как изобретения человеческого разума носят условный характер, причём творцом законов должен быть тот, кто им повинуется – свободный гражданин государства, который превыше всего ставит идеал общего блага и справедливости. Цель государства как политического тела заключается в обеспечении и поддержании оптимального функционирования социума, при котором безусловной ценностью провозглашается человеческая личность и гарантируются её неотъемлемые права на жизнь, свободу и собственность. Вот, в том числе, почему в Новое время остро осознаётся критическая потребность в науке о гражданском общежитии, которая раскрывает действительную природу человека. Ж.-Ж. Руссо полагал, что все прочие «науки и искусства обязаны своим происхождением нашим порокам: так, «астрономия родилась из суеверий; красноречие – из честолюбия; геометрия – из скупости; физика – из праздного любопытства» [3, с. 19], а наука об обществе, государстве и правосознании формируется благодаря ответственному мышлению человека, который стремится воссоздать и поддерживать оптимальные условия своего существования.

Т. Гоббс утверждает, что государство – это то же тело, та же субстанция, только перенесённая на общественно-политическую ткань бытия. Если поиском причин функционирования природных тел занимается физика, то изучение закономерностей и законов полити-

ческих тел – первостепенная задача «социальной физики». Получается, что политическое тело также исчислимо в принципе: мы имеем дело с механикой гражданско-правового тела, конструируемого самим человеком. Отсюда становится понятным смысл гоббсовской максимы о том, что человек в полной мере может познать лишь то, что он сам способен сделать. Ведь человеческому разуму более доступен государственный механизм, учреждаемый им самим, нежели бытие природных тел, существующих помимо нашей воли и сознания. Поэтому самой благородной и почётной оказывается не метафизика, постигающая сущее как таковое (как у Аристотеля), и не физика, раскрывающая истинную структуру мироздания (как у И. Ньютона), а «социальная физика», или наука об обществе, государстве и правосознании. Эта последняя наиболее ценна в числе прочих наук, поскольку она одна способна раскрыть, выражаясь метафорой Ф. Ницше, «человеческое в человеке» и помочь ему до конца постичь собственную природу и подлинное предназначение.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018a1 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

Список литературы

1. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 3–545.
2. Гоббс Т. Основы философии // Гоббс Т. Соч.: в 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т. 1. С. 66–573.
3. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение, получившее премию Дижонской Академии в 1750 году по вопросу, предложенному этой же Академией: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» // Руссо Ж.-Ж. Трататы. М.: Наука, 1969. С. 9–30.

4. Хайдеггер М. Что такое метафизика // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 23–37.
5. Jessep D.M. *Hobbesian Mechanics*. *Oxford Studies in Early Modern Philosophy*, no 3 (2006): 119–152.

References

1. Hobbes T. *Leviathan, or the Matter, Forme, and Power of a Common Wealth, Ecclesiasticall and Civil*. *Sochineniya v 2-kh tomakh*. Moscow: Mysl', 1991. Vol. 2. Pp. 3–545.
2. Hobbes T. *Elements of Philosophy*. *Sochineniya v 2-kh tomakh*. Moscow: Mysl', 1991. Vol. 1. Pp. 66–573.
3. Rousseau J.-J. *A Discourse on the Moral Effects of the Arts and Sciences*. *Traktaty*. Moscow: Nauka, 1969. Pp. 9–30.
4. Heidegger M. *What Is Metaphysics? Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya*. St. Petersburg: Nauka, 2007. Pp. 23–37.
5. Jessep D.M. *Hobbesian Mechanics*. *Oxford Studies in Early Modern Philosophy*, no 3 (2006): 119–152.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Никулина Анжелика Геннадьевна, старший преподаватель кафедры философии, кандидат философских наук
Курский государственный медицинский университет
ул. Карла Маркса, 3, г. Курск, Курская область, 305041, Россия
angelica2301@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nikulina Anzhelika Gennadevna, Senior Lecturer, Department of Philosophy, Ph. D. in Philosophy
Kursk State Medical University
3, Karl Marks Str., Kursk, Kurskaya oblast, 305041, Russia
angelica2301@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-234-242

УДК 1 (09)

ТРОПОЛОГИКА РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ

Соболев Ю.В.

В статье рассматривается феномен религиозной веры и смысловые тропосы веры в религиозной культуре. В частности, внимание акцентировано на неоднозначности бытования понятия «вера» как в области собственно религиозного знания, так и в сфере гуманитарных наук. Обращаясь к методам сравнительного религиоведения и «археологической» аналитики, выявляются специфические компоненты религиозных культов, и их корреляция с понятиями «вера», «знание», «закон», «разум». Особо акцентирована область духовной практики и её аутентификации с текстами Священных Писаний. Аналитический обзор осуществляется на примере таких религиозных систем как буддизм, иудаизм, христианство и ислам. Результатируется, что не всякая религиозная система отождествляет себя с понятием «вера», и религиозная самоидентификация выявляет собственную специфику культа. Лишь в христианстве вера занимает центральное место, понимаемая как способ бытия человека, как живой опыт богообщения.

***Ключевые слова:** вера; религиозная вера; знание; Бог; буддизм; христианство; ислам.*

TROPOLOGY OF RELIGIOUS BELIEF

Sobolev Y.V.

In the article the phenomenon of religious belief and semantic “troposa” of belief in religious culture is considered. In particular, the at-

attention is focused on the ambiguity of the existence of the concept “belief” in both the field of actually religious knowledge and in the sphere of humanities. Addressing to methods of comparative religious studies and “archaeological” analytics, specific components of religious cults and their correlation with the concepts “belief”, “knowledge”, “law” and “reason” come to light. The area of spiritual practice and its authentication with texts of the scripture is especially highlighted. The analytic survey is carried out on the example of such religious systems as the Buddhism, Judaism, Christianity and Islam. As a result there are not any religious systems identifying themselves with the concept “belief”, and religious self-identification reveals its own specifics of a cult. Only in Christianity the belief takes the central place, understood as the way of a person’s life as live experience of communication with the God.

Keywords: *belief; religious belief; knowledge; God; Buddhism; Christianity; Islam.*

Исследование веры предполагает обращение к целому ряду областей гуманитарного знания, в которых, в той или иной степени, затронуты различные аспекты этого многогранного феномена: богословие, философия, психология, социология. На сегодняшний день можно обозначить, главным образом, два способа исследования феномена веры. Первый способ предполагает рассмотрение прагматики и динамики веры в широком историко-культурном контексте, через осмысление её ценности и специфики функционирования в этом поле; второй способ – «археологический», направленный на выявление духовных констант религиозной жизни.

Обратившись к «археологической» методологии, мы увидим, что понятие «религиозная вера», как «деятельность человека, исходящая из его представления о наличии сверхчеловеческого бытия»[7, с. 7], отличается от расхожего (традиционного) понимания веры, хотя одно-

временно и пытается удержать многое из того, что содержится в его коренном значении. В первую очередь это касается гносеологического аспекта, и потому в мире светской культуры приоритетная позиция в вопросах познания отводится рациональному знанию. Между тем, такое представление вырастает из логико-контекстуального упущения, так как фразы «я верю, что завтра будет дождь» и «я верю в Бога» – обнаруживают разные типы и уровни веры. Еще одним из распространённых современных заблуждений является отождествление веры и религиозности, хотя не всякая религиозная система отождествляет себя с понятием «вера», а такая самоидентификация помогает выявить собственную внутреннюю специфику культа, ибо «разным формам религиозного опыта внешне соответствуют фигуры языка» [2, с. 324]. Так, например, древнеиндийские религиозные системы (главным образом, ортодоксальные школы) работают отнюдь не с верой, а с тем, что нашими привычными понятийными способами можно выразить такими дефинитивами как «реальность» и «иллюзорность». Как, впрочем, и представителям неортодоксальных учений, предположим – инду-суджайну или буддисту, не придёт в голову сопрягать свои отношения с божественным миром со словом «вера».

Говоря о фундаментальных положениях (они же – отличия) тех или иных религиозных систем, будет в корне неверным исключить из их глоссария понятие «вера». Несмотря на чрезвычайно *рациональную* платформу буддийского знания, что и делает его отличным от всех остальных религиозных учений, слово «вера» буддисту хорошо знакомо. «Вера – обязательная отправная точка всех видов духовной жизни. Что это такое? В интеллектуальном смысле она – доверяющее согласие с доктриной, которая не подтверждается тотчас же посредством доступного, ясного, основанного на фактах доказательства. С точки зрения волеизъявления она подразумевает решительный и смелый акт воли, в эмоциональном отно-

шении – это состояние безмятежности и ясности», – пишет один из именитых буддологов современности Э. Конзе [4, с. 11]. Несложно заметить, что место веры в буддийской доктрине специфично: с одной стороны, вера есть «доверяющее согласие с доктриной» (с этим нельзя не согласиться, это, безусловно, относится ко всем видам духовной культуры); с другой – это волевой акт, подчинённый разумной деятельности (внимательности); с третьей – вера представляет собой одну из «кардинальных добродетелей» [4, с. 11], наряду с силой, внимательностью, сосредоточением и мудростью.

Для иудея – Закон Яхве (Тора) – вот то основание, которое определяет весь набор его действий, и не будет большой ошибкой сказать, что древнему еврею – язычнику (как и вообще человеку древнего мира) был чужд опыт веры, сама вера. Так, одним из сакральных смыслов исхода еврейского народа из египетского плена, и водительство его Богом на протяжении сорока лет по пустыне заключается, согласно толкованиям, в избавлении от рабского плена не лишь физического, но и ложного духовного знания, через опыт возрастания от уровня языческого знания до уровня божественного закона. Если внимательно вчитаться в книгу Исхода, то перед нами развернётся удивительная картина (единственная в истории!) учительства Богом человека *вере* через *доверие* – первую ступень веры. Философ-экзистенциалист М. Бубер в своей работе «Два образа веры», сопоставляя иудейский и христианский опыт веры, убедительно показывает различие ветхозаветной веры-доверия (эмуны) и новозаветной греческой веры-знания (пистис) (сходную мысль высказывает и русский философ С.Франк): «...характер эмуны в переводе словом «вера» выражается недостаточно полно, хотя глагол, от которого образовано имя «эмуна», довольно часто означает «верить» (кому-либо, во что-либо). В дальнейшем нужно принимать во внимание то обстоятельство, что понятие «эмуна» включает в себя обоюдосвязанные стороны устой-

чивости: активную – «верность» и рецептивную – «доверие». /.../ И верность и доверие проявляются в реальной сфере отношения между двумя существами. Только в полной реальности подобного отношения можно быть как верным, так и доверяющим» [1, с. 248].

Ислам – одна из ветвей авраамического религиозного древа – корень «веры» имеет в самоназвании: «ислам», «муслим» – *верность, верный*. Однако поставить здесь знак тождества между верой и верностью нельзя. В исламе по настоящий день нет единого понимания «веры» – *иман*. «Неопределенность Корана в этом принципиальном вопросе обусловила разногласия среди мусульман. В силу неразделенности религии и права в раннем исламе проблема «веры» занимала как богословов, так и правоведов. Начиная с VIII в. понятие «вера» становится предметом дискуссий и расхождений между различными богословскими и религиозно-правовыми школами» [6, с. 100]. Так, в частности, исламскими богословами принято подразделять веру на три вида: «вера на основе традиции; вера на основе знания; вера как внутренняя убежденность» [6, с. 100]. Правовое понимание имана, *веры как закона*, во многом помогает раскрыть природу и логику ислама. Для мусульманина основное – свидетельство верности (шахада), – быть верным, преданным Единому Богу в соблюдении его законов. Поэтому отношения мусульманина со Всевышним выстраиваются на уровне отношений *Бога* и Его *свидетеля* (дословно – шахида). От свидетеля не требуется вера в то, свидетелем, очевидцем чего он стал – очевидность в вере не нуждается, – и в этом контексте, Бог *очевиден* для мусульманина в своём законе (Шариат). Поэтому отнюдь не случайно *знание*, а также изучение и научение, объявляются Мухаммадом выше молитвы и поста: «Один час получения знаний дороже, чем целую ночь простоять на молитве; один день приобретения знаний дороже, чем три месяца поста»; «Спросите же обладателей знания, если сами вы не знаете» («Пчё-

лы», 43), «... и говори: «Господь мой, прибавь мне знание!» («Таха, 114»); «Достоинство знания выше, чем достоинство поклонения (достоверный хадис, Саких аль-джамии, (4214))»; «Приобретение знание лучше, чем дополнительная молитва (Аш-Шафий)»[9].

Лишь в христианстве слово вера исполнено тем смыслом, которым, как правило, обыденное сознание связывает внутреннее содержание и внешнее выражение всякого религиозного культа: «Вера есть в конечном счете *встреча человеческой души с Богом*, явление Бога человеческой душе» [8, с.449]. Не случайно единственная дефиция, встречающаяся в Новом Завете, посвящена вере: «*Вера же есть существование ожидаемого и уверенность в невидимом*»(Евр.11:1). Более того, слово «вера» в Новом Завете встречается 36 раз, а слово «веровать» – 11 раз. Причем всякий раз это не эпизодический оборот речи, но апелляция к центральному смыслу выражения – к вере. Вот лишь несколько мест: «Он сказал ей: дерзай, дочь! вера твоя спасла тебя; иди с миром (Лк. 8:48)»; «Иисус сказал ему: прозри! вера твоя спасла тебя» (Лк. 8:42); « Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2:26); «Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему (Мк. 9:23)»; «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мк. 16:16); «Иисус говорит ей: не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию? (Ин.11:40)».

В заключение приведем слова современных христианских богословов: «Христианский «Символ веры» начинается словом «верую». Многим это слово кажется архаичным, темным и дремучим. А я вижу тут признак высокой философской культуры. /.../ При чем же здесь высокая философская культура? Да при том, что философия как раз и учит сомневаться в себе и в том, что кажется тебе очевидным. Вот и христианство своим подчеркнутым «верую» признает, что не всё и не всем оно может доказать и показать», – поясняя

ет отечественный философ и богослов А. Кураев [5, с. 36], а понтифик Иоанн Павел II в своей знаменитой энциклике «Вера и разум» писал: «Вновь подтверждается фундаментальная гармония между философским познанием и познанием веры: вера требует, чтобы ее объект постигался разумом; разум, достигая вершины поисков, признает, насколько необходимо ему то, что являет вера» [3, с. 42].

Резюмируя, необходимо акцентировать следующее:

- не всякая религиозная система отождествляет себя с понятием «вера», и религиозная самоидентификация выявляет собственную внутреннюю специфику культа;
- в буддийской доктрине место веры специфично: с одной стороны, вера понимается как «доверяющее согласие с доктриной»; с другой – это волевой акт, подчинённый разумной деятельности (внимательности); с третьей – вера представляет собой одну из «кардинальных добродетелей», наряду с силой, внимательностью, сосредоточением и мудростью;
- иудейский опыт веры базируется на ветхозаветном законе как вере-доверии (эмуны), предшествующей новозаветной греческой вере-знанию (пистис) (концепция Бубера–Франка);
- в христианстве вера занимает центральное место (вероучение), понимаемая как способ бытия человека, как явление Бога человеческой душе, как живой опыт, пережитый всей общиной, всем Телом Церкви.

Список литературы

1. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
2. Зильберман Д. Генезис значения в философии индуизма. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 448 с.
3. Иоанн Павел II. Энциклика «Вера и разум» (FIDES ET RATIO), 14.09.1998. М.: Издательство Францисканцев, 1999. 151 с.

4. Конзе Э. Буддийская медитация. М.: Изд-во МГУ, 1993. 144 с.
5. Кураев А. Бог изумляющий // Фома. 2005. №1(24). С. 36–39.
6. Прозоров С. М. Иман // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Наука, 1991. 315 с.
7. Соболев Ю.В. Религиоведение: учеб. пособие для студентов. Ч.1. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2012. 108 с.
8. Франк С.Л. С нами Бог. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 750 с.
9. Шихабуддин Абу Малик Дыйауддин ибн Раджаб. Уникальное пособие для ищущих знание. Islamhouse, 2010. http://d1.islamhouse.com/data/ru/ih_books/single/ru_

References

1. Buber M. *Dva obraza very* [Two images of belief]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 464 p.
2. Zilberman D. *Genezis znachenia v filosofii induizma* [Genesis of value in Hinduism philosophy]. Moscow: Editorial URSS Publ., 1995. 464 p.
3. John Paul II. *Entsiklika «Vera I razum»* (FIDES ET RATIO) [Belief and reason]. Moscow: Franciscans Publ., 1999. 151 p.
4. Konze E. *Buddiiskaiya meditatsia* [Buddhist meditation]. Moscow: MGU Publ., 1993. 144 p.
5. Kuraev A. *Bog izumlyayushchii* [God amazing]. Foma, №1(24) (2011): 36–39.
6. Prozorov S.N. *Iman* [Iman]. *Nauka: Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: encyclopedic dictionary]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 315 p.
7. Sobolev Y.V. *Religiovedenie* [Religious studies]. P.1. Krasnoyarsk: SibGTU Publ., 2012. 108 p.
8. Frank S.L. *S name Bog* [With us God]. Moscow: ООО «AST Publ.», 2003. 750 p.
9. Shihabuddin Abu Malik Dyiaauidin ibn Radzhab. *Unikal'noe posobie dlya ishchushih znanie* [Unique grant for looking for knowledge]. Islamhouse, 2010. http://d1.islamhouse.com/data/ru/ih_books/single/ru_

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Соболев Юрий Викторович, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент
*Сибирский государственный технологический университет
пр. Мира, 82, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
ysob@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Sobolev Yuri Victorovich, Associate Professor of Philosophy, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
*Siberian State Technological University
82, Mira ave., Krasnoyarsk, 660049, Russia
ysob@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-243-253

УДК 130.2

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Толкачева В.А.

Цель. Цель данной статьи заключается в анализе современных подходов к исследованию культурной памяти, в осмыслении принципов и механизмов презентации памяти, в выявлении наиболее подходящего подхода, учитывая современные условия. Под современными условиями автор статьи понимает растущее влияние виртуальной составляющей на все сферы жизнедеятельности человека. Предметом анализа является культурная память.

Метод или методология проведения работы. Методологической основой исследования стали феноменологический, семиотический, герменевтический и конструктивистский подходы к изучению культурной памяти. Основными методами являются теоретический анализ, изучение литературы.

Результаты. В течение двух последних десятилетий в гуманитарных науках исследования, обращенные к памяти, занимают особое место. Изучение началось с исследования индивидуальной памяти, позднее появились работы, связанные с культурной памятью целых поколений. Современные исследования отражают особенности памяти с разных точек зрения (психологической, философской, культурологической, социологической и др.). Однако при исследовании памяти сегодня необходимо учитывать один очень важный аспект – влияние сети Интернет на сохранение культурной памяти.

Результаты работы заключаются в том, что автор анализирует ряд современных подходов и формулирует наиболее полно отражающий современное отношение общества к формам сохранения культурной памяти. В качестве наиболее перспективного автор рассматривает конструктивистский подход.

Область применения результатов. Статья может представлять интерес для специалистов в области культурологии, философии, истории. Результаты могут быть применены как в теоретических исследованиях, так и в учебном процессе.

Ключевые слова: *культурная память; феноменологический, семиотический, герменевтический, конструктивистский подходы.*

THE APPROACHES TO THE CULTURAL MEMORY STUDYING IN THE MODERN CONDITIONS

Tolkacheva V.A.

Purpose. The purpose of this article consists in the analysis of the modern approaches to research of the cultural memory, in judgment of the principles and mechanisms of memory presentation, in identification of the most suitable approach that considers modern conditions. As "modern conditions" the author of article sees the growing influence of a virtual component on all spheres of activity of the person. The subject of the analysis is the cultural memory.

Methodology. Phenomenological, semiotics, hermeneutic and constructivist approaches to studying of the cultural memory became a methodological basis of the research. The main methods are the theoretical analysis, studying of literature.

Results. Within two last decades the research on a perspective of memory were allocated in a special branch in the humanities. The studying

began with the research of the individual memory, later there were works connected with the cultural memory of the whole generations. Modern researches reflect features of memory from the different points of view (psychological, philosophical, sociological, cultural studies, etc.). However by the memory studies it is necessary to consider a very important aspect – the influence of the Internet on preservation of the cultural memory.

As the result of the work are the author analyzes a number of modern approaches and formulates the most fully reflecting the modern relation of society to forms of preservation of cultural memory. As the most perspective approach the author considers the constructivist one.

Practical implications. The article can be of interest to the experts in the field of cultural science, philosophy, history. The results can be applied both in theoretical researches, and in educational process.

Keywords: *cultural memory; phenomenological, semiotics, hermeneutic, constructivist approaches.*

Введение

В течение двух последних десятилетий в гуманитарных науках работы, обращенные к памяти, занимают особое место. Изучение началось с исследования индивидуальной памяти, позднее появились работы, связанные с культурной памятью целых поколений [3, с. 157]. Со временем менялся не только предмет изучения, менялись цели. Еще два-три десятилетия назад можно было говорить о памяти как инструменте сохранения культурного наследия, передачи важной информации о событиях прошлого будущим поколениям. Теперь все чаще встречаются такие понятия как «поиск идентичности» и «инструмент манипуляции». Поиск идентичности обычно связывают с кризисными явлениями в общественной, политической и экономической деятельности. Эту тенденцию можно наблюдать сегодня не в отдельно взятой стране, а по всему миру.

Актуальность данной работы заключается в том, чтобы проанализировав различные подходы к исследованию культурной памяти, определить тот, которые поможет адекватно и полно отразить жизнь современного общества в условиях экспансии виртуального мира. В виртуальном мире нет границ, нет запретов, фактически нет отметок о том, что представленная информация является официальной, достоверной, проверенной. Читателю предстоит сделать самостоятельные выводы о прочитанном. Часто человек при этом опирается на критерий убедительности текста, изображения, что не всегда является синонимом правдивости. Новизна работы заключается в том, что в российской философии культуры впервые ставится проблема отражения культурной памяти в виртуальном пространстве.

Цель работы

Цель данной статьи заключается в анализе современных подходов к исследованию культурной памяти, в осмыслении принципов и механизмов презентации памяти. Задачи исследования – анализ подходов к изучению культурной памяти, выявление наиболее подходящего подхода с учетом современных условий, т.е. влияния виртуальной реальности на формирование и трансформацию культурной памяти.

Результаты исследования

В современной науке рассматриваются несколько подходов к исследованию культурной памяти. Автором статьи были проанализированы наиболее распространенные из них – феноменологический, семиотический, герменевтический и конструктивистский подходы.

Говоря о понятии «культурная память», за основу следует взять идеи Я. Ассмана. В конце XX в. немецкий египтолог Я. Ассман представил теорию культурной памяти, в которой обозначил задачи ее изучения в таком научном направлении как «история памяти»

[4, с. 22]. Культурную память он описывает как некую символическую форму передачи и актуализации культурных смыслов. Данная форма выходит за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняет традиции данного общества. Она является формализованной и ритуализованной. Такая память выражается в мемориальных знаках разного рода – в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках. Следующему поколению передаются на все образцы памяти, а лишь те, которые стали наиболее значимыми [9, с. 177–180].

Анализ подходов к исследованию памяти следует начать с феноменологического подхода. Его в целом связывают с именем немецкого философа Э. Гуссерля, основателя феноменологии. Сущность данного подхода определяется понятиями «ноэзис» и «ноэма», которые обозначают предмет, конституируемый сознанием, и сам способ конституирования. Предметом конституирования становится воспоминание человека как фрагмент непрерывного временного потока сознания. Рассуждая о памяти и воспоминании, Э. Гуссерль описывает сознательное или бессознательное обращение сознания к своему прошлому, что приводит к очевидному противоречию – в зависимости от ситуации воспоминание выступает у него то как процесс конституирования, то как результат этого процесса [1, с. 4]. В рамках данного подхода мы можем исследовать память отдельного человека, однако трудно анализировать культурную память целого поколения.

Следующий подход для анализа – семиотический, исследующий свойства знаков и знаковых систем, существующих в обществе. В целом данный подход хорошо соотносится с понятиями «культура», «память», «культурная память». Однако с появлением сети Интернет стало трудно, а иногда и невозможно, анализировать знаки и символы, находящиеся в виртуальном пространстве. Это можно было бы назвать семиотическим хаосом. Такие знаки проблематично приве-

сти в систему, невозможно охватить и проанализировать все имеющиеся знаки и символы, которые общество пытается отразить в сети, а, следовательно, сохранить в виртуальной памяти. В будущем также вряд ли удастся упорядочить данный процесс. В сети Интернет огромное количество нечем неподкрепленной, противоречивой информации, фальсифицированных документов. Каждый может «внести свою лепту», подкорректировав реальные воспоминания нереальными дополнениями. В данном контексте говорить о том, что мы можем контролировать процесс передачи информации потомкам с помощью знаков и символов, нецелесообразно.

Герменевтический подход также может быть использован при исследовании культурной памяти. Он применим для осмысления, поиска новых смыслов и неожиданных открытий, особенно когда речь идет о литературных произведениях (художественных, музыкальных, философских, религиозных, исторических). Часто, перечитывая произведения, мы замечаем то, что было скрыто от нас ранее. Этому способствует наш жизненный опыт и возможность в определенном смысле приблизиться к замыслу автора.

В герменевтической онтологии М. Хайдеггера память находится в глубоком родстве с мышлением: «Мышление лишь тогда есть мышление, когда оно вспоминает...» [6, с. 215].

В аспекте герменевтического подхода социальное бытие рассматривается в тождестве с языком и мышлением. Мышление как саморефлексия предполагает ретроспективное движение «возвращения» к прошлому, «воспоминание», то есть обращение к памяти, в структурах которой происходит самоопределение смысла социальной субъективности, что позволяет избегать деонтологизации социального бытия (разрушение социального смысла) [8, с. 212–214].

Данный подход можно наблюдать в деятельности государственных ведомств, которые часто инициируют создание продуктов

виртуальной реальности (сайтов, Интернет порталов, блогов и т.д.) для «истолкования» значимых (часто трагических, героических и патриотических) событий, которые уже не могут или почти не могут представить очевидцев, но способствуют сохранению культурной памяти. Примером могут послужить официальные сайты Министерства обороны РФ, рассказывающие о подвигах советских солдат в годы Великой отечественной войны.

Однако и семиотический, и герменевтический подходы являются продуктом мыслительной деятельности отдельного субъекта, т.е. представляют субъективную точку зрения. В данном случае ученый трактует знаки, символы, тексты в зависимости от жизненных установок, образования, эпохи, настроения и многого другого. Процесс «познания глубинного смысла» может стать также идеологией того или иного правительства. Истинная память о событиях, уроки прошлого могут отойти на задний план. Тогда герменевтика служит политическим и идеологическим целям, что можно наблюдать на примере событий, связанных с оценкой итогов Второй Мировой войны.

Относительно использования герменевтического подхода в рамках виртуальной реальности можно констатировать следующее: он весьма состоятелен как для сохранения культурной памяти, так и для манипуляции в идеологических, политических и иных интересах. Сегодня мы наблюдаем, как толкуются те или иные высказывания политиков различными экспертами. Подобные сюжеты заставляют нас мыслить, присоединяться к какой-либо точке зрения, следовательно, сохранять в памяти. Однако определить достоверность интерпретируемой информации также сложно.

Конструктивистский подход заключается в том, человек имеет возможность самостоятельно конструировать не только свое настоящее и будущее, но и свое прошлое. Изучая имеющуюся информацию, он делает собственные выводы, «конструирует» прошлое, анализируя информацию, поступающую извне [7].

Конструктивисты подчеркивают, что каждый человек самостоятельно выбирает (создает) историю предков. Прошлое (существующее лишь как память о нем) создается не предками, а современниками [2, с. 7]. Д. Лоуэнталь подчеркивает решающую роль современников в создании картины прошлого. При этом содержание памяти полностью зависит от целей, которые преследует современное поколение [10, с. 388].

В данном контексте можно утверждать, что все происходящее сегодня в сети Интернет есть некий конструктор, где каждый конструирует свой мир по своему усмотрению. Подобной же процедуре подвергается и память. В соответствии с нашими потребностями, целями, пожеланиями мы имеем возможность создавать свои сообщества, свое окружение и «свою» память.

Недаром исследование памяти и выявление механизмов влияния на нее становится делом государственной важности для многих стран. В современный век высоких технологий политики, ученые, артисты стали задействовать самый мощный инструмент воздействия – Интернет ресурсы [5, с. 15–16]. Воздействуя на людей с помощью виртуального пространства, они тоже конструируют свою реальность. Для этих целей правительство, научное сообщество и т.д. используют печатные издания, телевидение, и конечно, сеть Интернет как самый эффективный инструмент. В современную эпоху трудно говорить о достоверности какой-либо информации, в особенности, полученной из сети Интернет. Поэтому мы не всегда стараемся отыскать правду, мы из предложенных вариантов выбираем наиболее подходящий и приемлемый для нас в данный момент и с его помощью конструируем свою реальность.

Таким образом, конструктивистский подход к исследованию культурной памяти можно считать наиболее целесообразным в условиях стремительного распространения идеи виртуальной реальности.

Заключение

Культурную память можно понимать как форму трансляции и актуализации культурных смыслов. Это обобщающее название для всего «знания», которое управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах и в обществе в целом и которое подлжет повторяющемуся из поколения в поколение повторению и заучиванию [9, с. 20]. Ранее память сохранялась в рукописях, скульптурах, зданиях и т.д. Сегодня ситуация меняется. Мир становится менее устойчивым, менее предсказуемым и более виртуальным, благодаря новым технологиям. Иногда он кажется нереальным, потому что все больше времени мы проводим в общении с техникой, а не с человеком. Стресс, неуверенность в завтрашнем дне, нарастающий кризис во всех сферах человеческой жизни заставляет нас искать укромные места для успокоения, саморазвития и самоопределения. Наши переживания, эмоции, действия, о которых писал Я. Ассман, сохраняются теперь в виртуальном пространстве.

Меняются подходы к исследованию культурной памяти и приоритетным среди них становится конструктивистский. С помощью Интернета человек имеет возможность самостоятельно конструировать свое настоящее, а также будущее и прошлое. Изучая имеющуюся информацию, он делает собственные выводы, «конструирует» прошлое, анализируя информацию, поступающую извне.

Статья подготовлена при поддержке исследовательского гранта РГНФ «Социальная память в интернет-пространстве как ресурс формирования коллективной идентичности» а(р) 15-13-70001.

Список литературы

1. Аникин Д.А. Память как социальный феномен // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2007. Том 7. Выпуск 1. С. 3–9.

2. Жуков Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы в интерпретации феномена // *INTERNUM*. 2003. №1. С. 6–14.
3. Переходцева О.В. Концепции памяти в современном западном литературоведении // *Вестник Пермского Университета*. 2012. Выпуск 1 (17). С. 157–164.
4. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
5. Толкачева В.А. Особенности сохранения социальной памяти в интернет пространстве // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. №8 (39). Часть 5. С. 15–16.
6. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 320 с.
7. Шиффман Х. Р. Ощущение и восприятие. [Электронный ресурс] URL: http://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya_693/konstruktivistskiy-podhod-28139.html (дата обращения 13.12.2015).
8. Яркеев А.В. Социальное зло и социальная память: герменевтический аспект // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 212–214.
9. Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in den frühen Hochkulturen*. München, 1992. 255 с.
10. Lowenthal D. *The Past is a Foreign Country*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. 676 p.

References

1. Anikin D.A. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija*. 2007. Vol. 7. № 1. Pp. 3–9.
2. Zhukov D.S. *INTERNUM*. 2003. №1. Pp. 6–14
3. Perehodceva O.V. *Vestnik Permskogo Universiteta*. 2012. № 1 (17). Pp. 157–164.

4. Repina L.P. *Kul'turnaja pamjat' i problemy istoriopisanija (istorio-graficheskie zametki)* [Cultural memory and the problem of historical (historiographical notes)]. M.: GU VShJe, 2003. 44 p.
5. Tolkacheva V.A. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2015. №8 (39). Part 5. Pp. 15–16.
6. Hajdegger M. *Chto zovetsja myshleniem?* [What is called thinking?]. M.: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2006. 320 p.
7. Shiffman X. R. *Oshhushhenie i vosprijatie* [Sensation and Perception]. http://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya_693/konstruktivistskiy-podhod-28139.html
8. Jarkeev A.V. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014. № 12 (50). Part III. Pp. 212–214.
9. Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in den frühen Hochkulturen*. München, 1992. 255 p.
10. Lowenthal D. *The Past is a Foreign Country*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. 676 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Толкачева Валентина Александровна, аспирант

*Научный Исследовательский Томский Политехнический
Университет*

ул. Ленина, 30, г. Томск, 634050, Россия

tva-tkds@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tolkacheva Valentina Aleksandrovna, graduate student

Scientific Research Tomsk Polytechnic University

30, Lenin Street, Tomsk, 634050, Russian Federation

tva-tkds@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-254-261

УДК 167.7

**СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА
В РАМКАХ ЭКОЛОГО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

Тюрина Т.А.

В статье рассматриваются основные картины мира в рамках взаимоотношений человека и природы. Особое внимание уделяется естественнонаучной картине мира, возможности создания новой научной парадигмы, которая поможет найти выход в решении вопроса снижения экологической опасности.

Ключевые слова: *научная картина мира; научная рациональность; экологическая безопасность.*

**THE MODERN SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD
IN THE FRAMEWORK OF ECOLOGICAL-TECHNICAL
SECURITY: PROBLEM FORMULATION**

Tyurina T.A.

This article discusses the basic picture of the world in the relationship of man and nature. Special attention is paid to the natural scientific picture of the world, the possibility of establishing a new scientific paradigm that will help to find a solution on the issue of reducing environmental hazards.

Keywords: *scientific picture of the world; science rationality; ecological safety.*

Человеком издавна исследовались вопросы, связанные с рождением мира, его законами и свойствами, причинами каких-либо метаморфоз или нарушений. Данные проблематики анализировали и физики, и химики, и биологи, и астрономы, и, конечно же, философы.

Определение комплекса объектов внешнего мира великий немецкий физик Г. Герц (1857–1894) истолковывал как «картина мира». Со временем значение менялось, и впоследствии стало интерпретироваться как объединение взаимосвязанных упорядоченных взглядов по поводу функционирования Универсума, гносеологических и творческих возможностей индивида, его роли и места в нем.

Различают мифогенную, религиозную, философскую картины мира, которые определяются характерным мировоззрением (рациональным или эмоциональным). Однако выделяется и научная картина мира, ввиду прогрессирующего развития в естествознании.

Интересной представляется функциональная типология особенностей современной картины мира, которую предложила А.Н. Суворова: витальная, аксиологическая, гносеологическая, социальная, объяснительная, мировоззренческая и другие [2]. Однако существуют и другие типологии, обуславливающие сегодняшние реалии.

На протяжении истории человеческой цивилизации мы наблюдаем смену мировоззрений и парадигм, символизирующих смену одной картины мира другой. Нас будет интересовать научная картина мира, поскольку она представляет собой один из основополагающих концептов философии науки и истолковывается как поступательная, целостная трактовка природы на данном этапе развития научного познания. Синонимами картины мира могут выступать: «образ мира», «модель мира», «видение мира» и др.

Был период в истории, когда научная картина состояла из частных картин: физической, биологической, химической и других, каждая из которых имела характерные сферы изысканий, предмет,

цели и задачи. Отсюда и второе ее название – естественнонаучная картина мира (ЕНКМ).

Вспомним динамику эволюции научной картины мира (по Л.Ф. Кузнецовой):

1. Механистическая картина мира. Видоизменение воззренческих познаний о человеке, его трудовой деятельности, пространстве и времени, что имело место в период Средневековья.

2. Эпоха Ренессанса – возникновение иного субъекта познания – окружающего мира как специального объекта изучений.

3. В Новое время увеличивается внедрение знаний науки в сферы промышленной области, возникают предпосылки для появления следующего уровня развития картины мира. Вследствие изучения электрического и магнитного процессов в обществе сложились особенные видения природы и, как итог, новая физическая картина мира.

Механическая и физическая картины мира – это, можно сказать, рациональная классика познания.

4. В науке конца XIX – начала XX века начинает складываться новый тип научной рациональности – неклассическое познание. Оно опирается на толкование вариантности любого бытия. Все более укореняется система взаимосвязей между ученым и объектом изысканий: теперь исследователь изучает объект таким, каким он становится после «работы» с наблюдателем.

5. Постнеклассический тип рациональности – результат научной революции в 70-е гг. XX века. Главными чертами данного типа являются: идея хронологизма; повсеместное вторжение компьютерных технологий; влияние на науку ценностного аспекта изучение объектов, к которым человек имеет прямое отношение. В науку входит антропный принцип (исследование природы с учетом хозяйственной деятельности человека). Важными представляются открытия в

области синергетики Г. Хакена, И. Пригожина, смыслообразующими определениями которой являются открытые системы, свойства самоорганизации, нелинейности систем и другие. Так все физические объекты выступают как постоянно развивающиеся системы, в частности идеи самоорганизации в биологии помогли объединить плеяду узкоспециализированных терминов теоремы эволюции.

Однако сегодняшняя реальность такова, что наблюдается тенденция потери самостоятельности специальных картин мира, развитие получают междисциплинарный и системный подходы в исследовании единства в пестроте разнообразных онтологий. Базовая ценность новой реальности – проведение границы между человеком и природой что является мировоззренческим фундаментом ее эволюции.

Обобщив зарубежные и отечественные литературные источники мы можем говорить, что все, что происходило и происходит сегодня на земле, связано между собой, являя системный кризис нашей цивилизации. Этот кризис может перерасти в катастрофу. Складывается мнение, что людям легче уничтожить планету, чем исправлять сложившуюся ситуацию. Хотя В.К. Трофимов говорил, что безучастное отношение к ценностям, идеалам уходит в прошлое, приводя в пример дискуссии, связанные с динамикой в генной инженерии [3, с. 74].

К сожалению с интенсификацией промышленной и сельскохозяйственной деятельности в XX веке стали чувствоваться лимиты природной продуктивности биосферы. Порча окружающей среды в большинстве регионов привела к необратимым последствиям. Во многом, к этому причастны научно-технические амбиции общества, поэтому данные проблемы должны решаться при использовании совершенных новаций, что не приносят ущерба среде обитания.

На это обращали внимание в своих трудах Л. Мамфорд, Ж. Эллюль, К. Манхейм, Э. Фромм, Г. Маркузе, исследуя угрозы, ко-

которые несут человеку и обществу в целом рост народонаселения, развитие техники и плоды научно-технического прогресса.

Становится все более очевидным, что наше общество все дальше уходит от природы, подвергает ее деструкции, чем способствует разрушению и своей индивидуальной ауры. Поэтому возникает необходимость в изучении и мониторинге предшествующего теоретического и практического опыта взаимодействия человека и среды его обитания.

Осознание обществом крайней нужды в своей безопасности или хотя бы в снижении опасности до достаточного уровня для существования в современных условиях, являлось неким стимулом в достижения баланса и гармонизации интересов человечества и природы. Представляется, что безопасность отдельной страны обеспечивается с учетом безопасности других стран при условии разработки и полного соблюдения общих эколого-социальных императивов всеми государствами (ненанесение вреда другим нациям и окружающему миру; соблюдение справедливости, человечности; оказание помощи нуждающейся нации; признание права любого общества на самосохранение; обязанность и др.).

Некоторые западные социологи [1] выделяют несколько вариантов выхода из экологического тупика:

1. Стратегия невмешательства в природу (природа «умна», гармонична, «несет порядок» и не должна подвергаться вмешательству извне).

2. Стратегия наступления на природу (потребительское отношение к природным богатствам; базисной задачей человека является исправление всех изъянов путем «переписывания» правил природы и тотального ее подчинения).

3. Стратегия самостоятельной регуляции в природе и адаптации человека (способность природы к саморегуляции, к впитыванию и рециклингу вредных примесей, что привносит человек) [5].

Однако не все стратегии допустимы в рамках экологического подхода. Необходимо соответствие природоохранной доктрине о системе «общество-природа», основными концептуальными установками которой являются: 1) интерпретирование общества и природы как совокупности органически взаимосвязанных подсистем (природные, общественные и другие связи человека и природной среды); 2) система «общество-природа» – совокупность нескольких составляющих: материальной (добыча, переработка, потребление, модернизация человеком природы без ущерба для нее) и экологической (потребность человека и общества в целом в чистой, здоровой, продуктивной и разнообразной окружающей природной среде); 3) человек ответственен перед миром и всем живым – такая позиция противоположна бездумному и даже хищническому отношению к природе. Позиция ответственности должна стать императивом всякого помысла, действия людского.

Природу нужно сохранять, а не изменять, то есть воздерживаться от вмешательства в природу, заменить пассивную позицию стороннего наблюдателя за нарастающей катастрофой в биосфере активной позицией радикального изменения направленности вектора соответствующего невмешательства [4].

Подведя итог вышесказанному представляется необходимым попытаться создать новую концепцию дальнейшего существования человечества и вместе с тем новую эколого-технологическую картину мира, которая будет основываться на принципах натуралистической, антропологической, эволюционной, энвайроментальной парадигм, сопряженных с результатами научно-технического развития общества.

Для этого необходимо помнить о соответствии определенными функциональными критериями любой научной картины – это историчность, эволюционизм, систематизирование/интегративность, обоснование, информирование и эвристичность.

На основе идей новой концепции необходимо кардинально пересмотреть будущее развитие человеческого общества имея в виду то, что человек – и субъект (в экономической подсистеме посредством своего практического опыта), и объект (в экологической подсистеме как подвергающийся такому же воздействию) одновременно, главное звено в связке «общество – природа».

Акцент должен быть сделан на экологическом сознании, экологически ориентированном образовании и основах снижения экологической опасности природы и современной цивилизации [4].

Список литературы

1. Мохаммад С.А. Хартия земли как этическая основа взаимодействия общества и природы и управления последней // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2012. № 4. С. 218–224.
2. Суворова А.Н. Картина мира и проблема ее типологизации : дис. ... канд. филос. наук. Самара, 1996.
3. Трофимов В.К. Общие проблемы философии науки. Курс лекций: учебное пособие. Ижевск : ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2009. 143 с.
4. Тюрина Т.А. Экофилософский аспект в анализе проблемы сознания // Философские проблемы естествознания и технических наук: материалы междунар. науч. конф. ЮФУ. Ростов н/Д; Таганрог, 2014. С. 293–296.
5. Федоров Н. Сочинения. М., 1982. С. 301.
6. Tyurina T.A. The optimism of world formation in knowledge of bases of ecological Safety / A.E. Astvatsaturov, M.A. Basilaia, M.D. Kintsurashvili // Global Science and Innovation: materials of the II International Scientific Conference, May, 21-22. Chicago (USA), 2014. Vol. I. 292 p. Pp. 235–242.

References

1. Mokhammad S.A. *Vestnik RUDN. Seriya Yuridicheskie nauki*. 2012. № 4. Pp. 218–224.

2. Suvorova A.N. *Kartina mira i problema ee tipologizatsii* [Picture of the world and the problem of its typology]. Samara, 1996.
3. Trofimov V.K. *Obshchie problemy filosofii nauki. Kurs lektsiy* [Common problems of philosophy of science. Lecture course]. Izhevsk: FGOU VPO Izhevskaya GSKhA, 2009. 143 p.
4. Tyurina T.A. *Filosofskie problemy estestvoznaniya i tekhnicheskikh nauk: materialy mezhdunar. nauch. konf. YuFU* [Philosophical problems of natural science and engineering science: Proceedings of the international scientific. conf.]. Rostov n/D; Taganrog, 2014. Pp. 293–296.
5. Fedorov N. *Sochineniya* [Writings]. M., 1982. P. 301.
6. Tyurina T.A., Astvatsaturov A.E., Basilaia M.A., Kintsurashvili M.D. The optimism of world formation in knowledge of bases of ecological Safety. Global Science and Innovation: materials of the II International Scientific Conference, May, 21–22. Chicago (USA), 2014. Vol. I. 292 p. Pp. 235–242.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Тюрина Татьяна Александровна, преподаватель кафедры «Естественные науки»

Донской государственный технический университет

пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия

dok217@ya.ru

SPIN-код: 6219-1012

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tyurina Tatiana Alexandrovna, Lecturer

Don State Technical University

1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344000, Russia

dok217@ya.ru

SPIN-code: 6219-1012

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-1-262-274

УДК 304

В ПОИСКАХ ГУМАНИТАРНОГО НАЧАЛА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Чепьюк О.Р.

Целью исследования является изучение возможностей гуманитарного подхода в решении тех сложных вопросов, которые ставит современная экономическая система и которые не могут быть решены в рамках экономики как науки.

Методы проведения работы: диалектический метод позволяет рассмотреть экономику с двух разных точек зрения: как систему, не обладающую размерностью, и экономику как среду обитания, в которой возникают ценностные измерения, что делает саму систему конечной и подверженной энтропии.

Результаты исследования: Пытаясь сохранить в устойчивом состоянии сложившуюся хозяйственную систему, а также продолжить традицию вековых исследований, предмет экономической науки возвращается к поиску рациональных решений по управлению индивидом, институтом или социумом. В таких условиях вопросы других гуманитарных наук по поводу экономического бытия человека остаются неразрешенными: пройдя через призму господствующих мировоззренческих констант, они преобразуются в дилемму о балансе государства и рынка в управлении социально-экономическими системами, о влиянии отдельных институтов на социум, или поиске гармоничных настроек разрастающихся рыночных механизмов. Методология гуманитарного подхода позволяет рассмотреть ответити на многие вопросы,

решение которых связано с тем, чтобы увидеть в них человека, а не очередную систему.

Область применения результатов: развитие методологических возможностей социальной философии в приложении к решению проблем экономической науки.

Ключевые слова: этика; экономический кризис; информационная экономика; гуманитарный подход; социальная философия; общество потребления.

HUMANITARIAN ANALYSIS OF CURRENT ECONOMIC SYSTEMS

Chepyuk O.R.

Purpose of this study is to explore the possibilities for humanitarian approach to solving the complex problems posed by the current economic system, and that can not be resolved within the economy as a science.

Methodology includes the dialectical method, which allows us to consider the economy in two dimensions at the same time. It could be considered as a system, that does not have the dimension, and the economy as a habitat which itself finite and subject to entropy.

Results: Today economists are in an awkward position. Trying to maintain the steady-state current economic system, they return to find rational solutions to the management of the individual, institution or society. In such circumstances, many issues of the person economic life remain unresolved: passing through the prism of the dominant ideological constants, they are transformed in a dilemma about the balance of state and market in the management of socio-economic systems, and the influence of individual institutions in the society, or the search for

a harmonious setting proliferating market mechanisms. However, the philosopher, armed with a “lantern” of Diogenes, can answer many questions, the solution of which is due to the fact that they see the person and not another system.

Practical implications the development of methodological possibilities of social philosophy when applied to the problems of economic theory

Keywords: *ethics; economic crisis; information economy, humanitarian approach, social philosophy, consumer society.*

Немецкий исследователь Р.Блюм однажды подметил, что у каждой из общественных наук есть свой человек, свой homo logicus [1, p. 111]. История человека в экономических науках отличается, с одной стороны, устойчивым однообразием, а с другой – завидной последовательностью, благодаря которой теоретическая база экономической науки закономерно развивалась на протяжении своей истории. Экономическая теория описывает человека в двух абстрактных крайних состояниях. Редукционистская школа приписывает ему рациональное поведение и низкую склонность к системным ошибкам. Такой «экономический человек», как видят его А. Смит, Д. Рикардо и другие классики-экономисты, самостоятелен и вполне осознан во всех своих поступках. В этом он напоминает продвинутую компьютерную систему, с помощью которой в XX–XXI вв. он регулярно анализируется. Историческая школа институционализма, напротив, расписывается в своей неспособности оптимизировать поведение индивида, признавая за ним крайние несовершенства. Это влечет за собой создание многочисленных институтов и систем, призванных исправлять и контролировать последствия непредсказуемого человеческого поведения. Для устойчивой хозяйственной системы первому «человеку» главное

не мешать в управлении благами, второму – требуется привносить благо извне, уравнивать интересы между разными общественными группами, а также создавать замысловатую хозяйственную систему контроля и управления.

Рассуждения о способностях человека к рациональному поведению и возможности его моделирования оставались бы отстраненными концепциями, если бы не превращались на практике в действующие политические программы, преобразующие социально-экономическую реальность. Мы обнаруживаем, что экономика обладает двумя размерностями. С одной стороны, это непрерывно усложняющаяся система коммуникации и социальных связей, требующая усилий в управлении и поддержании, а с другой – это вполне реальная область бытия современного человека. Эти две размерности не существуют параллельно, или в противопоставлении одна другой. Можно провести аналогию с двумя атомами, которые испытывают взаимное притяжение на дальнем расстоянии и отталкиваются вблизи. Человек, будучи существом вполне материальным, обладает духовным началом, он как бы «распят между двумя мирами». Однако, с другой стороны, он сознательно включается в экономику, так как она освобождает его от власти природы.

Экономическая система это не есть неумолимая данность, но создаваемая человеческим умом иная среда обитания, фрактально подобная природной. Человек создаёт её умышленно, пытаясь вырваться из рабства природных стихийных сил. Однако он наделяет её сходными с природой качествами, такими как хаотичность, неуправляемость, сложность. Человек будто умышленно создаёт условия для собственного пленения властью иной природы – теперь экономической. Эта экономизация социального пространства, а вернее – та лёгкость, с которой она распространяется в обществен-

ной жизни, является одним из мало изученных вопросов. В то время как экономисты увлечены сохранением выбранного вектора хозяйственной системы, а социологи констатируют его негативные последствия для общества (и разрушительные для отдельной личности), причины массового распространения экономического мышления остаются мало изученными. Их исследование требует более сложного, философского мыслительного аппарата.

Здесь интересно задать вопрос: является ли тиражирование «экономического человека» намеренным, случайным, или оно стало следствием какого-то более сложного социального процесса. Рассмотрим несколько гипотез, которые в том или ином виде обсуждались экономистами, философами и социологами.

Во-первых, это управленческий фактор, то есть то управляющее воздействие, которое экономика оказывает на жизнь человека, заставляя его подчиняться, играя по определенным правилам. Как только человек вступает в пространство экономики, он вынужден соответствовать определенным нормам и требованиям со стороны других участников товарно-денежных отношений. Эта нужда быть таким, каким хотят другие, нужда подстраиваться, изменяя собственному внутреннему компасу, оказывает неизмеримое давление на личность. Характернее всего это проявляется в трудовых отношениях, где налаженная система рекрутинга не оценивается с точки зрения человека и его духовных требований: это личность должна соответствовать системе, а не наоборот. Экономизация труда выражается в создании рынков рабочей силы, где человеку предлагается на регулярной основе отдавать результаты труда в обмен на денежное вознаграждение. Чтобы этот обмен был выгоднее, рекрут вынужден вступать в конкурентные отношения, а также регулярно повышать свой уровень мастерства, но лишь в той области своей деятельности, которая пользуется наибольшим спросом.

Таким образом, происходит подчинение личных внутренних интересов и духовных талантов человека запросам системы, функционирующей по законам денежно-материальной природы. Сегодня выпускник учебного заведения вынужден соглашаться с этими искусственными условиями «взрослой жизни» так же, как человек обыкновенно смиряется с естественными природными законами.

Заметим, что такая позиция неоднократно критиковалась представителями русской философской традиции конца XIX – начала XX века. *Н.А. Бердяев*, *С. Булгаков* указывали на опасность тотального экономизма. Для них ведение экономического хозяйства является разновидностью материальной реализации духовной жизни человека. Духовное начало – это не только исходная точка любой деятельности человека, но оно и не должно разрываться с материей. Следствием этого разрыва является творческий кризис, обеднение, выхолащивание действительности, быта и всей социальной реальности, создаваемой человеком посредством хозяйственной деятельности. Вот момент, когда свободный и полезный для развития человека труд превращается в его работу. Время, затрачиваемое человеком на работу, становится для него как бы «потерянным», что порождает теории о необходимости сокращения рабочего времени ради гипотетической свободы времяпрепровождения. Радость мастера от творческого труда уходит в прошлое: на смену приходит радость пленника, получившего свободу от нелюбимой работы. Такое отношение к труду вытекает из классического понимания экономического поведения. Наиболее ясно её выразил *Дж. Бентам*, указав, что «стремление к труду не может существовать само по себе, это псевдоним стремления к богатству, сам же труд может вызвать лишь отвращение» [3, р. 435–436].

Итак, в рамках первой гипотезы мы констатируем, что экономическая система хозяйствования наделена некой особенной властью над человеком, и способна изменять его, навязывая свои правила.

Г. Маркузе по этому поводу пишет: «Никогда прежде общество не располагало таким богатством интеллектуальных и материальных ресурсов и, соответственно, не знало господства общества над индивидом в таком объеме» [9, с. 5]. Это давление сильнее всего проявляется в течение цикла производственных отношений (обработка ресурсов, трудовые отношения, создание продукта), которые приобрели современные черты во время индустриализации. В течение XX–XXI веков мы наблюдаем похожие революционные изменения в области медиапространства. Чарующее влияние медиа среды на человека подробным образом исследовано современными учеными. Таким образом, вытекает вторая гипотеза о том, что стремительное развитие медиапространства сделало личность ещё более уязвимой к влиянию экономики. Это позволило как бы «замкнуть» человека на материальной стороне жизни, пописав сценарий его поведенческих реакций не только в процессе производства продукта, но и в течение стадии потребления.

Человек-потребитель надолго прописался в экономике благодаря своей предсказуемости и управляемости, что позволило ускорить развитие экономической системы. Упрощение окружающего мира с целью мотивации к шаблонным поведенческим реакциям является одним из распространенных методов управления массами: «Человек сначала представляет мир, а потом уже видит его» [2, р. 38]. Это принцип наименьшего сопротивления. Получается, что навязать шаблон поведения проще, чем спроектировать среду обитания, в которой появится возможность проживания индивиду с широким спектром жизненных задач, не ограниченных удовлетворением материальных потребностей. Именно вокруг них сегодня завязан социально-экономический узел системы. Однако удивление вызывает то, что экономисты защищают это воссозданную среду обитания, апеллируя к невозможности иначе создать устойчивый механизм

хозяйственной системы. Экономисты признают, что созданная система хозяйствования скроена не для всех и не для каждого. «Выхолащивание духовного начала в научной интерпретации экономического поведения объясняется как сложностью его формализации, так и определенной идеологической традицией», – констатирует эту вполне научную проблему С.Ю. Глазьев [7, с. 66]. Вслед за другими науками XX века, которые «объединили и унифицировали вселенную», был создан ещё один «реальный мир, в котором с трудом находится место человеку» [8, с. 109].

Здесь мы вступаем в область третьей гипотезы, в рамках которой поддержание вектора материального мышления следует рассматривать не как следствие революционных социальных изменений (индустриализация, развитие медиапространства), а намеренным – как «необходимое зло» для сохранения сложившихся условий хозяйствования. Современная экономика строится на предпосылках о возможности предсказания человеческого поведения. Функция предсказания является необходимой в господствующей парадигме экономического управления. Предсказания позволяют сделать экономическую систему понятной, управляемой и главное – снизить риски. Создание образа понятного человека, поведение которого может моделироваться, является необходимым условием выработки рациональных поведенческих моделей, на основании которых в рамках действующей парадигмы можно выстраивать все остальные управленческие параметры. Эта парадигма находится в пределах научного понимания времён Ньютона: упрощения, моделирования, двухмерного представления. Так, Дж. Милль сравнивал человека, стремящегося к богатству, с «прямой линией, имеющей длину, но не имеющей ширину» [10, с. 394]. Современные модели экономического человека в этом смысле не изменились. В то время как естественнонаучные дисциплины допускают хаотичное поведение систем и усматривают в этом опреде-

ленные законы, идеология экономической науки «заперта» в плоской системе координат.

«Понятный человек» должен иметь понятные желания. Такими желаниями на заре экономической науки стали стабильное потребление и всеобщее удовлетворение, другими словами «одинаковое у всех людей постоянное и неисчезающее стремление улучшить свое положение» [12, с. 27]. В течение XX века неоднократно утверждалось, что ведущим приоритетом должно стать создание экономической системы, которая обеспечивает непрерывный рост благосостояния. Потребитель рационален, его желания обусловлены природными и психическими условиями существования в материальном мире. Этими потребностями не только можно управлять, но и создавать новые, вооружаясь инструментами современных медиа средств. Негативные последствия тиражирования такого «человека» в социальном пространстве подробно исследуются социологами. Однако всё, что остается социологии – это наблюдать последствия тотального экономизма и изучать протекающие под его влиянием процессы в обществе.

Цикл замыкается: для поддержания товарно-денежных отношений, которые освобождают человека от власти природы (налаженные процессы энергетики, транспорта, сельского хозяйства), для т.н. «очеловечивания природы» [6, с. 79] необходимо подчинение человека экономическим законам. Сюда относятся и стимулирующие покупательную способность методы рекламы, и кредитные механизмы, раскрепощающие человека в покупках, и даже культурные сдвиги, делающие подходы в магазины частью семейной традиции и отдыха. Эти методы и средства вызывают негативные социальные последствия. *Дарио Салас Соммер* подмечает, что «за этим (потребительством – прим. автора) стоит бессознательное желание повысить самооценку способом «иметь», а не способом «быть» [13, с. 154]. Получается, что для сохранения действующей хозяйствен-

ной системы, мы вынуждены делать прививку отнюдь не благородных качеств потребительства, порождающих духовный вакуум.

Если проблема распространения материального мышления только в том, что экономика как наука не может «вместить» в себя понимание «духовного» и иррационального начала в человеке, то, возможно, следует смириться с её воздействием на человека. Нам требуется новое осознание экономики как науки и экономики как практики.

Не следует считать, однако, вслед за *К. Марксом*, что изменение экономической формации (например, переход от капитализма к социализму) может привести к улучшению социально-экономической среды. Как показывает многовековая практика применения различных хозяйственных подходов, благосостояние отдельных людей и народов слабо коррелирует с выбранной формой экономической системы. Вопросы справедливого распределения благ, завязанные на потреблении, могут быть не связаны с процессами их производства и создания. Не условия хозяйствования влияют на духовную жизнь, а как раз наоборот. Посредством хозяйствования человек способен не только перерабатывать ресурсы и потреблять их в новой, *удобоваримой* форме, но и «творить культуру» [6, с. 173], то есть создавать нечто новое, отнюдь не стихийно природное, но своё, человеческое. Осмысление экономики как среды для созидания, а не потребления (дохода, а не расхода), заставляют несколько иначе сформулировать наболевшие экономические вопросы, а также удалить из поля рассуждения проблему выбора хозяйственного строя, который становится лишь инструментом для построения устойчивой системы человеческих взаимоотношений.

Здесь мы выходим ещё на одну гипотезу, по которой пленение человека экономикой начинается изнутри, а не снаружи, то есть не система меняет человека, а внутри него зреет какая-то неудовлетворенная потребность. Речь идёт о так называемом духовном вакуу-

ме, который сформировался вследствие разрушительного действия «фаустовской» мысли. Однако заполнение материальной природой нематериальной потребности не даёт должного эффекта. Возникает мысль, что экономизация – это новая попытка изобретения философского камня, который преобразует материальное в нематериальное.

В этой связи экономисты могли бы поставить перед собой вопрос не о том, как удовлетворить безграничные потребности при ограниченных ресурсах, а о том, как создать условия, благоприятные для реализации внутренней человеческой жизни – будь то творчество и труд, коммуникация и познание, частная собственность и предпринимательская инициатива. Процессы потребления, накопления и распределения, экономических благ при этом следует рассматривать как прикладную математическую задачу, решение которой позволяет обеспечить функционирование системы. Однако постановка этой задачи должна быть выполнена на новом уровне научного понимания, которое допускает сочетание детерминистического начала социально-экономической системы и свободной творческой воли человека. До сих пор не доказано, что управление такой системой потребует меньше издержек, чем существующие подходы. Однако в настоящее время имеется доказательная база [11; 13] для признания таких систем более устойчивыми, благодаря их близости к естественным природным системам.

Список литературы

1. Blum R. Die Zukunft des Homo oeconomicus // Das Menschenbild der Ökonomischen Theorie / Hrsg. V. Biervert, M. Held. Frankfurt a. M.; N.Y., 1991. Pp. 111–131.
2. Lippmann W. A preface to morals. Transaction Publishers, 1960. 406 p.
3. Stark, W. (ed.). Jeremy Bentham's economic writings. Routledge, 2004. Vol. 3. 600 p.
4. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Состав., предисл. и примеч. Л.В. Полякова. М.: ИМА-пресс, 1990. 66 с.

5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006. 272 с.
6. Булгаков С.Ю. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
7. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 254 с.
8. Койре А. От мира “приблизительности” к универсуму прецизионности // Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 109–127.
9. Милль Дж.С. Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. В 3 т. М.: Прогресс, 1980.
10. Пригожин И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
11. Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
12. Соммер Д.С. Мораль XXI века. М.: Издательский дом «София», 2004. 528 с.
13. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985. 424 с.

References

1. Blum R. Die Zukunft des Homo oeconomicus. *Das Menschenbild der Ökonomischen Theorie* / Hrsg. B. Biervert, M. Held. Frankfurt a. M.; N.Y., 1991. Pp. 111–131.
2. Lippmann W. *A preface to morals*. Transaction Publishers, 1960.
3. Stark W. (ed.). *Jeremy Bentham's economic writings*. Routledge, 2004. Vol.3. 600 p.
4. Berdyayev N.A. *Filosofia neravenstva* [Philosophy of Inequality] / Polyakov L.V. (ed.). Moscow: IMA-PRESS. 1990. 66 p.
5. Bodriyar Z. *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer society]. Moscow, 2006. 272 p.
6. Bulgakov S.Y. *Filisofia hozyaystva* [The philosophy of the economy]. М.: Institute of Russian civilization, 2009.

7. Glazyev S.Y. *Strategia operezhayushogo razvitiya Rossii v usloviyah globalnogo krizisa* [The strategy of advancing the development of Russia in the global crisis]. Moscow: Economics, 2010. 254 p.
8. Koyré A., Tarr R. *Ot mira prilizitel'nogo k universumu pretentziosnosti* [Du monde clos à l'univers infini / Études d'histoire de la pensée scientifique]. Moscow, 1985. Pp. 109–127.
9. Mill J.S. *Osnovy politicheskoy ekonomiki* [Principles of political economy]. Moscow, 1980. Vol.1. Pp. 394–402.
10. Prigogine I. *Poryadok is chaosa. Noviy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of chaos. Man's new dialogue with nature]. Moscow, 1986. 432 p.
11. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [The Wealth Of Nations]. Moscow, 1962. pp.27-29.
12. Sommer D.S. *Moral XXI veka* [Moral Physic]. Moscow, 2004. 528 p.
13. Haken, H. *Ierarhii neustoychivosti v samoorganizuyushihsiya sistemah i ustroystvah* [Advanced Synergetics Instability Hierarchies of Self-Organizing Systems and Devices]. Moscow, 1985. 424 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чепьюк Ольга Ростиславовна, доцент кафедры «Финансы и кредит» Института экономики и предпринимательства, кандидат экономических наук
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
пр-кт Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, 603057, Россия
chepyuk@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Chepyuk Olga Rostislavovna, Associate Professor, Ph.D.
Nizhni Novgorod State University named after N.I. Lobachevski
23, Gagarin prospect, Nizhni Novgorod, 603057, Russia
chepyuk@gmail.com

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://sisp.nkras.ru/p-ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7-24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с.5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://sisp.nkras.ru/p-en/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p.5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. **Introduction.**
2. **Objective.**
3. **Materials and methods.**
4. **Results of the research and Discussion.**
5. **Conclusion.**
6. **Conflict of interest information.**
7. **Sponsorship information.**
8. **Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕННОНИТОВ ПО ДАННЫМ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ, АНДРОНИМОВ И ТОПОНИМОВ Евсеев Н.О.	7
ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИТОГОВ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ Кузнецов Д.В.	20
АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В ИСТОРИИ ЗАПАДА Лебедев В.Э.	33
А.Н. РАДИЦЕВ В ВЯТСКОМ КРАЕ ПО ДОРОГЕ ИЗ СИБИРИ В 1797 г. Рафиков А.М.	50
СОВЕТСКО-КИТАЙСКАЯ ГРАНИЦА ГЛАЗАМИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ Шадрина Е.А.	62
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ПРОЗЕ Ю.В. БУЙДЫ 2010-х ГОДОВ Безрукавая М.В.	75
ЖАНРОБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ РЕКЛАМНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ ГАЗЕТЫ «СИБИРСКИЙ ЛИСТОК» Выхрыстюк М.С., Федотова Д.Ю.	86

СОВРЕМЕННЫЕ СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ БАШКИР В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН XX в. Галиева Ф.Г.	107
АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ ПАР С РАЗВИТОЙ ПОЛИСЕМИЕЙ Доценко Д.В.	127
МЕХАНИЗМЫ ГЕНЕЗИСА ОБРАЗОВ ПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ Кубракова Е.А.	143
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ РОССИИ И СТРАН СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО РЕГИОНА: ПЕРСПЕКТИВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА Славина Л.Р.	160
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ-ЭТАЛОНЫ РАЗМЕРНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТОВ Федеява Е.В.	173
ХАРАКТЕРИСТИКИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ И ЕЁ ОТНОШЕНИЕ К СОЧЕТАНИЯМ СЛОВ Цаголова Т.Т.	189
СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ РОДСТВА В РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА Чеботникова Т.А., Якимов П.А.	203
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ Дорохина Р.В.	213

(МЕТА)ФИЗИКА ТЕЛА ТОМАСА ГОББСА Никулина А.Г.	226
ТРОПОЛОГИКА РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ Соболев Ю.В.	234
ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ Толкачева В.А.	243
СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА В РАМКАХ ЭКОЛОГО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ Тюрина Т.А.	254
В ПОИСКАХ ГУМАНИТАРНОГО НАЧАЛА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ Чепьюк О.Р.	262
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	275

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

ETHNIC ORIGIN OF MENNONITES ACCORDING TO DATA OF ETHNOLINGUISTICS, FAMILY NAMED PLACE NAMES Evseev N.O.	7
PROBLEM STUDY OF SOCIAL OUTCOMES STOLYPIN'S AGRARIAN REFORM IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY Kuznetsov D.V.	20
ANTIQUÉ HERITAGE IN THE HISTORY OF THE WEST Lebedev V.E.	33
A.N. RADISHCHEV IN THE VYATKA PROVINCE ON THE WAY FROM SIBERIA IN 1797 Rafikov A.M.	50
SINO-SOVIET BORDER BY NATIONAL HISTORIANS Shadrina E.A.	62

STUDIES IN PHILOLOGY

ART MODEL OF THE WORLD IN Y.V. BUIDA'S PROSE IN THE 2010s Bezrukavaya M.V.	75
GENRE CHARACTERISTICS ADVERTISING BOARD OF THE NEWSPAPER «SIBERIAN SHEET» Vykhrystyuk M.S., Fedotova D.Y.	86
MODERN WEDDING CUSTOMS OF THE BASHKIRS IN THE CONTEXT OF SOCIAL CHANGE XIX CENTURY Galieva F.G.	107

CONTENTS ANALYSIS OF LINGUISTIC PAIRS WITH HIGHLY DEVELOPED POLYSEMY Dotsenko D.V.	127
IMAGES OF SPACE IN MARINA CVETAIEVA'S LYRICS: THE GENESIS MECHANISMS Kubrakova E.A.	143
REGIONAL LANGUAGES OF RUSSIA AND THE NORTH AMERICAN REGION: PROSPECTS FOR COMPARATIVE ANALYSIS Slavina L.R.	160
NOMINAL MEASUREMENT ARCHETYPES AS THE REPRESENTATION OF THE PERCEPTION RESULTS OF THE OBJECTS' SPATIAL ATTRIBUTES Fedyaeva E.V.	173
CHARACTERISTICS OF ANALYTICAL UNITS AND THEIR RELATION TO WORD COMBINATIONS Tsagolova T.T.	189
THE KINSHIP WORDS FUNCTIONING IN THE NATIVE RUSSIANS' SPEECH PRACTICE Chebotnikova T.A., Yakimov P.A.	203
STUDIES IN PHILOSOPHY	
THE ACTIVITIES OF STUDENT ORGANIZATIONS OF THE MOSCOW UNIVERSITY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA Dorokhina R.V.	213
(META)PHYSICS OF THE BODY THOMAS HOBBS Nikulina A.G.	226
TROPOLOGY OF RELIGIOUS BELIEF Sobolev Y.V.	234

THE APPROACHES TO THE CULTURAL MEMORY STUDYING IN THE MODERN CONDITIONS Tolkacheva V.A.	243
THE MODERN SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD IN THE FRAMEWORK OF ECOLOGICAL-TECHNICAL SECURITY: PROBLEM FORMULATION Tyurina T.A.	254
HUMANITARIAN ANALYSIS OF CURRENT ECONOMIC SYSTEMS Chepyuk O.R.	262
RULES FOR AUTHORS	275

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 04.03.2016. Заказ СИСП12016.
Тираж 5000. Усл. печ. л. 20,4. Формат 60×84/16